Кижи. Снимок с вертолета Павла Кривцова.

НА КРАСЕ-ТО ОНА ДА ПОСТАВЛЕНА...

Роспись, что на две горницы лесу и на сени высечь сосно-вого, доброго, ядреного, глаткого, несуковатого и не дублецатого и не закомлистого, красного сколько понадобитца и на наряд в горницы и на подволоки, и в сени, и на окошка, и на косяки, и на двери, и на кровли тесу сколько понадобитца. На горницы бревна длиною все стены трех сажень с полуаршином в трехаршинную сажень, на сени длиною бревна трех сажень с аршином, в тое ж меру; в отрубе все бревна толщиною в восмь вершков, да в полоосма вершка, а менши семи вершков не ставить; да в те же горницы по три моста, да в сенях на два моста бревен сколько понадобитца, а толщиною в отрубе бревна в шесть вершков и припровадить тот бреветной и тесовой лес, что на то хоромное строенье понадобитца, в плотех к Вологде на срок на Петров день и Павлов святых верховых апостал нанешнего 192 (1684) году; и поставить под его Андреев двор, и из воды возить к его Андрееву двору на гору на своих наемных лошадех. И выскоблить, и срубить, а к рубке тех хором приттить на срок на Успениев день святые Богородицы того ж году. А срубити им, порядчиком, ис того лесу две горницы вышиною 19 рядов или с рядом двадцать по повалу и обвершить и взамшить, у обеих горниц все стены по три сажени с полуаршином, а вонные стены скоблить, а верхние житья рубить в брус; да в тех же горницах внутре намостить по три моста, в горнице исподние мосты тесать и в подизбицах стены (сст. 2) вытесать кругом и двери на косякох зделать, высотою пустить от нижних мостов до середних мостов по три аршина и середние мосты намостить в черты, а исподы у мостов тесать и выскоблить, и на мосты земли наволочить и тесовые мосты на землю в приплот наплотить толщиною в обеих горницах середние мосты з землею и с тесовыми мостами вышиною пустить на аршине, а в горницах вышиною пустить ужи тех, с тесовых мостов до подволок по четыре аршина и на потолоки земли наволочить и те горницы и сени покрыть под одну кровлю на драницах скалами, тесом в зубец, на огнивах, и причелины по краям прибить, и в горницах стены кругом выскоблить и лавки кругом на подставках зделать и опушить. И двери на косякох зделать и окон на косяках, сколько хозяин повелит зделать; да подволоки в обеих горницах в брусье в косяк в закрой забрать и выскоблить; да в сенях исподней и середней мосты намостить бреветные и вытесать, а сенные бревна тесать обе стороны; да в сенях на брусье подволока тесовая зделать взакрой, на подволоку лесница. Кругом лесницы забрать тесом в косяк, да к сеням делать лесница и крыльцо и покрыть; а зделать те горницы и сени, и крыльцо, как у Ивана Олферьева у ворот малые горницы зделаны. И до отделки того хоромного дела прочь не отходить. А рядили 40 рублей, наперед 10 рублев, а как по лес пойдут, взяти 10 рублев, а как хоромы покроем, взяти 10 рублев, досталь, как отделают.

Порядная запись на постройку двух горниц и сеней в Вологде (1684 г.)

На 1-й обложке:
в музее деревянного зодчества (Малые Карелы, Архангельск).
Фото Павла Кривцова.

КУЛЬТУРА

Традиции. Духовность. Возрождение.

ЕВДОКИМОВ Иван Васильевич, русский советский писатель, искусствовед, биограф, родился в Кронштадте, 22 января (4 февраля) 1887 года, в семье флотского фельдфебеля. После выхода Василия Евдокимова в отставку семья вернулась на Вологодчину (родители Ивана Евдокимова — коренные вологжане с Кубенского озера). Младший Евдокимов три зимы ходил в земскую школу в Березниках, где перечитал всю библиотеку. Тогда же начал пробовать свои силы в коротких рассказах.

Накануне первой русской революции 1905 года Иван Евдокимов работает телеграфистом на постройке железнодорожной линии Вологда — Петербург. Здесь он вступает в марксистский кружок, участвует в работе вологодской подпольной большевистской организации. В 1911 году Евдокимов с трудом (не давались ему языки, математика, естественные науки) выдерживает экзамены экстерном в вологодской гимназии. А к 1915 году заканчивает историко-филологический факультет Петербургского университета. К этому времени на счету у будущего писателя немало стихов, статей и фельетонов, напечатанных в вологодской периодике под разными псевдонимами, а также изданный за свой счет стихотворный сборник «Городские смены» (не имевший, впрочем, успеха). Тогда же у Ивана Евдокимова возникает горячий интерес к древнерусскому искусству, русским национальным традициям, корни которых он находит в Северном крае. Статьи Евдокимова появляются в петербургских журналах, а затем, в Вологде, выходят и первые небольшие книжки по истории родного искусства.

В 1922 году Евдокимов с семьей перебирается в Москву, где поступает техническим редактором в Госиздат. Оказавшись в центре бурной литературной жизни столицы, Евдокимов пишет ряд искусствоведческих книг, среди которых появляются его неповторимые художественно-биографические работы. И тогда же осуществляется давно не оставлявшее его желание быть художником слова: в 1925 году выходит в свет первая повесть — «Сиверко», положившая начало целому ряду произведений Ивана Евдокимова, популярных в 20-30-е годы, затем забытых, а теперь возвращаемых нашей литературе.

Умер Иван Васильевич Евдокимов от сердечного приступа 28 августа 1941 года, по дороге с дачи (из-под Истры) в Москву, куда он ехал, чтобы вступить в народное ополчение.

рукотворчество безымянных мастеров

ИВАН ЕВДОКИМОВ

ВЕЛИКИЙ ЗОДЧИЙ

«Мы ленивы и нелюбопытны», — сказал Пушкин.

Эти слова обязывают. Они стали крылатыми.

Почему же они обязывают?

Во-первых, потому, что это не случайно оброненные слова обыкновенного человека, сказанные и забытые, а слова гения, слова Пушкина — поэтического солнца нашей художественной литературы.

Во-вторых — всегда случается так, что гению свойственно подсмотреть, проникнуть до самой сути вещей, до глубины явления, вскрыть явление, обнажить его как бы конструктивные части — и вдруг осветить светом ярким и ослепительным. Темное вдруг становится ясным, скрытое — явным до поразительной очевидности. Такова ударная сила и фразы Пушкина *«Мы ленивы и нелюбопытны»*.

Этими словами буквально определяется наша национальная сущность. Во всех неисчерпаемых областях нашей жизни мы проявляем крайнюю лень, полное равнодушие и отсутствие малой доли любопытства.

Пушкин как бы прощупал тайно бьющий пульс нашего национального кровообращения, и эта фраза стала крылатой, применимой на каждом шагу.

Но ни в чем, кажется, эта зловещая черта русского национального характера так воочию, с такой яркостью не проявилась, как в отношении к художественному проявлению русской стихии за века ее исторической жизни.

Между тем в области художественного творчества русский народ достиг огромнейших успехов, создал колоссальной художественной ценности культуру, которая только теперь, за последние полтора десятка лет, извлекается из забвения.

В своем соборном творчестве русский народ создал великую художественную культуру, проявившуюся в зодчестве, иконописи, прикладном деле с полным блеском и несколько приглушенно в ваянии и музыке.

И этого почти никто не знает!

Раз создана великая художественная культура, значит, русский народ — великий художник, великий художественный талант.

И это почти никому не приходило в голову, никто не задумывался над этим.

Вот тут и выступает роковая черта нашего характера, наше непонимание сделанного полета, равнодушие к тому, что сделано вчера и как сделано.

Не вскрывается ли перед нами в этом ужасное отставание русской культуры перед другими культурными народами, постоянные перебои ее, разорванность ее на части, часто скрепленные между собою какими-то паутинкообразными волокнами?

Глубочайшее невежество и равнодушие царило в познании своего прошлого. А ведь познание своего прошлого — есть познание настоящего и предуказание на будущее. Русский народ в художественном своем проявлении как бы ни разу не оглянулся назад, а все шел вперед, *«куда кривая вывезет»*. Прошлого не существовало, не существовало его изучения, было понятие о прошлом, как о времени, которое чем-то было наполнено, а чем именно, то казалось ненужным для ряда поколений и возрастов.

Были, конечно, отдельные энтузиасты, которые провидели будущее и старательно копили материал, но что могли сделать отдельные, хотя бы и очень плодовитые люди там, где необходима была работа многих и многих, ибо слишком огромно было оставленное наследие?

С легкой руки европейских исследователей в области художественного творчества всех времен и народов, на русское искусство, о котором упоминали на нескольких страничках для полноты картины, по обязанности, а не по исследовательскому одушевлению, установился в XIX в. взгляд, как на искусство варваризованное, несамостоятельное, заимствованное в допетровской России от Византии, а потом — последовательно от Голландии, Франции и Германии.

Схема строилась так: искусство Византии было перенесено в X в. в дикую Русь, как бы на голую землю, здесь оно быстро выродилось, варвары убили живую душу византийского мастерства.

Особенное значение в установлении, развитии и углублении этой ереси надо приписать знаменитому французскому историку и архитектору Виоле ле-Дюку. Виоле ле-Дюк никогда не бывал в России, но имел знакомых в Москве, которые высылали ему рисунки наших памятников.

Заинтересовавшись ими более сильно, чем его предшественники, писатели-иностранцы, Виоле ле-Дюк воспринял существовавшую на русское искусство точку зрения и дополнил ее, казалось бы, благожелательным выводом, открыв расцвет русского искусства в XVII столетии, во время царя Алексея Михайловича.

Виоле ле-Дюк назвал маленькую церковь Рождества Богородицы в Путинках в Москве (около Страстного монастыря) и церковь в Останкине под Москвой образцами русского самостоятельного стиля.

Постоянное какое-то паническое отношение наше к иностранным именам оказало свое действие.

Русские ученые немедленно уверовали в Виоле ле-Дюка, в его на недоразумении основанные мысли.

Невзыскательный и ленивый русский человек был рад тому, что и у него нашли некоторые достоинства и даже похвалили его. Чего больше? Нечего искать и проверять мысли, пожаловавшие из Западной Европы, ими следует по традиции восхищаться и восторгаться.

К Путинковской и Останкинской церквам прибавили церковь Василия Блаженного, наименовав ее перлом варварских форм.

Таким образом — Василий Блаженный, Путинковская и Останкинская церкви — вот три полуварварских кита, на которых будто бы держалась высокая сфера русского искусства.

Грустное и роковое заблуждение быстро привилось к консервативной неподвижной русской мысли, не любящей оживленного поединка сталкивающихся сомнений, исканий.

И если бы не проявилось, наконец, в России влечение к изучению своего прошлого, пагубные мысли Виоле ле-Дюка господствовали бы доселе.

Но пришло горячее кипучее изучение, вырвавшаяся, как лава, любовь к правде и истине своей культуры — и занавеси с заблуждений были сорваны и разорваны.

Без особенного труда, схватив первый же, наскоро завязанный узелок нехитрых построений Виоле ле-Дюка, новые исследователи быстро распустили все кружево западноевропейской мысли, оказавшейся грубой дерюгой по своей сущности.

Сразу же стало ясно, что Василий Блаженный отнюдь не характерен для нашего зодчества, для всей последовательной истории развития зодческих форм.

Василий Блаженный — одинокое явление в русском искусстве, какой-то гениальный прыжок по мастерству из общего русского творчества, чудодейственный и странный и неповторимый ни раньше, ни после всей совокупностью своих бесконечных особенностей.

Что же касается Путинковского и Останкинского храмов, то простое сравнение их с другими русскими памятниками и сопоставление времени создания этих памятников указало — не во времена Алексея Михайловича горел наисильнейший художественный гений народа-зодчего, нет, его прекрасное вдохновенное пламя дрожало полным апогейным огнем до царя — соколиного охотника и после него. Не в Москве, не в московском возвышении Альпы нашего древнерусского художества. И лишь один неугасимый огонь, лишь один художественный очаг дает свет в течение нескольких веков.

Четыре столетия художественной жизни Новгорода, Пскова, Владимира — наше важнейшее и недосягаемое; наш деревянный Север — самая высокая гора русского творчества.

Север, Новгород и новгородские пятины — русская Италия, русский Рим.

Но для того, чтобы откинуть вредоносную точку зрения Виоле ле-Дюка на русское искусство, необходимо разобраться в истоках нашего искусства и в его исходе.

Да, русское искусство, каким оно доступно нам в своих первых сохранившихся каменных памятниках, началось с заимствований. Но что такое заимствование? Легкий ли оно крест или тяжелая могильная плита, из-под которой нельзя подняться и распрямиться? Что такое самобытность и что такое заимствование?

Всякая культура всякого народа представляет тесное, как бы химическое сродство его национальных особенностей — характера, быта, деятельности его духа, сердца и мысли.

И так как уже в периоды юношества народов, даже в доисторическое время народы входят в общение между собою — неизбежно их влияние друг на друга, или влияние более сильного на более слабого, взаимодействие культур. Нужно помнить, что говоря это о европейцах, особенно понятно это взаимное влияние, взаимное проникновение еще и потому, что все народы Европы произошли от одного корня, провели свои детские годы в общей индостанской колыбели, имели общий язык, быт и религиозные воззрения.

И когда впоследствии они разошлись, приспособились к разным природным условиям и существенно стали отличаться друг от друга, все же они напоминали и напоминают как бы многоводную речную сеть, бегущую на север, юг, восток и запад из одного общего водоема. Тем самым заложен общий фундамент всех европейских культур.

Где причина и следствие в искусстве? И нет ли круговоротного потока? Не следствие ли в начале, не оно ли предшествует причине?

Культура и искусство всех европейских народов так же слитны между собой и неразделимы, как нельзя указать в лазури — где ее начало и где конец, хотя лазурь частично может быть и очень разнообразна: там облака, там грозы, там ясень.

Искусство можно уподобить гранитному монолиту, состоящему из разнообразных частиц, нисколько не нарушающих его единства.

Кроме общего кровяного фундамента, необходимо отметить удивительную способность русской души перевоплощаться в чужие культуры.

Изучая древнее безымянное творчество, мы на каждом шагу встречаем эту удивительную способность перевоплощения. Конечно, и другие народы не лишены этой черты, но у русских надо отметить, вне всякого сомнения, большую степень ее, большую яркость, остроту и даже какую-то жадность. И не только мы способны перевоплощаться, мы не менее сильно можем перевоплощать.

Вся наша тысячелетняя история свидетельствует о нашей какой-то железо-кислотной крови, в которой кануло в вечность, растворилось до сотни финских народов (русская колонизация), кануло, не оставив о себе почти никакого воспоминания, за исключением названия местностей, урочищ, рек, озер, по которым обитали эти народцы.

Иностранцы, наезжавшие в Россию, лучшие из них, быстро подчинялись такой невидной по внешности культуре нашей, однако, обладающей, видимо, способностью удивительного притяжения; оставались в стране, сливались с населением и исчезали в русской стихии.

Такие смеси не могли не отразиться на культуре страны.

И они отразились и видны в некоторой пестроте нашей культуры.

Не в меру патриотически настроенные русские люди, было время, даже сильно обижались на это смешение, видя в нем большое зло, объяснение многих наших национальных недостатков и погрешностей.

Существует даже, правда небольшая, литература, трактующая на тему о нерусской крови в наших жилах.

Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Фет, Герцен, Чайковский, Бородин, Глинка, Некрасов, Вл. Соловьев и др. имеют примеси чужой крови. Но было бы такой нелепостью считать их нашими великими людьми с некоторыми оговорками.

В слиянии, в скрещивании несомненно проявилось благодатное начало.

Видимо, вливаясь в русскую кровь, чужеродные стихии как бы возбуждали ее успокоенные и дремлющие силы, расцвечали ее, или, подчиняясь ей, находили в себе новые зоркие силы для творчества.

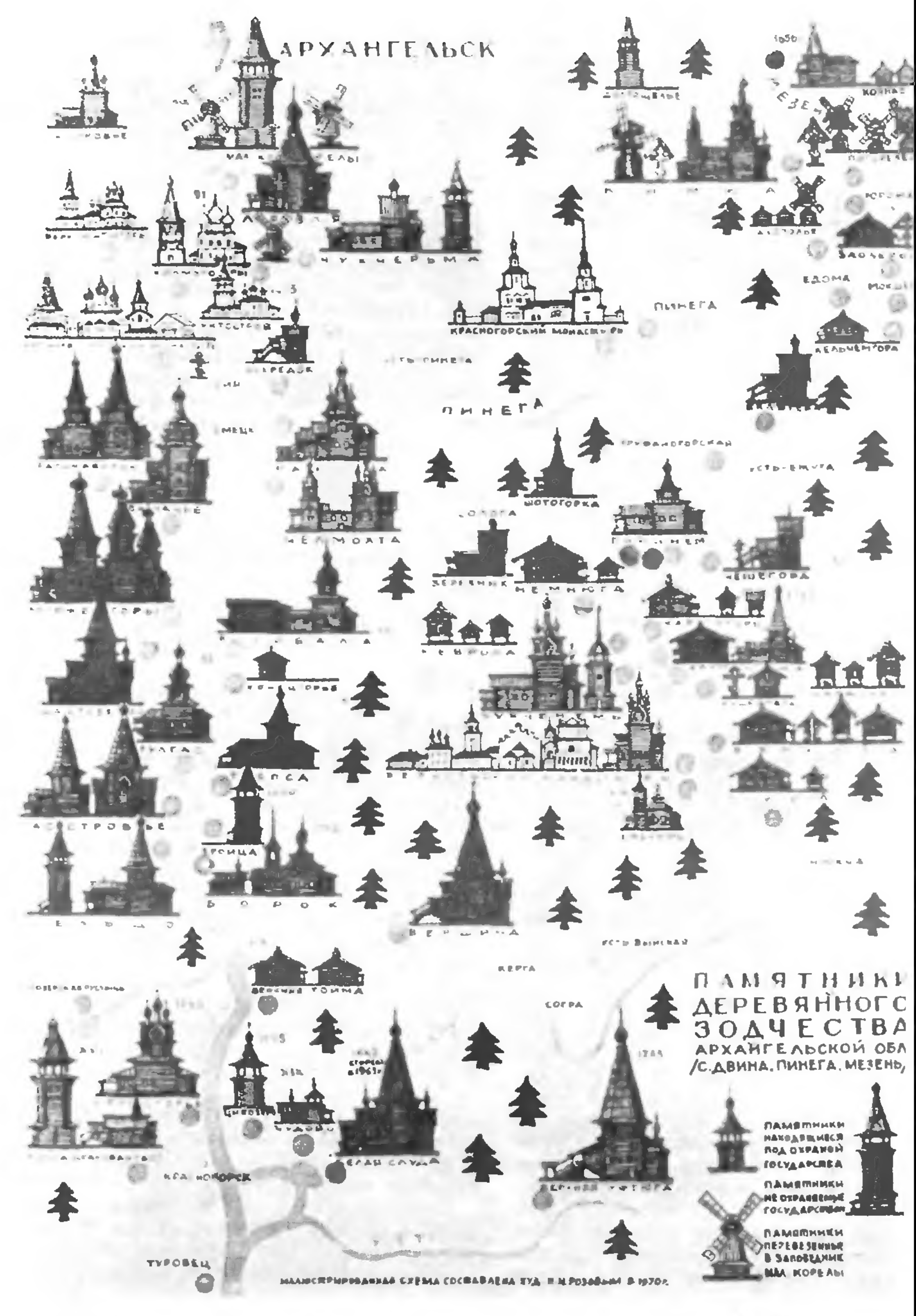
Конечно, много иностранцев совсем не оседало в России, не привилось к нашему стволу. Но можно определенно сказать, что это по большей части те иностранцы, кои не увеличивают культурных ценностей ни тут, ни там.

Ход исторической жизни таков, что русская художественная культура впила в себя иноземные влияния, орусила их и проявила с блеском и неповторимой оригинальностью. Так слилось заимствованное с самобытным, так создалась новая своеобразная, своеобычная русская культура.

Но развертывая свиток наш, на котором легли знаки нашей художественной истории, ответив, как создалась культура, мы не можем не ответить, что было создано и почему было создано так, а не иначе.

Древнейшие летописные своды безмолвствуют об искусстве древнейшей, дохристианской Руси.

Как будто его и не было, но, несомненно, наш отдаленный предок, на какой бы ступени развития он не стоял, уже значительно отличался от доисторического человека и был окружен известной культурной обстановкой: были постройки, были украшения, были домашние поделки незатейливого быта, была музыка...

Из позднейших источников, уже христианской эры, узнаем, что были каменные и деревянные идолы, стоявшие на пригорках, на высоких местах, по берегам рек — значит, налицо известное умение ваять, лепить. Около идолов совершалось примитивное языческое богослужение, пели, скакали, играли на недошедших до нас инструментах...

Принимая во внимание самые оживленные торговые сношения древней Киевской Руси дохристианского времени с Востоком и Византией, войны киевских князей с Византией и даже победы над ней, богатство, стекавшееся в Киев по замечательной речной сети, накинутой на обширную нашу равнину как бы человеческими, искусными руками великих инженеров, припоминая былины, — мы должны будем заключить об имевшихся безусловно больших постройках, жилищах народа, хоромах князей и дружины.

Постройки, по-видимому, были наполнены самыми разнообразными вещами, необходимыми в домашнем быту. И лишь вследствие одного обстоятельства вся эта древнейшая культура не дошла до нас. Все сооружения были деревянными — вот то обстоятельство, которое наложило печать временности на древнюю культуру.

Если даже теперь наша страна так богата лесом, то тогда она представ-

ляла сплошной дремучий лес; Киев, по летописи, был лесным городом, а не степным, как ныне.

Огромное количество леса, так сказать, предуказало населению тот материал, из которого оно должно было возводить постройки.

Деревянная, избяная Русь, установлено исследователями, через каждую сотню лет обновлялась, проще сказать, выгорала, а ежели какие сооружения оставались от пожаров, то для деревянной постройки столетняя давность — уже вообще почтенная давность, требующая поновлений и переделок, перестроек или постройки заново.

Кроме того, припоминая вековечную борьбу городов Киевской Руси с печенегами, половцами, татарами, бесконечные сражения, пожары, *«поток и разгромление»* — просто странно было бы иметь памятники тогдашней деревянной Руси.

До нас дошли только каменные памятники и то исключительно церковные.

В этом нельзя не видеть нового подтверждающего обстоятельства самых неблагоприятных исторических условий.

Ведь несомненно же, как только началась каменная стройка храмов, больших, монументальных, великокняжеских по принятии христианства, были возводимы и гражданские сооружения из камня.

Почему же они не дошли?

Тут обнаруживается простая историческая случайность, лишившая нас памятников гражданского искусства и оставившая нам только памятники церковного искусства.

Завоеватели Киевской Руси — татары, как теперь все больше выясняется, видимо, отнеслись с полным равнодушием к религии нашей страны, даже больше, они как бы берегли в своем бешеном натиске на Русь памятники религиозного культа.

Очень характерны неоднократные упоминания летописей, описывающих татарское нашествие, о том, как все население того или иного города запиралось в церкви — и там ждало врага, изнемогши в борьбе у городского частокола.

Тут чувствуется не один религиозный энтузиазм — умереть в храме Бога, в которого веруют, но какой-то практический смысл, стремление обезопасить свою жизнь.

Конечно, могут быть приложимы и другие соображения к этому *«церковному сидению»* — быть может, тогдашней технике и не под силу было разрушить монументальное сооружение с полуторасаженной кладкой стен, с узкими, в четверть — полторы, окнами и железными тяжелыми дверями? Но скорее первое, чем второе, потому что большинство известных по летописям церковных сооружений уцелело и дошло до нас и не дошло ни одной каменной гражданской постройки.

Раз не сохранились каменные сооружения, то уже само собой понятно, не могла сохраниться деревянная, избяная древняя Русь.

Но мы, несомненно, обязаны сказать — дохристианская Русь имела свою скромную, самостоятельную, туземную культуру, свое туземное искусство.

И вот, когда пришла пышная, золото-красная Византия и начала свое художественное завоевание древней Руси, принесла с собой каменную кладку, эта скромная туземная культура, пораженная, отступила, сбросила своих идолов и истуканов в Днепр, замолкла, смешалась, но, по-видимому, оторопь продолжалась недолго.

По крайней мере, мы не можем не видеть, изучая дошедшие до нас памятники искусства византийской поры в порядке из последовательного возведения, упорно-настойчивых усилий безымянных мастеров видоизменить византийский канон, внести в него свое, родное, туземное.

Как бы затосковала древняя Русь о сброшенных истуканах и стала заглаживать вину свою за временное отступничество и малодушие перед ними.

И это не только на первых порах, но вся история русского искусства, от памятника к памятнику, если бы возможно было их расставить в одну линию, рядом друг с другом, явственно свидетельствует об одной направляющей, главной идее неизвестных строителей — взять из Византии необходимое и внести в нее русское, туземное.

Собственно, нет ни одного памятника, даже из самых древнейших, в котором бы чувствовалось полное господство Византии.

Многое в них наслоилось в веках, было прибавлено вставшей на ноги позднейшей русской культурой, но и в основном, древнейшем, что удается выявить по летописям, обмерам, исследованиям кладки и уцелевших деталей, находятся отступления.

На первый взгляд, это кажется совершенно непонятным.

Спрашивается — что же, византийские мастера стремились настоятельно оторвать свое творчество от византийского искусства? Разумеется, нет. Русских мастеров, умевших возводить только деревянные постройки, не могло еще быть в первые десятилетия каменного строительства, они еще не выучились технике этого дела. Кто же повинен в замечаемых нами *отступлениях*? Быть может, на Русь и, конечно, так, приезжали не первостатейные мастера-строители, и от их неумелости произошли некоторые особенности в постройках? Но почему тогда эти особенности с течением времени так любовно, так неуклонно разрабатывались последующими поколениями уже исключительно русских мастеров?

Объяснение этого явления в древнейшем искусстве надо искать во влиянии местной культуры на византийских мастеров.

Не по доброй воле, а бессознательно, византийские мастера восприняли в себя действие местной культуры, окружающей обстановки, среды, живших, всегда живучих, вкусов и невольно отклонились от врожденных взглядов и приемов своего родного творчества.

Неказистая русская культура, однако, дохнула на душу греческого мастера своим дыханием.

Так взаимовлияют, смешиваются большие и малые культуры, так происходит зарождение новой культуры и всех ее дальнейших завоеваний.

Где же тут варваризация византийского искусства?

Факт, отмечаемый нами в истоках русского искусства, говорит лишь о сильной независимой русской художественной мысли, ее творческих дарованиях, даже как бы о магичности ее внутреннего содержания.

Не простая историческая случайность, не простой внешний повод — принятие Русью христианства и византийской культуры.

Древняя Русь, как известно, выбирала свою веру. Она стояла на такой степени развития, что могла выбирать. Мог быть варварским быт, но мысль здоровая и крепкая уже зрела. Взяла Русь и византийское искусство, а не какое-либо другое. Тут тоже проявилась вполне сознательная воля выбора.

Византийское искусство, начиная VI-м веком с Рождества Христова и почти до XIII века, целых восемь веков, было недосягаемым, единственным великим искусством для всего Европейского мира. Византия влияла не только как поставщица религиозного культа, влияла Византия как высочайшая культура тогдашнего мира.

А что такое Византийская культура?

Она наследница античной культуры: Византия вышла из Парфенона.

Тем самым, минуя слабые передаточные культуры, древняя Русь непосредственно приобщилась к самому античному дыханию. Устанавливается преемственность с двумя величайшими культурами мировой истории.

Какова же была художественная одаренность нашего народа, если он, заимствовав величайшую культуру, не потерял своего живого лица, и сразу принялся за соединение, претворение ее в свою местную художественную стихию, сразу же повлиял всей суммой своей особливой культуры на приехавших византийских художников.

Дорогая независимость молодой расы, так ослабевшая впоследствии.

Не слепо, не как бессмысленный ученик, а как сознательный, отдающий себе отчет в редких качествах учителей, воспринял народ великолепие византийской культуры.

И так во всем в начале его истории...

Это упорное, приводившее в отчаяние византийских митрополитов

несколько веков сряду, двоеверие России — языческой и христианской — явление того же порядка.

Это не косность, не варварство примитивной организации, как принято считать, это от избытка независимости, от полноты души, способной совместить, казалось бы, несовместимое, это неустанное волнение мысли, беспокойство, иск к истине и свободе...

Византийское православие, как и византийское искусство, впиталось в нашу кровь, как возбуждающее средство для оживленной творческой деятельности русской мысли и сердца. Древняя Русь выбирала, а отсюда станет ясен и дальнейший путь развития самостоятельности в русском искусстве.

Безымянные русские люди быстро усвоили все приемы и навыки византийского искусства, и через несколько десятилетий начали обходиться собственными силами и средствами. Вдруг как-то византийские художники исчезают из летописей...

С удивительной настойчивостью безымянные мастера стремятся создать новую, каменную, живописную и прикладную культуру. Они ищут новых пропорций, новых, совершенных форм глав, куполов, барабанов, фасадов, фронтонов, абсид, кладки, орнаментации, колонн и колоннад, порталов и перекрытий, красочной гаммы в стенописях и иконописи, идеального силуэта, мощности и виртуозности в прикладном деле.

В Киевско-Черниговской Руси с X до второй половины XIII веков идут как бы двумя самостоятельными путями Византия и Русь: так явственно отличимы их особенности. Но вот с XI века начинает свою каменную и живописную художественную историю Великий Новгород, а за ним Псков. Византийские мастера в Великом Новгороде строят и украшают одну Новгородскую Софию (1045—1052). Больше о них не слыхать. И вполне понятно, почему.

В 1179 году воздвигается церковь Благовещения на озере Мячине, которая является первым властным словом самобытной новгородской культуры, за нею следуют другие, все решительнее и определеннее, все независимее и совершеннее.

Летопись не находит нужным называть имен русских, всем известных, она отмечает только иностранца, в отличие от своего, но некоторые русские мастера уже проявляют такую творческую силу, что летопись нарушает свое обыкновение. Появляется *«мастер Петр»* — строитель дивного Георгиевского собора Юрьева монастыря около Новгорода (1119), *«мастер с Лубянской улицы Коров Яковлевич»* в 1196 г., наконец *«мастер Милонит Кишкин»* — тысяцкий и посадник Великого Новгорода и перворазрядный зодчий, которого вызывает Киев и поручает ему строительство стен киевского Выдубицкого монастыря.

В конце XII века Киев вызывает мастеров не из Византии, а уже из Новгорода.

Так сказочно стремительно утверждается художественная самобытиость Руси.

Во второй половине XIV века Великий Новгород создает шедевры своего зодчества, памятники мировой ценности: Федор Стратилат на Торговой стороне (1360 г.), Спас Преображения на Торговой стороне (1374 г.) и Петр и Павел на Софийской стороне (1406 г.).

Но и все промежуточные памятники — только ступени, ряд ступеней, ввысь поднимающаяся лестница к совершенному достижению своевольного, своеобразного художественного движения.

Со стенописей церкви Спаса Нередицы в Новгороде (1198 г.) иконопись Новгорода совершает по тем же путям и дорогам свое восхождение, пока на рубеже 1500 года не создает действительно гениального мастера Дионисия, расписавшего Ферапонтов монастырь в 14 верстах от города Кириллова Новгородской губернии.

Ферапонтовская роспись — гордость нашего искусства, изумительное творение, равное по своему величию и силе воздействия и изумительному мастерству лучшим произведениям Итальянского Возрождения, знаменитой Сикстинской капелле.

Псков — это как бы историческая миниатюра Новгорода — делает ту же художественную работу — выявления своей самостоятельности.

Псков особенно интересен, как пример характернейшей черты русской художественной культуры — во что бы то ни стало сотворить, создать свое, самостоятельное и независимое, использовав все у других, что не повредит, не помешает проявиться, выступить своему лицу. Псков учится у Новгорода. Порою он в искусстве, как и в истории, кажется миниатюрой Новгорода. Но миниатюра — тончайшее искусство, полное особенностей, своих приемов, навыков, своих капризов и своеволий. Псков жадно берет и творит дивную, элегантную, истонченную, прелестную, буквально какую-то чеканную, миниатюрную художественную летопись каменной славы зодчества.

Жадное и такое глубокое и понятное влечение в искусстве — художественно ценно только то, что вновь создано, а не повторено, так мудро выражено в старинной русской поговорке, как бы применявшейся к искусству в древности — *«что город, то норов».*

Художественный норов России дал блистательную художественную культуру нам в старину.

Но вот перед нами Владимиро-Суздальская Русь XII—XIII веков. Короткий эпизод, переполненный глубочайшим вещим смыслом. Византия, Запад и самобытность. Три составные части — в результате памятники, не похожие ни на один памятник мира, поражающие, изумляющие, кажущиеся чудом. Искусство развивается как-то совершенно молниеносно. Так иногда занимается сумасшедше, неудержимо пожар — сверкнул язык пламени, и чрез минуту пламя обняло все, заняло, охватило и заполыхало нестерпимо ярко и тревожно.

Нигде так не ясна ненасытная воля к художественной самостоятельности русской души, как во Владимиро-Суздальском искусстве. И такое богатство творчества, такое бесконечное разнообразие художественных способностей, что Владимиро-Суздальское искусство внесло в мировую кошницу величайший дар — несравненный, гениальный храм Покрова Богородицы на Нерли, близ Владимира, выстроенный Андреем Боголюбским между 1165-1166 гг.

На стенах Дмитриевского собора во Владимире (1194-1197) и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (XIII в.) начинается история русского ваяния как орнаментации, впоследствии вылившейся в скульптурные ковры Московской и Ярославской Руси.

Откуда же взяла Владимиро-Суздальская Русь такой взмах, такую силу, такой взлет в одно столетие? Только имея духовные богатства, она могла так сказочно метнуться. Татарский разгром схватил Владимиро-Суздальскую Русь в момент ее полного расцвета художественных замыслов и прервал ее жизнь. Но долго и после, растоптанная, растерзанная, разорванная, разогнанная, она хранила воспоминание о двух веках своего художественно-исторического бытия, участвуя в иконописном движении Руси и в прикладном деле — чеканке, литье и резьбе. Художественные наклонности, отсюда ясно, были внедрившимися в кровь населения Владимиро-Суздальской Руси.

На московской почве, к XV-XVI столетиям, развиваются те же явления национально-художественной свободы.

Изменились, конечно, к этому времени судьбы прежних влиявших культур — пала Византия и выродилось ее искусство, завязались новые узлы европейских культур, сама древняя Русь постарела на несколько столетий, имея в своем прожитом культуры Киевско-Черниговской Руси, Владимиро-Суздальской и Новгород-Псковской.

Художественная культура возвысившегося политически московского удельного княжества, таким образом, должна была образоваться из очень богатого и, преимущественно, русского материала. Ей уже не надо было отстаивать свою художественную независимость от влияния чужеземных культур, она могла черпать вдохновение из родных источников — и только среди них, посредством их, развернуть свой местный норов, памятуя знаменитую поговорку о норовах.

И, действительно, московское творчество, московское мастерство в зодчестве, иконописи, ваянии, прикладном деле представляет замечательную смесь, объединение местных норовов, использование их, претворение в московские формы всех достижений предыдушей художественной истории Руси.

Политическая роль Москвы, собиравшей Русь из отдельных раздробившихся по уделам кусков страны, словно бы проводится и в художественном отношении. Москва, вместе с присоединенными землями, городами, богатствами берет и художественную культуру уделов и очень искусно из всего заимствованного строит свое пестрое, красочное, суетливое и декоративное здание. В московской художественной культуре, без всякого труда можно видеть Новгород, Псков, Владимиро-Суздаль и наш деревянный Север.

И то, что Москва не столько строила, сколько украшала, опять-таки свидетельствует об этой загребущей руке Московии. Она столько натащила к себе, накладывала в огромных кладовых, накопила, наскопидомничала, что ее хозяйский глаз никак не мог позволить лежать всему этому богатству неиспользованным. Москве некогда было строить, думать над формами, она в первую очередь должна была распределить, расставить по соответствующим местам захваченное ею наследство. И Москва сделала это блестяще.

Если Новгород и Владимиро-Суздаль создали такой бесконечной красоты и величественности памятники, то Москва украсила свои памятники с недосягаемой пышностью, головокружительным эффектом и выразительностью.

В то же время, завидущая Москва не остановилась только на заимствовании культуры от присоединенных уделов и вольных городов, она простерла свои руки и к западу, выписала оттуда такого гениального мастера, как Рудольфо Фиораванти, архитектора из Болоньи — строителя Успенского собора в Московском Кремле (1475—1479), Алевиза, Бона, Марко и миланца Пьетро Антонио Соларио — строителя сказочных стен Кремля.

В XVI и XVII веках Москва уже находится в беспрерывных, все усиливающихся и умножающихся сношениях с Западной Европой, с ее культурами. Из Западной Европы всеми путями и дорогами идут и влияют культуры «латинян». Дипломатическая и ловкая, больше всего умевшая ладить и устраиваться благополучно даже при татарах, собственно, благодаря тонкому использованию выгод передатчика между Ордой и Русью поднявшаяся и окрепшая Москва, она впила в себя коечто и от монгольской культуры. Эта смесь *«племен, наречий, состояний»* позволила Москве создать поразительно-разнообразную, невиданную по формам и орнаментации художественную культуру.

Опять и опять пред нами основная красная нить художественной самостоятельности русских мастеров, всегда умелых, тонко чувствующих, умеющих обращаться с чужим заимствованным добром, как со своим собственным, хозяйски, рачительно и талантливо, как умеет это делать самый образцовый наследник-умножатель.

Москва в XV, XVI и XVII столетиях создает такие шедевры, как Спас Преображения в селе Острове под Москвой, Покров Богородицы в Филях, церковь в Останкине, Московские Кремлевские соборы и др., выдвигает таких иконописцев, как Андрей Рублев, Симон Ушаков, заковывается в золотые, серебряные, басменные оклады, поразительно вышивает, нижет жемчугом и украшает.

С развитием широкой государственной жизни, Москва уже не ограничивается только церковным искусством, она создает памятники гражданской и светской обстановки с неослабевающим умением и способностями. В XVII столетии, когда уже было *«прорублено окно в Европу»*, но еще не обтесано, без рам, с самодельной слюдой вместо европейского стекла, Москва не чурается иноземных влияний, она живет в международном масштабе, воспринимает отголоски международного стиля барокко, заканчивающего свой торжественный обход всей Европы.

Схватив на лету стиль барокко, она так его преображает, что из международного он превращается в стиль *«московского барокко»*. Словно в уставшую кровь было вспрыснуто какое-то зелье, которое возмутило московскую стихию и прошлось творческим огнем по жилам. Что, казалось бы, общего между древнейшим деревянным зодчеством Руси и международным стилем барокко, но Москва, именно, смешала вековечные беспримесные формы деревянного зодчества с европейским утонченным стилем — и сотворила обворожительные памятники.

Обыкновенно, за последнее время, молодая художественная мысль склонна XVII век считать уже упадочным временем для древнерусского искусства, ущербом его, но, конечно, она оговаривается, только в сравнении с более славными эпохами миновавшего — с Новгородом, Псковом, более ранней Москвой.

Упадочность видят в наплыве влияний Европы, в ослаблении руки художника, потерявшего силу создавать монументальное искусство, разменявшегося на мелочи, на иллюстративность, вместо мощных, самих за себя говорящих линий и пропорций, ясных и полнозвучных красок.

Но, по словам поэта, *«дух мелочей прелестных и воздушных»* так самоценен, так многообразен, что это *«упадочное»* время — одна из самых занимательных страниц нашей художественной истории. А главное — она была неизбежна, как неизбежно в природе вечное, неотвратимое, последовательное изменение, переход одних форм и состояний в другие формы и положения. Слишком мертвы были бы и застыли в своем величии самые совершенные явления искусства, если бы они были однообразны и только количественно увеличивали себя, не поднимаясь за пределы известного уровня.

Каждая эпоха, каждый стиль исчерпывает себя, если катастрофически не прервано развитие их, в полной мере. Они поднимаются в своем восхождении до самой вершины и замирают, вдруг обессиливают и не создают новых художественных ценностей. Только в переходе в новые формы, в привнесении новых данных, в привитии новых питательных соков возможно дальнейшее развитие.

Мы выяснили самоценность московской культуры, ее отрицательное и положительное — и подошли к XVIII столетию. Русская история с Петра, подготовив его рождение, делает зигзагообразный скачок из старой, хотя и льнущей к новому, Московии. Пути русской самобытной художественной культуры колеблются быстро и решительно, они еще только дрожали в конце XVII столетия, в XVIII веке, с появлением нового государственного центра — Петербурга, их оставляют доживать свой век в старой Москве и не пускают временно на порог созидающейся Северной Пальмиры.

Начинается петербургский период искусства.

Петр зазывает Европу.

На пустырь, на голую землю Петербурга хлынула Европа голландская, немецкая, французская, итальянская, английская...

В Москве делались прививки западного искусства небольшими дозами, которые, как дождевые капли, исчезали в мощно плывущей реке старой, своеобразной культуры...

В Петербурге старой культуры не было, там насаждалась без помех новая для России, вполне заимствованная, западная культура.

Но такова уже художественная капризность русского духа, что и на новом месте России, казалось бы совершенно обезопашенном от старой заразы почти тысячелетней художественной давности русского искусства, очень недолго царила приглашенная пришелица.

В порядке развития европейских стилей сменяются в Петрограде барокко, зарождается классицизм, расцветает так называемый екатерининский классицизм, приходит короткое колеблющееся Павловское пятилетие, непостижимо очаровательный Александровский классицизм, военный классицизм Николая 1-го, затем вырождение, кажется, всех стилей — и, наконец, новейшие течения неоклассицизма и неовозрождения.

Вся страна, также и Москва, проходят тот же путь, запаздывая, сопротивляясь местами, но чаще всего ковыляя за своей самодержавной столицей.

Мелькают иностранные имена художников — Доменико Трезини, Растрелли, Де-ла-Мотт, Ринальди, Камерон, Кваренги, Росси, Тома де Томон, Жилле, Фальконет, Калло, Лампи, Виже Лебрен и пр. — огромный список.

В новой столице создаются волшебные здания, в окрестностях столицы появляются архитектурные чудеса, но все создано чужими руками.

Народ русский — этот недавно великий зодчий, и иконописец, и искусный подельщик — безмолвствует?

Нет, он бессознательно влияет всей совокупностью своей прошлой культуры на приезжих мастеров, которые не сидят, конечно, только в Петербурге, как в тесте, бывают в Москве, ездят по России, воздвигая усадьбы и «палаццы» для императорских временщиков, полководцев и вельмож. Запечатлеваются образы России в душе пришельцев, входят в их готовое мастерство, привезенное из-за рубежа — и так его изменяют, что все творчество XVIII и XIX веков с калейдоскопом сменившихся стилей все же является русским, не имеющим ничего почти общего с одностильными памятниками Западного мира.

Мы вновь встречаемся с удивительной, действующей силой русской культуры, которая так властно накладывает свою печать, всасывает в себя иностранца.

Наряду с иностранцами в два — три десятилетия нарождается целое поколение уже русских мастеров, которые ездят в Европу, учатся там и, приехав на родину, творят еще более отдаленно от своих западных учителей, чем наехавшие, покоренные нашей страной чужеземные художники.

Кокоринов, Старов, Воронихин, Захаров, Стасов, Антронов, Рокотов, Левицкий, Боровиковский, Уткин, Чемесов, Ф. Толстой, А. Иванов, Козловский, Ф. Шубин поднимаются в полный рост, наряду с приезжими мастерами, и творчество их составляет и будет составлять нашу постоянную гордость.

В этом одновременном состязании русских по рождению и наезжих мастеров XVIII—XIX столетий, учителей и учеников, как бы видится время Киевской и Новгородской Руси, когда то же соревнование было между византийскими и местными мастерами.

В Петербурге, однако, древняя самобытная культура влияла на все приходившие и сменявшиеся стили издали, на расстоянии, из окна почтовой кибитки, в Москве XVIII и XIX веков — в центре, в главном хранилище, музее всероссийской художественной самобытности, она действовала и не могла не действовать всем своим обличьем, улицами, храмами, часовнями, домами, предметами быта, московским звоном, говором и как бы московскими глазами населения.

Московские художники с иностранными фамилиями — Ф. Бове, Д. Жилярди, не говоря уже о русских — И. Зарудном, Баженове, Ухтомском, Казакове, творили в непосредственной преемственности с древней культурой; они еще дальше отстоят от европейских художников, работавших в одноименных стилях. Их мастерство является продолжением художественной деятельности столетий. И настолько ясна эта зависимость в их творчестве, что все памятники Москвы этой эпохи производят впечатление полной гармонии, стоя рядом с созданиями XV и XVI веков.

В новом времени, во второй половине XIX века стирается разновидность Москвы и Петербурга, но нет-нет, да Москва и выдвинется несколько на особицу. Так два потока сбегаются друг к другу, порой сливаются, порой расходятся или катят свои воды рядом, в одном направлении.

Вот схема образования и развития русской художественной культуры от древнейших времен до последних десятилетий.

В предыдущем описании мы, главным образом, имели в виду зодчество и иконопись. Попутно, бок о бок, шло развитие и других отраслей искусства — ваяния, музыки, песни и литературы.

С блистательным успехом, иногда оспаривающим достижения в зодчестве и иконописи, развернулось прикладное искусство.

Та особенная роль прикладного искусства в жизни, его миниатюрность, его всеобщность, неотложная надобность в нем во всяком быту, непосредственная его полезность, обслуживание будничных, квартирных, комнатных потребностей населения должны были постоянно толкать к его развитию. Удобное, живое, способное передвигаться, быть переносимым с места на место, движимое имущество народа — оно уже с Киевско-Черниговского периода стояло довольно высоко. Продукт сложившихся и действующих вкусов населения, живое отражение их, под вечным присмотром глаз владельцев, оно должно было быть наиболее самостоятельным и своеобразным, выросшим как бы из тела народа без всяких чужестранных влияний.

Прикладное искусство в силу его близости к быту, расположению внутри жилья, в тепле, под руками, у всех народов, кажется, наиболее независимое и беспримесное искусство.

Владимиро-Суздальская область, Новгород с его колоссальными пятинами, Псков оставили превосходные вещи чекана, литья, украшений, крестов, чарок, бокалов, окладов, басмы, чаш, лжиц, шитых пелен, покровов, венчиков, цат, облачений, затейливой резьбы, филиграни и проч.

Москва — достигла апогея в развитии прикладного искусства. И после Петра, весь XVIII век, половина XIX века прикладное искусство не ослабевало в своем развитии ни на одну минуту.

Пути развития ваяния, музыки, песни и литературы те же.

Так мы выяснили, что было создано за века художественной деятельности нашей страны. Мы пытались раскрыть ту основную направляющую струю, которая главенствовала в развитии художественной культуры древней и новой России. Мы нашли, что эта руководящая и основная идея была — выявление своей самобытности, своего лица, своей национальной сущности, неуклонная переработка заимствований и влияний чужих, хотя и родственных культур. Достигнуто много. Создана огромная художественная культура, связанная через золото-красную Византию с божественно чистой, ясной, непостижимо прекрасной культурой розово-мраморной Эллады.

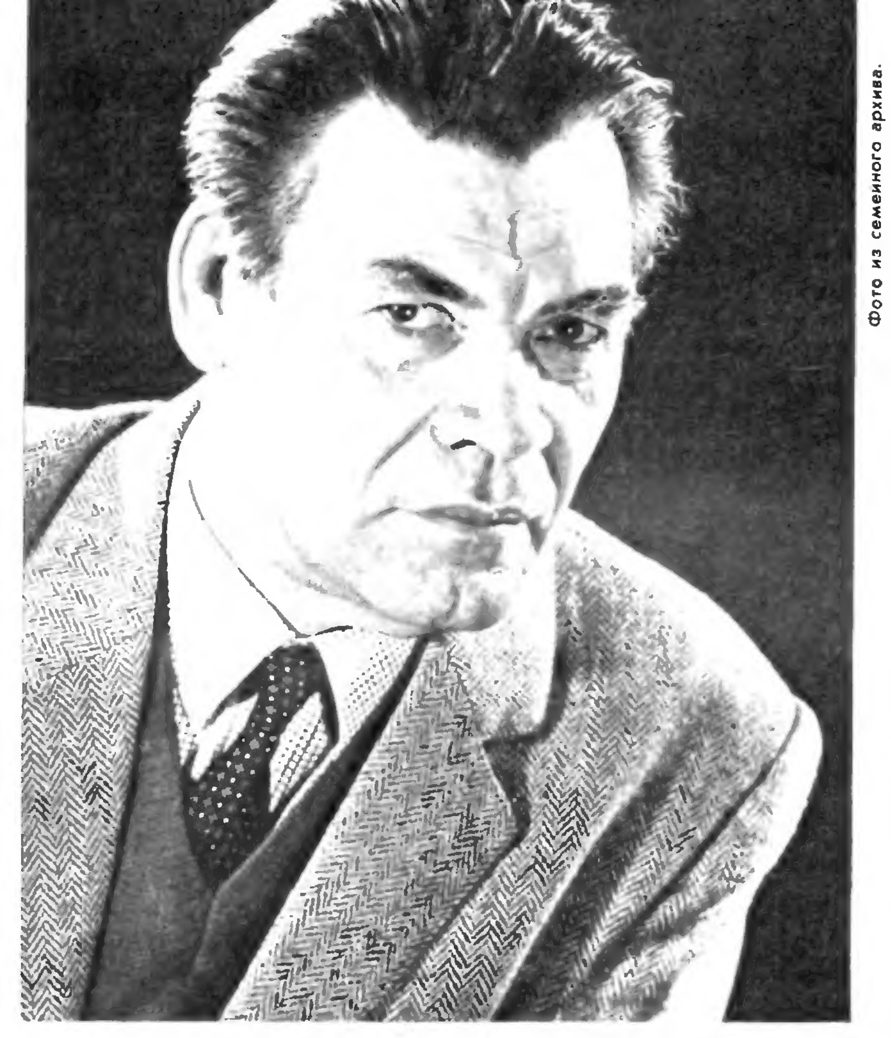
Творчество Руси и России жило под знаком освобождения от заимствованных форм и духа, в растворении их в горниле местных культур. Северное деревянное зодчество было той неослабевающей, неоскудевающей стихией, из которой черпали все века живой дух русской оригинальности и самостоятельности. Ему особое место — в дальнейшем выяснении нашей темы — Север в истории русского искусства.

ВОЛОГДА
1920 г.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ И. В. ЕВДОКИМОВА

Искусствоведческие работы
«Старый быт» (1915), «Старинные красноборские печи» (1915), «Провинция в александровские дни» (1915), «Вологодский иконник Григорий Агеев» (1916), «Русские города — рассадники искусства» (1916), «Север в истории русского искусства» (1921), «Вологодские стенные росписи» (1922), «Два памятника зодчества Вологды» (1922), «Русская игрушка» (1925), «Провинция. Гравюра на дереве» (1925), «Борисов-Мусатов» (1924), «М. А. Врубель» (1925), «В. И. Суриков» (1933), «Репин» (1940), «Левитан» (1940), «Крамской» (1941).

Художественные произведения
«Городские смены» (1913) — сборник стихов; «Сиверко» (1925), «Дорога» (1932), «Портрет Василия Мещерина» (1934) - повести; «Колокола» (1926), «Чистые пруды» (1927), «Заозерье» (1928), «Зеленая роща» (1932), «Архангельск» (1933), «Жар-птица» (1936) — романы; «Рассказы» (1926), «Проселки» (1926), «Овраги» (1927), «Зеленые горы» (1928), «Закоулки» (1932) — сборники рассказов; «Последняя бабушка из Семигорья» (1934) — пьеса.

Фото из семейного архива.

Сегодняшнего нашего собеседника, народного артиста СССР, лауреата Государственной премии СССР, солиста Государственного академического Большого театра Союза ССР Александра Ведерникова не надо подробно представлять читателю. Имя этого замечательного певца широко известно. Знаменитые партии Ивана Сусанина, Бориса Годунова, Мельника, Кончака, Варяжского гостя неразрывно слились в нашем сознании с его прекрасным басом. И вот новое амплуа певца: в издательстве «Советская Россия» выходит книга Ведерникова «Чтоб душа не оскудела».

Мы беседуем с маэстро в его квартире на улице Неждановой: раскрытые ноты, рояль, над ним — живописный портрет Георгия Свиридова. Интересуюсь, чьей кисти работа. «Моей, — улыбается Александр Филиппович. — В молодости было две страсти: музыка и живопись. Пожалуй, краски-то посильней забирали. Хотел подавать заявление в художественное училище, да пока собрался, прием туда уже был закончен. А в свердловское музыкальное еще принимали, вот и поступил. Потом уж была консерватория. А книга... не потому, что меня к новому виду творчества потянуло — литературе. Это, так сказать, — мысли вслух. Услышала их и помогла записать моя давняя знакомая журналист и редактор Татьяна Маршкова».

— Тогда первый и вполне традиционный вопрос. Каков же замысел вашей книги!

— Замысел? Замысел этот сейчас в умах и на устах у каждого русского интеллигента — кризисное, гибельное состояние нашей национальной культуры, и как части ее — культуры музыкальной. Не стану живописать примеры духовной деградации части нашего общества — печать ежедневно представляет их довольно. Но вот такой штрих: нельзя включить телевизор, радио без опасения, что на тебя наорет с экрана, из репродуктора неизменный, вездесущий рок-кумир. Я далек от того, чтобы ругать молодежь, которая, сколько помнит себя человечество, была, как известно, «не та». И от того, чтобы призывать к «запрету» рока, хотя все существо противится ему, — пусть молодежь, если ей нравится, танцует «физкультурный» танец брейк. Только не надо ей, молодежи, внушать, что рок — это вся культура, и не надо выдавать его за вершину человеческого духа. А ведь невольно (или вольно) пропагандируется именно такая точка зрения. Достаточно прикинуть удельный вес «ритмов планеты» в телепрограмме, или послушать выдержанное в восторженных тонах интервью со «звездой»: «Скажи, Билл, что главное в жизни? Будет ли, Джон, ядерная война?».

— Ну, а там, куда не проник вездесущий рок! Какова нынешняя среда обитания наша, наших детей! «Бедный кролик» в детском саду, «Звездочка» — в начальной школе. Дальше — бодренькие пионерские, комсомольские песенки. И столько фальши «про Родину»... Однообразные мелодии, стертый, суконный язык. С ясней усваивается — о родине так и надо — однообразно и казенно. «Мы с трудом создаем чудеса...» — пел один мой маленький знакомый. Это («Мы трудом создаем чудеса...») — из школьной программы.

— ...И в русле «программы», предначертанной руководителями культуры для всего народа. Отнюдь не комедийные «управления свободного времени трудящихся» мало-помалу лишали этих самых трудящихся основы основ — национальной музыки, русской песни, русской классики.

А ведь это нормально и естественно — именно с нее начинать воспитание, так же, как обучать ребенка своему, родному языку. Наш музыкальный язык (как и любой другой) имеет свои национальные особенности, и лишь познав его, можно переходить к освоению пластов мировой классики, современной музыки. Уверен, если слух, как и разум, с детства настроен на гармонию и лад, человек вырастет нравственно здоровым. Впитывается этот язык с молоком матери, на то и создавались народом колыбельные песни. Знают их современные матери? Хотели бы узнать, да негде. Книгами они не издаются, по радио и телевидению почти не исполняются. Передачу «Спокойной ночи, малыши!» сопровождает колыбельная Моцарта. Гениального Моцарта. Но каждый день. Русские же колыбельные никогда. А как они прекрасны, и сколько их — каждую неделю вечернюю сказку можно было бы предварять новой песней. Не удивлюсь, если многих мое предложение озадачит. Настолько оторвались мы от своих корней. Национальная музыка стала восприниматься как экспонат этнографического музея, вроде лаптей; или угощения для иностранца — чая с баранками из самовара. Она перестала бытовать в народе. Может быть, это всеобщий, мировой процесс — забвение своих истоков? Было бы ошибкой так считать. В Чехословакии, например, чуть ли не каждый ребенок обучен игре на национальном инструменте — пражской дудочке. Едва не с пеленок начинается музыкальное воспитание маленьких японцев. Да что далеко ходить! Возьмите наши республики — Прибалтику с ее бережно хранимыми традициями семейного, хорового пения.

Да и где услышишь родной мотив? На телевидении прочно обосновался рок. Заемную моду, как эхо, повторяет фирма «Мелодия». Кто-то из широкой публики еще слышал, что был такой композитор Бортнянский, но поди послушай его музыку! Незаметно прошел 175-летний юбилей Даргомыжского — где уж ему тягаться с кумирами эстрады! Редкостью, в полном смысле слова, неслыханной стали романсы Мусоргского, а репертуар ведущей оперной сцены страны вот уже несколько сезонов обходится без «Руслана и Людмилы» Глинки, «Русалки» Даргомыжского, «Пиковой дамы» Чайковского — жемчужин русской классики, нашей национальной гордости. Тщетно билась музыкальная секция ВООПиК за то, чтобы хотя бы в ознаменование 150-летнего юбилея воздать должное памяти неповторимого нашего таланта, А. А. Алябьева — на доме в Москве, где жил композитор, установить мемориальную доску. Куда только не подавали «прошения» — и в Моссовет, и в другие «заинтере-

сованные» инстанции... Думаете, добились? Нет, это оказалось совершенно безнадежным делом.

А что исполняется из современной хорошей музыки? Например, из сочинений Георгия Свиридова, которого без преувеличения можно назвать классиком — такой правдой времени, народа веет от его произведений, такие высокие гуманистические идеи заложены в них. И что же?.. Одна лишь «Метель» и известна, «остальное» лежит мертвым грузом.

Удручающи результаты культурной политики нашего государства. Страшно задуматься о том, какие цели преследовали ее проводники. И уже не как фантастика, а как чудовищная реальность воспринимаются страницы антиутопии Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», где описывается система воспитания детей низшей касты — удары тока отвращают малышей от прекрасного: классической музыки, цветов. Сколько таких ударов принял наш народ.

— Именно этим, видимо, и призвана заниматься секция музыки ВООПиК, которую вы возглавляете! Но что значит — сберегать музыкальную культуру!

— Музыка жива только тогда, когда она звучит. Давать жизнь лучшим (а среди них немало и полузабытых) образцам воплощения человеческого таланта — главная задача нашей секции, собравшей подлинных подвижников культуры. Нам помогают музыканты из консерватории, Гнесинского институте, которые занимаются поиском, записью народных песен, создают для их исполнения фольклорные ансамбли. Мы стремимся оживить интерес к классическому наследию, и не безуспешно. С большим вниманием встретили слушатели концерты Алябьева, композиторов доглинковского периода — Фомина, Верстовского. Восстанавливаем, возобновляем целые оперы, например, «Американцев», «Орфея и Эвридику» Фомина. Публика с удовольствием посещает концерты старинной, духовной музыки пятнадцатого, шестнадцатого, семнадцатого веков. Мы приглашаем лучших исполнителей, ансамбли высокопрофессиональных музыкантов, такие как хоровой коллектив «Глас», инструментальный — «Барокко» и многие другие.

Я, конечно, не обольщаюсь: вся наша деятельность, такая напряженная, интересная и полезная для нас и наших слушателей, вряд ли способна существенно влиять на состояние музыкальной культуры в стране. Где, скажите, послушать Мусоргского любопытствующему юноше, живущему в маленьком, да и в большом городе? Если библиотеки еще худо-бедно обеспечены классикой, то такого понятия как звукотека не существует. А ведь они должны быть при каждой библиотеке, оборудованные проигрывающими устройствами, наушниками. Да что звукотеки! Купить хорошую пластинку невозможно. Я вот собираю по крупицам, где что могу достать. Но почему — доставать, искать, просить? Ведь это государственное дело — воспитание человека. И формирование художественной политики — тоже государственное дело. Лучшее, что создала русская, мировая музыкальная мысль, необходимо записывать на пластинки, причем достаточным тиражом. Дефицита культуры быть не должно.

— Александр Филиппович, может быть, мы сейчас, не откладывая, порекомендуем издателям, что включить в их планы...

— Кое-какие сдвиги уже происходят. Я рад, что издательство «Музыка» приступило к выпуску академического собрания сочинений Мусоргского, где его произведения предстанут в том виде, в каком их создал «великий дилетант», очищенными от многочисленных редакторских наслоений.

Но это только начало. Еще сорок лет назад Борис Асафьев писал, что советское теоретическое музыкознание мало интересуется Глинкой, и не существует его академического издания. Печально, что не дошли до него руки и по сию пору.

Я назвал литературу, предназначенную, скорее, профессионалам — композиторам, дирижерам, певцам. Мало книг и для так называемого широкого читателя, например, хороших учебников-песенников, с нотами и текстами. Никогда не видел я ничего подобного старинным «Гуселькам», своеобразной детской хрестоматии русской песни. Могу сравнить ее лишь в толстовскими «Русскими книгами для чтения» — так искренни и безыскусны эти песенки, настолько далеки они от заигрывания с детьми.

Хорошо бы переиздать сборники детских песен А. К. Лядова — какие у него замечательные колыбельные! Не озаботился до сих пор никто подготовкой полного свода русских народных песен. Да что перечислять! Мы опять возвращаемся к тому, с чего начали, и лучше, чем высказался по этому поводу выдающийся русский мыслитель Петр Киреевский, не выразишься: «Нет высокого дела, ни стройного слова без живого чувства собственного достоинства... чувства собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти».

Беседу вела Е. НИКОЛАЕВА.

АЛЕКСАНДР ВЕДЕРНИКОВ

ЧТОБ ДУША НЕ ОСКУДЕЛА

первая книга

Послушав «Жизнь за царя» и восхитившись музыкой, в которой «каждый звук родной», Сергей Тимофеевич Аксаков посетовал, как мало оценен у нас необыкновенный талант М. Глинки. По свидетельству писателя, оперу в Петербурге «приняли с громкими, но официальными рукоплесканиями, находили ее превосходной, но скучной и длинной» и «немедленно начали обрезывать»... «Обрезывать развитие музыкальной мысли, — продолжает он в письме к сыну, — по-моему, все равно, что обрезать картину, отбить руку или ногу у статуи, выкинуть несколько явлений в комедии Гоголя или оторвать несколько листов «Мертвых душ»!.. Это просто варварство».

Словам Аксакова полтора века — 27 ноября (по преданию это день гибели Ивана Осиповича Сусанина) 1836 года премьерой героико-трагической оперы Глинки открылся восстановленный после пожара петербургский Большой театр. Но, как увидим, они не утратили своей злободневности, предостерегающей силы.

Действительно, разве возможно представить, что кто-то, скажем, взял и в «Явлении Христа народу» великого живописца Александра Иванова изобразил вместо Христа кого-либо другого. В театре же, в опере это считается теперь чуть ли не нормой. В одной из бесед дирижер Геннадий Рождественский об оперном персонаже Средневековья высказал следующее: «...если, к примеру, Лоэнгрин ходит по сцене в пиджаке, значит, он вам ближе», тем самым «снимается занавес, отделяющий оперного героя от современного зрителя». Но что же тогда мастерство точного грима и костюма, как не традиция русской оперы, столь высоко поднятая Шаляпиным и оберегаемая целой плеядой его последователей? И как представляет себе прославленный музыкант в таком случае «приближенного» к современному зрителю Ивана Сусанина — в джинсах и ветровке? И такого рода попытки «осовременить» классических героев на сцене, к сожалению, давно уже не новость...

Партию Сусанина я пою тридцать с лишним лет. С ней

пришел в Большой театр из ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, где работал после окончания консерватории. Так что мне пришлось быть участником двух сценических редакций «Ивана Сусанина»: в Ленинграде спектакль шел в постановке 1939 года, в Москве — 1945-го. Познал я еще и его «капитальное возобновление» (1978 г.). И все годы служения в оперном театре мне не дает покоя судьба памятника и вызывает протест то, что величайшее это произведение на современной сцене — лишь жалкое подобие творения Глинки. Ну как еще можно относиться к подобным переработкам великолепной музыки, по словам В. Ф. Одоевского, «возвысившей народный напев до трагедии»?

Вот уже несколько лет храню я письмо, присланное мне Николаем Петровичем Угрюмовым, преподавателем музыки из Кривого Рога. Это глубокое исследование «Ивана Сусанина», основанное на сравнении подлинника с последующими постановочными версиями — в музыкальном, историческом, литературном планах.

«До сих пор, — пишет автор письма-исследования, — соотечественники не имеют понятия о том, что создал сам Глинка. Уже давно пора взглянуть на настоящее состояние «Ивана Сусанина» критически и подумать не только о том — не существующем в действительности Глинке, именем которого прикрываются его толкователи, и вспомнить его живого и страдающего от глубокого непонимания современниками и как-то «в минуту жизни трудную» сказавшего сестре горькие слова: «Поймут твоего Мишу, когда его не будет...». Под демагогические фанфары в «лихие» времена его шедевр, а нашу национальную святыню превратили в, так сказать, «дистиллированную» классику».

В каких только грехах не обвиняли Глинку в эпоху Пролеткульта, когда звучали оголтелые призывы «сбросить классиков с парохода современности» и разорвать все связи с прошлым, когда жестокому гонению подвергалось культурное наследие нашего народа. Монархизм, верноподданичество, реакционность — этих ярлыков было достаточно, чтобы опера более чем на двадцать лет исчезла из репертуара, а потом была «радикально» изменена в ущерб сюжету, драматургии, исторической правде. Тогда снесли в Костроме и первый памятник Ивану Сусанину. В 1924 году в одесском театре была предпринята попытка постановки оперы под названием «Серп и молот», где Сусанина заменили красноармейцем, а вместо гимна «Славься» в финале зазвучал «Интернационал». В те же страшные времена был брошен клич «Мы против лирической слякоти Чайковского!», а произведения Даргомыжского, одного из первых композиторов, положивших начало русскому направлению в нашей музыкальной культуре, провозглашались «устаревшим, вопиющим вздором»...

1939 год принято именовать годом «второго рождения» Ивана Сусанина», так сказать, «рождением» без Глинки. Вопреки всем этическим нормам, вопреки исторической достоверности в угоду Пролеткульту был искажен памятник русской культуры, которым восхищались Пушкин, Гоголь, Жуковский, Вяземский...

Главные обвинения выдвигались в адрес автора либретто, да и сейчас это можно прочесть в нынешней музыкальной литературе, пособиях для учащихся, очерках по истории русской музыки. Причина «реконструкции» шедевра Глинки, с которого, как известно, начался в искусстве период русской музыки, объясняется так: барон Розен, немец-де по национальности, не знающий как следует русского языка, бездарный поэт, особа, приближенная к императору, показал русских крестьян верными слугами царя и т. п. Не похоже ли все это на то оправдание, которое приводится обычно по поводу уничтожения храма Христа Спасителя? Мол, ну, взорвали, — но он же не представлял никакой архитектурной ценности! Однако достаточно только взглянуть на горельефы, украшавшие фасад сооружения, (чудом уцелевшая часть их хранится у стен Донского монастыря), чтобы целиком опровергнуть бытующую точку зрения. Так и здесь, в случае с «Иваном Сусаниным». Не кто-нибудь, а сам Жуковский посоветовал Глинке в качестве либреттиста Егора Федоровича Розена, видного литератора, поэта, автора ряда исторических трагедий (правда, и того же Жуковского вплоть до недавнего времени причисляли к реакционным монархистам, равно как и Достоевского называли мракобесом). Не кто-нибудь, а сам Пушкин отзывался о Розене как поэте очень высоко. В конце концов, текст устраивал и самого Глинку. Композитор требовал ритмов, размеров, идущих от народной песни, от народного стиха, так как при создании оперы опирался на песенные жанры, и, в частности, смоленского края, своей родины. И либретто его удовлетворяло. Иначе — в эпоху «золотого» века нашей культуры, поэзии — найти другого, более подходящего либреттиста Глинке, очевидно, не составило бы труда.

Если посмотреть партитуру подлинника «Жизни за царя» (а при желании в нотных библиотеках можно отыскать издание Юргенсона) и сравнить ее с так называемой окончательной редакцией оперы, станет очевидно их полное несоответствие, как говорится, по всем статьям. Во-первых, Глинка использовал достоверный факт русской истории. «Иван Сусанин — герой освободительной борьбы русского народа против польских интервентов в начале XVII века — читаем в Большой советской энциклопедии. — Крестьянин села Деревеньки близ села Домнино Костромского уезда зимой 1612—1613 годов был взят в качестве проводника отрядом польской шляхты до села Домнино, вотчины Романовых, где находился избранный на престол царь Михаил Федорович. Сусанин намеренно завел отряд в непроходимый болотистый лес, за что был замучен». Так было в действительности, так же и у Глинки.

Что же видим в варианте послереволюционных лет? Поляки вдруг по совершенно непонятным причинам оказываются в районе глухих лесов под Костромой и велят «старику» вести их не куда-нибудь, а в Москве, и по «кратчайшим дорогам». Хотя такой кратчайший путь (в 300 с лишним километров) — и тогда, и теперь был и есть один — по тракту через Ярославль. Явная несуразица. И подобных «поправок» самого разного толка в современном спектакле, надо сказать, больше чем достаточно. Если раньше опера начиналась со слов: «В бурю сокол летит по поднебесью...», что соответствовало музыке, ее содержанию, то сейчас в те же такты вложен совсем иной смысл и ритм: «Русь отстоим, не отдадим врагу...» Или эпицентр оперы — предсмертная ария Ивана Сусанина в четвертом акте. Первоначальный вариант:

Чуют правду! Ты, заря, скорее заблести,
Скорее возвести
Спасенья час для Руси...

А вот измененный С. Городецким по инициативе руководства театра текст:

Чуют правду! Смерть близка!
Мне не страшна она:
Свой долг исполнил я.
Прими мой прах, мать-земля.

На заре — смерть. И эта ария — как молитва. Сусанин молитвенно ждет утра: спасение Руси для него дороже жизни (тайком от врагов он послал сына Ваню предупредить об опасности). «Ах, страшно, тяжело на пытке умирать», — поет Сусанин (по Глинке). В либретто же нынешнем и это выстраданное признание живого человека заменено натужной декларацией, механически «пристегнутой» к музыке: «Мне тяжко умирать, но долг мой чист и свят...» Ну как тут предпочесть «переосмысленное» истинному? А разве на пользу спектаклю то, что «выходную», интимную арию Антониды — ожидание суженого, эту исповедь чистой души у Неждановой, Барсовой, Шумской, — стала сопровождать массовка крестьян, а героиня начала бабочкой порхать с пенька на пенек. Или что герой погибает не как в реальной жизни, «молча, не требуя ни хвалы, ни удивления» (Белинский), а распятым на саблях поляков и зависшим над сценой, как задумали интерпретаторы. В подобных изменениях мизансцен заключалось так

называемое «капитальное возобновление» «Ивана Сусанина» в Большом театре десятилетие назад (режиссер Г. Панков).

Такие вот раздумья и заставили меня петь арию Ивана Сусанина, как было при жизни создателя. И, надо сказать, так просто мне это не обошлось. Я не раз получал много нареканий со стороны официальных лиц, партийных работников. Помню, как пел Сусанина в Свердловске. После спектакля за кулисами подошел ко мне представитель из горкома и сказал: «Вот вы, Александр Филиппович, ведь неправильно поете, идеологически неправильно». Я что-то начал объяснять: мол, вот и иконы-то в избе у Сусанина, и благословляет он дочь свою и ее суженого на совет да любовь, и в бога верил — ну, что тут поделаешь, жил-то он совсем в другое время... Но вряд ли удалось мне тогда убедить этого чиновника.

Понятно, на заре Советской власти само название оперы «Жизнь за царя» вызывало отрицание. Хотя оно вполне исторически оправдано, это название. Нельзя же забывать, что опера эта историческая, а раз так, то в ней есть и царь, и Минин, и Пожарский... Царизм был формой государственности, и жизнь за царя означала жизнь за родину, за народ. Стоит ли переписывать историю заново? Так мы никогда не узнаем ее правды. Но... «забывались» целые эпохи. А это, в свою очередь, сказалось на формировании чувства родины, чувства гордости за свое Отечество.

Не хочу во всем обвинять тогдашних реформаторов «Ивана Сусанина». Быть может, не случись в те сложные годы такого «пересмотра», мы эту оперу не услышали бы вовсе. Не звучала бы она и в годы войны, вдохновляя людей на подвиг во имя Отчизны своей огромной патриотической силой. Думаю, что в нашей победе есть и заслуга великой героико-патриотической оперы, и заслуга великого русского артиста Максима Дормидонтовича Михайлова — одного из лучших исполнителей партии Ивана Сусанина, создавшего исключительно достоверный образ человека из народа. Но пришло время бороться за чистоту нашей классики, пришло время вернуть изначальный вид памятникам музыкального искусства, освободить их от всяких временных напластований и пристроек. Не дело «подгонять» Мусоргского, Глинку, Даргомыжского под каждую эпоху. Ведь вместе с такими вмешательствами в произведение исчезает его духовная сущность, а значит, искусство теряет свой смысл.

НАШ КОНКУРС

Уважаемые читатели!

Тех из вас, кого заинтересовала книга А. Ведерникова «Чтоб душа не оскудела», приглашаем принять участие в нашем конкурсе. Издательство «Советская Россия» и журнал «Слово» вышлют в качестве призов три экземпляра новинки тем, кто наиболее полно и правильно ответит на вопросы:

1. В репертуаре А. Ведерникова есть, в частности, песни и романсы из вокального цикла «Некрасовские тетради». Кто автор этого цикла!

2. «...К новым берегам пока безбрежного искусства! Искать этих берегов, искать без устали, без страха и смущения и твердою ногою стать на земле обетованной — вот великая и увлекательная задача!» — эти слова стали творческим манифестом великого русского композитора. Назовите его.

3. Первое произведение, которое создал С. В. Рахманинов вдали от родины, были «Три русские песни для хора и оркестра». Назовите эти песни, а также источники, которые их питали.

В МИРЕ КНИГ • В МИРЕ КНИГ • В МИРЕ КНИГ • В МИРЕ КНИГ

МИКРОРЕЦЕНЗИИ

СОВРЕМЕННЫЙ МИР КИНО

В предисловии к книге Ю. Дьяконова «Подлинность героя», выпущенной в библиотечке журнала «Молодая гвардия», писатель Юрий Лощиц говорит о том, что многие суждения автора, размышления его о современном кинопроцессе неоднозначны и вызовут споры и разногласия среди читателей и критиков. Но это не недостаток, а скорее достоинство книги. Не случайно подзаголовок ее — «Полемические заметки о кино». Полемика — всегда острый спор, дискуссия, столкновение мнений.

Что же больше всего волнует автора? Круг кинематографических проблем, рассматриваемых Ю. Дьяконовым, велик. Это и современная экранизация классических произведений на примере анализа фильма Сергея Бондарчука «Борис Годунов», и наше молодое кино, ориентированное в основном на массовую, «кассовую» культуру, и обращение ряда наших известных кинорежиссеров к отечественной истории, и кинодокументалистика последних лет

В другой своей книге «Радость созидания» Ю. Дьяконов на материале советской киноклассики и современных произведений игрового и документального кино размышляет об идейно-художественном и воспитательном потенциале нашего кинематографа. Книга эта адресована учителям, руководителям школьных киноклубов, всем тем, кто непосредственно занят воспитанием подрастающего поколения. Она поможет воспитать в детях умение отличить подлинное искусство от мнимого, увидеть красоту скромного и незаметного, сделать первые шаги в сложный и противоречивый мир современного кино.

В книгах Ю. Дьяконова подробно анализируются газетные и журнальные публикации по проблемам кино и поднимается вопрос о необходимости появления в кинематографе положительного героя. Об этом шел разговор и на V съезде кинематографистов СССР. Многие из его участников были встревожены тем, что «зарастает поле, которое возделывалось Шукшиным», «все более типичным становится условный сюжет, условный конфликт, условный характер, условный герой».

Каким же видит Ю. Дьяконов будущее советского кино? Прежде всего оно должно отказаться от слепого копирования худших западных образцов, так называемого ширпотреба, обратиться к судьбе народа, к правдивому и беспристрастному рассказу о том, что было в нашей истории. Главное для истинного художника не самовыражение, а поиск идеала, забота о духовном здоровье народа, — утверждает автор.

Д. КОСТРОВА

Дьяконов Ю. ПОДЛИННОСТЬ ГЕРОЯ. — М.: Мол. гвардия, 1989.

Дьяконов Ю. РАДОСТЬ СОЗИДАНИЯ. — М.: Просвещение 1989.

КНИГОЧЕЮ НА ЗАМЕТКУ

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ. С. С. Аверинцев и др.; Под общ. ред Г. М. Бонгард-Левина. — М.: Мысль, 1989 — 479 с., ил. — 9 р. 30 к 100 000 экз.

ТВЕРЬ: Худож.-публиц. альманах. Проза. Поэзия. Публицистика История / Сост. М. Г. Петров. — М.: Моск. рабочий, Калининское отд-ние, 1989 — 270 с., ил. — 1 р. 20 к 10 000 экз

ПОВЕСТИ РАЗУМНЫЕ И ЗАМЫСЛОВАТЫЕ: Попул. бытовая проза XVIII в. Сост., вступ. ст. С. Ю. Баранова. — М.: Современник, 1989. — 687 с. — 3 р. 40 к. 200 000 экз.

Карнеги Д. КАК ЗАВОЕВЫВАТЬ ДРУЗЕЙ И ОКАЗЫВАТЬ ВЛИЯНИЕ НА ЛЮДЕЙ / Пер. с англ.; Сост. М. И. Хасхачих. — М.: Прогресс; Пракситель, 1989. — 282 с. — 2 р. 30 к. 200 000 экз.

Ушаков Ю. А. КИТАЙСКАЯ КУХНЯ В ВАШЕМ ДОМЕ. — М.: Прогресс; Кооп. «Рекма», 1989. — 184 с., ил. — (Б-ка журн. «Проблемы Дал. Востока»). — 5 р. 100 000 экз.

Долин А., Попов Г. ТРАДИЦИИ У-ШУ — М. Прометей, 1989 — 143 с. — 3 р. 200 000 экз.

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ КОСТЮМ: Гос. ист. музей. Альбом / Авт.-сост. Л. Ефимова, Фото Э. Стейнера. — М.: Сов Россия, 1989. — 311 с., ил. — 28 р. 10 000 экз. рус, англ. яз.

Мвйоров А. Г. РАЗНОВИДНОСТИ ПОЧТОВЫХ МАРОК РОССИИ: Каталог. — М.: Радио и связь, 1989. — 95 с. — 3 р. 3000 экз.

ФРАНЦИСК СКОРИНА — БЕЛОРУССКИЙ ГУМАНИСТ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, ПЕРВОПЕЧАТНИК. Отв. ред. М. Б. Ботвинник. — Минск: Высш. шк., 1989. — 205 с. — 6 р. 3 500 экз.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

120 лет
со дня
рождения

Медаль, выполненная словацким скульптором Яном Кулихом.

Сложное, трудное время переживаем. Не сразу и поймешь: то ли основы жизни рушатся, то ли обветшавшие подпорки временного жилища трещат; то ли светлые идеалы гибнут, то ли от вредных примесей очищаемся.

Ведь сколько лет все было поставлено на якобы прямые рельсы. А оказалось, куда дорога!! Стоим на росстанях. Неуютно. Со всех сторон какие-то злые ветры задули. А тут и срам прикрыть нечем — фиговый листочек, и тот унесло. Надо опять переоценивать, переосмысливать, переузнавать. Нелегко, да ведь жить надо!

В поисках ответов на прорву хлынувших на нас вопросов, мы бросились по обратному следу: где же сбились, верен ли был путь, не ошиблись ли проводники! Тут уж нужно спешить (и спешим) карабкаться по разным ветвям раскидистого древа познания: авось и повиднее оттуда будет. Да и, может, привычная максистская-то ветвь не вовсе уж засыхающей окажется!

Бурные события нашего времени пробуждают как будто и новый интерес к марксизму — критический, но интерес! Как же так, самое передовое учение и тупиковая ситуация!

Давайте разбираться. Давайте вникать. Давайте читать заново. Свободно! Это нужно делать ради ответа на великий вопрос человечества: что есть истина!

Злоба дня вновь обращает наши мысленные взоры и к личности и деятельности В. И. Ленина. Без прежней елейности в отношении этой великой исторической фигуры, без школярского начетничества в обращении к его идейному наследию. Ведь время, открывшийся нам подлинный исторический опыт позволяют читать Ленина без шор, поумневшими глазами, а значит, органичнее постигать его, не изолированно, а в сложном историческом контексте развития революционной борьбы человечества и ее теоретического осознания.

Такому чтению будет, несомненно, способствовать и наше более глубокое, неприглаженное представление о самой личности Владимира Ильича. А ведь и по сию, можно сказать, пору нам, несмотря на все старания литераторов, мешает разглядеть всю совокупность живых ленинских черт пресловутый хрестоматийный глянец.

Приблизиться к образу подлинного Ильича, лучше и глубже узнать о нем из первых, так сказать, уст поможет новое издание, предпринятое ИМЛ при ЦК КПСС и Политиздатом — десятитомник «Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине».

Сюда вошли воспоминания его родных и близких, видных деятелей партии и Советского государства, ученых, писателей, делегатов съездов и конференций, рабочих и крестьян, зарубежных представителей прогрессивной общественности — современников Ленина.

В отличие от известного пятитомника воспоминаний, объем настоящего издания значительно увеличен прежде всего за счет воспоминаний, появившихся в двадцатые годы, после смерти Владимира Ильича. Авторы этих воспоминаний впоследствии стали жертвами репрессий, и то, что они написали, более полувека было практически недоступно широкому читателю. Новое издание впервые восполняет этот огромный пробел.

Мы публикуем взятые из готовящихся к печати томов (первые три уже вышли) воспоминания Г. Е. Зиновьева и В. П. Милютина; а также с нашей точки зрения примечательную для данного разговора публикацию Л. Троцкого из книги «Портреты революционеров», изданной за рубежом.

Г. Е. ЗИНОВЬЕВ

ПРИЕЗД В РОССИЮ

...Весть о Февральской революции застала пишущего эти строки в Берне. В. И. Ленин жил в это время в Цюрихе. Помню, я возвращался из библиотеки, ничего не подозревая. Вдруг вижу на улице большое смятение. Нарасхват берут какой-то экстренный выпуск газеты. «Революция в России.»

Голова кружится на весеннем солнце. С листком с еще необсохшей типографской краской спешу домой. Там застаю уже телеграмму от Владимира Ильича, зовущую «немедленно» приехать в Цюрих.

Ждал ли Владимир Ильич столь быстрой развязки? Кто перелистает наши писания тогдашнего времени (сборник «Против течения»[1]), тот увидит, как страстно призывал Владимир Ильич русскую революцию и как ждал он ее. Но такой быстрой развязки событий все же никто не ждал. Весть пришла неожиданно.

Итак, царизм пал! Лед тронулся. Империалистической бойне нанесен первый удар. С пути социалистической революции убрано одно из важнейших препятствий. То, о чем мечтали целые поколения русских революционеров, наконец свершилось.

Помню несколько часов ходьбы по залитым весенним солнцем улицам Цюриха. Мы бродили с Владимиром Ильичом бесцельно, находясь под впечатлением нахлынувших событий, строя всевозможные планы, поджидая новых телеграмм у подъезда редакции «Новой цюрихской газеты», строя догадки на основании отрывочных сведений.

Но, конечно, не прошло и нескольких часов, как мы взяли себя в руки.

Надо ехать. Что сделать, чтобы вырваться отсюда поскорей, — вот главная мысль, которая господствует над всем остальным.

Чуя приближение грозы, Владимир Ильич особенно томился последние месяцы. Точно не хватало воздуха для легких. Тянуло к работе, тянуло к борьбе, а в швейцарской «дыре» ничего не оставалось больше, как сидеть в библиотеках. Вспоминаю, с какой «завистью» (именно завистью, не нахожу другого слова) смотрели мы на швейцарских социал-демократов, — которые какникак жили среди своих рабочих, с головой ушли в рабочее движение своей страны. Между тем, как мы были отрезаны от России в небывалой еще степени. Никогда раньше не тянуло в Россию с такой силой. Истосковались по русской речи, по русскому воздуху. Предчувствие революционной грозы заставляло томиться с особенной силой. Владимир Ильич в это время прямо напоминал льва, запертого в клетке.

Надо ехать. Дорога каждая минута. Но как проехать в Россию? Империалистическая бойня достигла апогея, шовинистские страсти бушуют во всю мочь. В Швейцарии мы отрезаны от всех воющих государств. Все пути заказаны, все дороги отрезаны. Вначале мы как-то не отдавали себе в этом отчета. Но уже через несколько часов стало ясно, что мы сидим за семью замками, что прорваться будет нелегко. Рванулись в одну, в другую сторону, послали ряд телеграмм, — ясно: не вырваться. Владимир Ильич придумывает планы, один другого неосуществимее: проехать в Россию на аэроплане (не хватает малого: аэроплана, нужных для этого средств, согласия властей и т. п.), проехать через Швецию по паспортам глухонемых (увы, мы не знаем ни слова по-шведски), добиться обмена нас на немецких военнопленных, попробовать проехать через Лондон и т. п. Ряд эмигрантских совещаний (с меньшевиками, эсерами и т. п.), по вопросу о том, как реализовать амнистию и двинуться всем желающим в Россию. Владимир Ильич сам на эти совещания не ходит, посылает меня, больших надежд на все это не возлагает.

Как только выяснилось, что в ближайшие дни, во всяком случае, уехать не удастся, Владимир Ильич садится за свои известные «Письма издалека». В нашей маленькой группе начинается интенсивная работа по определению нашей линии в начавшейся революции. Ряд писаний Владимира Ильича, относящихся к этому времени, достаточно известны. Вспоминаю несколько горячих споров в Цюрихе, в небольшом рабочем ресторанчике и однажды на квартире Владимира Ильича по вопросу о том, можем ли мы уже сейчас дать лозунг низвержения правительства Львова. Некоторые тогдашние «левые» настаивают на том, что большевики обязаны выступить немедленно с этим лозунгом. Владимир Ильич решительно против. «Терпеливо и настойчиво разъяснять», сказать народу всю правду, но вместе с тем уметь дождаться завоевания большинства революционного пролетариата и т. д.. — вот наша задача.

...Решено. Другого выбора нет. Мы едем через Германию. Будь, что будет, но ясно, что Владимир Ильич должен, как можно скорей, очутиться в Петрограде. Впервые высказанная мысль о поездке через Германию встретила, как и следовало ожидать, бурю негодования со стороны меньшевиков, эсеров и всей вообще небольшевистской эмиграции. Были некоторые колебания даже среди большевиков. И понятно: риск был немалый.

Помню, на Цюрихском вокзале, когда мы все сели уже в вагон, чтобы двигаться к швейцарской границе, небольшая группа меньшевиков и эсеров устроила Владимиру Ильичу нечто вроде враждебной демонстрации. В последнюю минуту, буквально за пару минут до отхода поезда, товарищ Рязанов в большом возбуждении отзывает пишущего эти строки в сторону и говорит: «Владимир Ильич увлекся и забыл об опасностях; вы — хладнокровнее. Поймите же, что это безумие. Уговорите Владимира Ильича отказаться от плана ехать через Германию».

Однако, через несколько недель к тому же «безумному» решению вынуждены были придти и Мартов и другие меньшевики.

...Уехали. Помню жуткое впечатление замершей страны, когда мы ехали по Германии. Берлин, который мы видели только из окна вагона, напоминал кладбище.

Волнение, которое все мы переживали, как-то стерло впечатление времени и пространства. Слабый след остался в памяти от Стокгольма. Машинально ходили по улицам, машинально что-то закупали из самого необходимого для поправления неказистого туалета Владимира Ильича и других, и чуть ли не каждые полчаса справлялись о том, когда же уходит поезд на Торнео.

Картина русских событий и в Стокгольме крайне еще неясна. Двусмысленная роль Керенского не вызывает уже сомнений. Но что делает Совет? Так ли уже всесилен в Совете Чхеидзе и К°? За кого большинство рабочих? Какую позицию заняла большевистская организация? Все это еще неясно.

Торнео. Помнится, это было ночью. Переезд по замерзшему заливу на санях. Длинная узенькая лента саней. На каждых из этих саночек по два человека. Напряжение достигает максимальной степени. Наиболее экспансивные из молодежи (покойный Усиевич) нервничают необычайно. Сейчас мы увидим первых революционных русских солдат. Владимир Ильич внешне спокоен. Его прежде всего интересует то, что делается там, в далеком Петербурге. Через замерзший залив, занесенный глубокими снегами, он напряженно смотрит вдаль, и глаз его как будто видит на полторы тысячи

---

[1] Сборник был издан в Петрограде в 1918 г., включал статьи В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева из «Социал-демократа», «Коммуниста» и «Сборника «Социал-демократа». (Ред.)

верст вперед то, что происходит в революционной столице.

Мы на русской стороне границы (нынешняя граница Финляндии со Швецией). Наша молодежь прежде всего набросилась на русских солдат — пограничников (было их, вероятно, только несколько десятков человек), с которыми начинает зондирующие беседы. Владимир Ильич, прежде всего, набросился на русские газеты. Отдельные номера питерской «Правды» — нашей «Правды». Владимир Ильич впился в газетные столбцы. Качает головой, с укором разводит руками: прочел известие о том, что Малиновский оказался-таки провокатором. Дальше, дальше. Настоящую тревогу вызывают у Владимира Ильича некоторые недостаточно выдержанные с точки зрения интернационализма статьи в первых номерах «Правды». Неужели? В «Правде» недостаточно ясна интернационалистская позиция! Но, мы с ними «повоюем», линия будет исправлена скоро.

Первые встречи с «керенскими» поручиками, «революционными демократами». Затем — с первыми русскими революционными солдатами, которых Владимир Ильич уже через час беседы окрестил «добросовестными оборонцами», которым надо особенно «терпеливо разъяснять». По приказанию властей группа солдат сопровождает нас до столицы. Сели в вагоны. Владимир Ильич «впился» в этих солдатиков. Пошли разговоры о земле, о войне, о новой России. Особая, достаточно хорошо известная манера Владимира Ильича подходить к рядовикам рабочим и крестьянам сделала то, что через самое короткое время установилось великолепное товарищеское взаимоотношение. Беседа идет всю ночь напролет. Но солдаты-оборонцы стоят на своем. Первый вывод, который делает Владимир Ильич: оборончество — еще большая сила. В борьбе с ним нам нужна твердая настойчивость. Но столь же необходимы терпение и умелый подход.

Все мы были твердо уверены, что по приезде в Петроград мы будем арестованы Милюковым и Львовым. Больше всех в этом уверен был Владимир Ильич. И к этому он готовил всю группу товарищей, следовавших за ним. Для большей верности мы отобрали даже у всех ехавших с нами официальные подписки в том, что они готовы пойти в тюрьму и отвечать перед любым судом за принятое решение поехать через Германию.

Чем ближе к Белоострову, тем больше возрастает волнение. В Белоострове, однако, власти встречают нас достаточно дружелюбно. Один из керенских офицеров, исполняющий должность коменданта Белоострова, даже «рапортует» Владимиру Ильичу.

В Белоострове нас встречают ближайшие друзья. Среди них Каменев, Сталин и многие другие. В тесном полутемном купе третьего класса, освещенном огарком свечи, происходит первый обмен мнений. Владимир Ильич забрасывает товарищей рядом вопросов.

— Будем ли мы арестованы в Петрограде?

Встречающие нас друзья определенного ответа не дают, но загадочно улыбаются. По дороге, на одной из станций, ближайших к Сестрорецку, сотни сестрорецких пролетариев приветствуют Владимира Ильича с той сердечностью, с которой рабочие относились только к нему. Его подхватывают на руки. Он произносит первую коротенькую приветственную речь.

...Перрон Финдляндского вокзала в Петрограде. Уже ночь. Только теперь мы поняли загадочные улыбки друзей. Владимира Ильича ждет не арест, а триумф. Вокзал и прилегающая площадь залиты огнями прожекторов. На перроне длинная цепь почетного караула всех родов оружия. Вокзал, площадь и прилегающие улицы запружены десятками тысяч рабочих, восторженно встречающих своего вождя. Гремит «Интернационал». Десятки тысяч рабочих и солдат горят энтузиазмом.

В течение нескольких секунд Владимир Ильич «перестраивает ряды». В так называемой императорской комнате Владимира Ильича ждет «сам» Чхеидзе, во главе целой делегации от Совета. От имени «революционной демократии» лиса — Чхеидзе приветствует Владимира Ильича, «выражает надежду» и т. д. Не моргнув бровью, Владимир Ильич отвечает коротенькой речью, которая от первого до последнего слова хлещет, как бичом, по лицу почтенной «революционной демократии». Речь кончается возгласом: «Да здравствует социалистическая революция!».

С этой минуты нахлынула могучая человеческая волна. Первое впечатление: мы — щепочки в этой волне. Владимира Ильича подхватили, посадили на броневой автомобиль. В броневике он совершает свой первый въезд в революционную столицу, объезжает густые ряды рабочих и солдат, воодушевлению которых нет границ. Произносит коротенькие речи, бросая в массы лозунги социалистической революции.

Через час мы все во дворце Кшесинской, где собралась почти вся большевистская партия. До утра льются речи товарищей, которым в конце отвечает Владимир Ильич. Рано утром, чуть брезжит свет, мы расходимся, с наслаждением вдыхая воздух родного Петербурга. Идем через Неву, которой не видели уже столько лет. Владимир Ильич бодр и весел. Для каждого у него находится доброе слово. Всех помнит. Со всеми завтра же встретится на начинающейся новой работе.

Кругом бодрые лица. Приехал вождь. С нескрываемой радостью, восторгом и любовью все смотрят на Владимира Ильича и регистрируют этот факт.

Владимир Ильич в России, в революционной России, после долгих лет изгнания. Первая из первого ряда революций началась. Революционная Россия обрела настоящего вождя. Начинается новая глава в истории международной пролетарской революции.

В. П. МИЛЮТИН

ИЗ ДНЕВНИКА

1917 год

Первый состав Совета Народных Комиссаров

24 октября часов в 12 ночи, или же позднее, так как в бурные дни Октябрьского переворота время в счет не шло, многие из нас не спали в течение нескольких суток. Центральный Комитет партии большевиков заседал в комнате № 36 в первом этаже Смольного. Посреди комнаты стол, вокруг несколько стульев, на полу сброшено чье-то пальто... В углу прямо на полу лежит тов. Берзин, в то время член ЦК. Ему нездоровится. В комнате исключительно члены ЦК, т. е. Ленин, Троцкий, Сталин, Смилга, Каменев, Зиновьев и я, остальные разошлись по домам. Время от времени стук в дверь: поступают сообщения о ходе событий; вопрос еще не решен — на нашей ли стороне победа, или нет; но соотношение сил вполне определилось — перевес на нашей стороне. Но как сложатся события? Что может произойти, какие ждут отдельные случайности, этого никто не знает. Настроение у всех какое-то «обычное», делаем дело, как нужно делать. Дело интересное и нужное. Все несколько утомлены бессонными ночами, но напряжение нервов, важность совершающегося — все это делает незаметным утомленность, наоборот, веселые разговоры прерываются разными шутливыми замечаниями.

Идет обсуждение дальнейших планов действий. В один из перерывов я предложил составить список будущего правительства. Взял карандаш и клочок бумаги и сел за стол. Предложение некоторым показалось настолько преждевременным, что они отнеслись к нему, как к шутке. Но, в конце концов, все приняли участие. И вот тут возник вопрос, как назвать новое правительство, его членов? «Временное Правительство» всем казалось затасканным, и потом самое слово «временное» отнюдь не отвечало нашим видам. Все, конечно, на свете временно, но мы не хотели придавать новому правительству такого специфического значения, как это делал сначала Львов с компанией и затем Керенский с его друзьями. Название членов правительства «министрами»

еще более отдавало бюрократической затхлостью. И вот тут Троцкий нашел то слово, на котором сразу все сошлись — «народный комиссар». «Да, это хорошо, — сейчас же подхватил тов. Ленин, — это пахнет революцией». «А правительство назвать Совет Народных Комиссаров», и затем приступили к поименному списку.

Так в комнате № 36 Смольного родилось новое рабочее правительство и новое название.

1918 год

18 июля

Был вчера вечером в Совете Народных Комиссаров. На нас, т. е. на ВСНХ, опять нападали. ВСНХ хотят бюрократизировать, из Совета превратить в Комиссариат. Избрали комиссию из Смирнова и Бронского. Президиум ВСНХ отказался принять участие в этой комиссии и в производстве над собой харакири. Совнарком вынес выговор президиуму. Ильич даже заявил, что «стоило бы президиум на недельку посадить под арест на хлеб, на воду, но по слабости нашей ограничимся выговором...» — что на воду и даже в воду можно посадить, это верно, но чтобы на хлеб — это утопия и даже Наркомпрод не позволит такой роскоши.

18 июля, 3 часа ночи

Поздно возвратился из Совнаркома. Во время обсуждения проекта о здравоохранении, во время доклада тов. Семашко вошел Свердлов и сел на свое место на стул позади Ильича. Семашко кончил. Свердлов подошел, наклонился к Ильичу и что-то сказал.

— Товарищи, Свердлов просит слово для сообщения.

— Я должен сказать, — начал Свердлов обычным своим ровным тоном, — получено сообщение, что в Екатеринбурге по постановлению Областного Совета расстрелян Николай; Александра Федоровна и сын в надежных руках. Николай хотел бежать. Чехословаки подступали. Президиум ЦИКа постановил одобрить.

Молчание всех.

— Перейдем теперь к постатейному чтению проекта, — предложил Ильич.

Началось постатейное чтение, затем обсуждался проект по статистике. Кончилось заседание в 2 часа ночи.

6 августа

Англичане в Архангельске. В Совнаркоме обсуждались реализация урожая и увеличение твердых цен. Инициатива Ильича «нейтрализация крестьянина», но ясно, что цены на хлеб надо поднять, так как они действительно отстали от других цен.

Утром мы: я, Ломов, Гуковский, Рыков обсуждали проект финансового соглашения. Окончательная редакция Гуковского и моя. Во время обсуждения твердых цен Ильич сказал:

— Сейчас поворотный пункт революции, мы все должны подчинить интересам гражданской войны. Крестьянин получил землю, и ему нет ни до чего дела. Мы должны смягчить отношения с крестьянством, пойти на компромисс, — и предложил повысить твердую цену в 4 раза. Я предложил установить данную цену на хлеб в 18 руб. пуд, повысить цену на мануфактуру, обувь, кожу и заработную плату чернорабочим до 400 руб в месяц.

31 августа. Пятница, 2 часа ночи

Сегодня были обычные по всему городу митинги. Выступал. Тема: «Две диктатуры — буржуазии и пролетариата»[1]. Приехал часов в 10 вечера. В 11 позвонила из «Метрополя» Федосья Ильинична (Драбкина)!

— Приготовьтесь услышать тяжелую весть: Ленин ранен. Подробностей не знаю!

Немедленно позвонил в Совнарком, подошел Каменев и рассказал следующее:

«Ильич выступал на митинге на заводе Михельсон. После речи его окружили рабочие и стали расспрашивать о твердых ценах. В это время сзади раздался выстрел, стреляли две женщины; две пули попали в шею; артерия не задета, есть 50 процентов на выздоровление. Женщины арестованы, но отказываются от показания!»

Говорил по телефону с Соловьевым, говорит, что вся рабочая Москва поднята на ноги. Оказывается, МК запретил сегодня Ленину выступать, но он все-таки поехал. Сегодня же пришло известие в Москву, что в Петрограде убит Урицкий. По-видимому, начинается полоса террора. Вряд ли террор изменит положение и соотношение сил. Даже смерть Ленина, несмотря на ту колоссальную роль, которую он играет, лишь временно внесет замешательство.

1919 год

5 августа

Был в Совнаркоме. Перед окончанием заседания в час ночи, после утомительных дебатов о советских хозяйствах Ильич прочел только что полученное радио: «С Советской Венгрией кончено. В Будапешт вошли румынские войска!» Предательство соглашателей, свержение коммунистов, дало свои плоды. Воображаю, как смакуют империалисты. Но не рано ли? Этот урок показателен для всего мира. Он послужит толчком для западноевропейского пролетариата. Он послужит наглядным уроком для тех, кто надеется на половинчатые меры. Он послужит уроком для социал-соглашателей, если они только захотят хоть чему-нибудь научиться. Сегодня вечером до заседания говорил с Лениным о положении в Венгрии. Он сказал:

— Да, по-видимому, сразу советская страна не может установиться: керенщина должна быть переходным моментом, — затем добавил: — Какое счастье для нас, что 25 октября меньшевики и эсеры отказались и ушли!

А жаль Советскую Венгрию. Опять мы, как советская республика, одиноки в мире. Надолго ли?..

1920 год

22 апреля. Юбилей Ленина. Ему 50 лет. В [illegible] часов было обычное заседание Совнаркома, на котором, по обыкновению, председательствовал Ленин. Обсуждался вопрос о переселении к нам германцев. Между прочим, Владимир Ильич стал нападать на советские хозяйства, так как в них царит бесхозяйственность, непорядок, ничтожная производительность.

— Необходимо принять строгие меры, — сказал он, — надо сажать управляющих.

Середа стал доказывать, что виновата «власть на местах».

— Вся власть на местах — это был лозунг 2 года тому назад, — заметил Ильич, — теперь это реакционный лозунг.

Между прочим, относительно переселения немецких рабочих в Советскую Россию. Вследствие того, что переговоры с ними крайне затянулись, я получил от Владимира Ильича следующую записку:

«Нельзя терпеть этой неопределенности ни одного дня. Если кто протестует, тотчас в СНК вносите (иначе Вы виноваты будете).

Взята ли с делегатов-немцев расписка, что им нами объявлено, что мы не гарантируем продовольствия, одежды и жилищ лучше остальных рядовых рабочих России.» На это я ответил запиской же Владимиру Ильичу: «Чтобы не было волокиты, надо на Чичерина давление оказать, он мне сказал, что Дзержинский будто бы подал заявление в ЦК. Я могу сегодня же переговорить с Чичериным. Взята ли расписка? С ними заключен договор, и могу текст его завтра Вам доставить».

---

[1] 30 августа 1918 года в Москве состоялись митинги на тему «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)». (Ред.)

Ответ Владимира Ильича: «С Чичериным обязательно переговорите. Надо вам проверить, взята ли расписка, (взять обязательно и вставить все ее содержание в договор)».

В заключение я приведу текст письма тов. Ленина ко мне, относящегося к 1-му февраля 1920 года:

Тов. Милютину (в виду болезни тов. Рыкова). Кремль. Москва. 1 февраля 1920 года.

Положение с железнодорожным транспортом совсем катастрофично. Хлеб перестал подвозиться. Чтобы спастись, нужны меры действительно экстренные. На два месяца (февраль-март) такого рода меры надо провести (и соответственные еще другие меры подобного рода изыскать):

1. Наличный хлебный паек уменьшить для неработающих по транспорту; увеличить для работающих.

Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена.

II. Три четверти ответственных работников из всех ведомств, кроме Комиссариата продовольствия и Военного, взять на два эти месяца на железнодорожный транспорт и ремонт. Соответственно закрыть (или в 10 раз уменьшить) на два месяца работу других комиссариатов.

III. В 30-50-верстной полосе по обе стороны железнодорожных линий ввести военное положение для трудовой мобилизации на чистку путей и в волости этого района перевести три четверти ответственных работников из вол- и у-исполкомов всей соответствующей губернии.

Председатель Совета Обороны. В. Ульянов (Ленин).

К этому письму вряд ли нужны хоть какие-либо комментарии. В них весь Владимир Ильич с его решительностью, энергией, напором по решению трудной задачи.

ЛЕВ ТРОЦКИЙ

ЯДРО ВОПРОСА *

В чем было разногласие с Лениным?

В противовес отдельно выдернутым и ложно истолкованным цитатам, мы дали выше более или менее связанную, хотя далеко не полную картину действительного развития взглядов на характер и тенденции нашей революции. На этом важнейшем вопросе налипало, как всегда бывает во фракционной, особенно эмигрантской борьбе, много случайного, второстепенного и ненужного, что, однако, сподвигало и заслоняло важное и основное. Все это неизбежно в борьбе. Но теперь, когда борьба давно отошла в прошлое, можно и должно отбросить шелуху, чтобы выделить ядро вопроса.

Никакого принципиального разногласия в оценке основных сил революции не было. Это слишком ясно показали 1905 и особенно 1917 годы. Но разница в политическом подходе была. Сведенная к самому основному, эта разница может быть сформулирована следующим образом. Я доказывал, что победа революции означает диктатуру пролетариата. Ленин возражал: диктатура пролетариата есть одна из возможностей на одном из следующих этапов революции; мы же еще должны пройти через демократический этап, в котором пролетариат может быть у власти только в коалиции с мелкой буржуазией. Я на это отвечал, что наши очередные задачи имеют буржуазно-демократический характер, бесспорно, что на пути их разрешения могут быть разные этапы с той или другой переходной властью, не отрицаю, но эти переходные формы могут иметь только эпизодический характер; даже и для разрешения демократических задач необходима будет диктатура пролетариата; отнюдь не покушаясь перепрыгивать через демократическую стадию и вообще через естественные этапы классовой борьбы, мы должны сразу брать основную установку на завоевание власти пролетарским авангардом. Ленин отвечал: от этого мы ни в каком случае не зарекаемся; посмотрим, в каком виде сложится положение и прочее. Сейчас же нам надо выдвинуть три кита и на этих трех китах обосновать революционную коалицию пролетариата с крестьянством.

Нужны либо крайняя ограниченность, либо крайняя недобросовестность, чтобы теперь — после того, как Октябрьская революция уже совершилась, изображать эти две точки зрения как непримирение. Октябрь 1917 года их очень хорошо примирил. Выдвигание Лениным, всемерное подчеркивание и полемическое заострение демократической стадии революции и программы трех китов — было политически и тактически безусловно правильно и необходимо. И когда я говорил о неполноте и пробелах в так называемой теории перманентной революции, я имел в виду именно тот факт, что я лишь принимал демократическую стадию как нечто само собою разумеющееся — принимал не только на словах, но и на деле, что достаточно доказано опытом 1905 года. Но теоретически далеко не всегда сохранял в своей перспективе ясную, отчетливую, всесторонне разработанную перспективу возможных последовательных этапов революции и мог отдельными заявлениями, статьями — в то время, когда эти статьи писались — вызывать такое представление, будто я «игнорирую» объективные демократические задачи и стихийно-демократические силы революции, тогда как на самом деле я считал их само собою разумеющимися и исходил из них как из данных, что доказывается полностью другими моими работами, писавшимися под другим углом зрения и для других целей.

Известная односторонность тех или других статей, написанных по этому вопросу, на протяжении дюжины годов (1905—1917) была тем самым «перегибанием палки», пользуясь выражением Ленина, которое совершенно неизбежно в больших вопросах идейной борьбы. Этим и объясняются те или другие полемические отклики Ленина, вызванные той или другой формулировкой в отдельной моей статье, но ни в каком случае не отвечающие ни моей общей оценке революции, ни характеру моего участия в ней.

Один из моих критиков однажды весьма популярно внушал мне мысль, что не нужно все полемические отзывы Ленина брать за чистую монету, а нужно вносить в них некую немаловажную политико-педагогическую поправку. У критика моего выходило, что Ленин делает из мухи слона.

В этих словах есть доля истины, которую знает всякий, кто знает Ленина по его писаниям. Но выражена здесь мысль с исключительной психологической грубостью: «Ленин делал из мухи слона». Тот же автор в другом месте выражается так: «Эту мысль Ленин защищал «с пеной у рта»». И пена у рта, и превращение мухи в слона ни в каком случае не вяжутся с образом Ленина. Но зато оба эти выражения как нельзя лучше вяжутся с образом автора, их породившего. Давно сказано: стиль — это человек...

Верно во всяком случае то, что поскольку я не входил во фракцию, а позже в партию большевиков, Ленин отнюдь не склонен был искать случаев для выражения согласия с теми или другими выраженными мною взглядами. И если ему это приходилось делать по важнейшим вопросам, как показано выше, значит, солидарность была налицо и требовала признания. Наоборот, в тех случаях, когда Ленин полемизировал против меня, он вовсе не искал «справедливой оценки» моих взглядов, а преследовал ударные задачи минуты чаще даже не по отношению ко мне, а по отношению к той или другой группе большевиков, которой нужно было в этом самом вопросе дать острастку.

Но как бы ни обстояло дело насчет старой полемики Ленина против меня по вопросам о характере революции, как бы ни обстояло дело с вопросом о том, правильно ли я понимал Ленина в этом вопросе раньше и даже правильно ли я его понимаю теперь, допустим даже на минуту, что разумению моему не доступно то,

---

* Заголовок дан редакцией.

что вполне является умопостигаемым для Мартынова, Слепкова, Рафеса, Степанова-Скворцова, Куусинена и всех прочих Лядовых, без различия пола и возраста, — остается все же налицо один совсем маленький, но весьма забористый вопросец: как же это так случилось, что те, которые в основном вопросе о характере русской революции не расходились с Лениным, разделяя его точку зрения полностью и прочее и прочее, заняли, одни, — поскольку были предоставлены самим себе, а другие, и после возвращения Ленина в Россию, столь позорно оппортунистическую позицию в том самом вопросе, вокруг которого идейная жизнь партии вращалась в течение предшествовавших 12 лет.

На этот вопрос надо ответить, что я не перепрыгивал через аграрно-демократическую стадию революции, это доказано незыблемыми историческими фактами и всем предшествовавшим изложением. Но почему же мои ожесточенно беспощадные критики на самом важном месте... недопрыгнули? Неужели только потому, что никому не дано прыгать выше собственных ушей? Такое объяснение в отдельном случае вполне законно, но мы не имеем в данном случае дело с целым слоем партии, воспитавшимся на определенной установке, начиная с 1905 года. Нельзя ли в смягчение политической вины... привести то объяснение, что Ленин, считая само собою разумеющейся возможность перерастания буржуазной революции в социалистическую, в полемике слишком отодвигал этот исторический вариант, недостаточно останавливался на нем, недостаточно разъяснял... не только теоретическую возможность, но и глубокую политическую вероятность того, что пролетариат в России окажется у власти раньше, чем в передовых капиталистических странах.

Если бы пломбированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и, главное, со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то Октябрьской революции — не вообще, как у нас любят калякать, а той революции, которая произошла 25 октября старого стиля — не было бы на свете. Как неопровержимо свидетельствует Мартовское совещание (протоколы которого не опубликованы по сей день), авторитетная, руководящая группа большевиков, вернее сказать, целый слои партии, вместо неистово-наступательной политики Ленина, навязала бы партии политику постольку, поскольку... политику разделения труда с Временным Правительством, политику неотпугивания буржуазии, политику полупризнания империалистической войны, прикрытой пацифистскими манифестами народов всего мира.

И если Ленин, выдвинувший свои тезисы 4 апреля, натолкнулся ни больше ни меньше, как на обвинение в троцкизме, то что произошло бы, спрашиваю я, если бы на великую пагубу русской революции Ленин оказался бы отрезанным от России или погиб бы в пути и курс на вооруженное восстание и диктатуру пролетариата был бы провозглашен кем-либо другим? Что тогда произошло бы?

После всего, что мы пережили за последние годы, это совсем не трудно себе представить. Инициаторы пересмотра установки лозунга, то есть проповедники курса на захват власти, стали бы предметом бешеной травли как ультралевые, как троцкисты, как нарушители традиции большевизма и — чего доброго — как контрреволюционеры. Все Лядовы ныряли бы в этой полемике и травле, как рыба в воде. Конечно, пролетариат снизу могущественно бы напирал и прорывал бы демократический фронт, но лишенный объединенного, дальнозоркого и смелого руководства, он месяцем раньше или позже натолкнулся бы на победоносный корниловский, чанкайшистский переворот. После этого была бы написана семимильная резолюция о том, что все свершилось в строгом соответствии с законами Маркса, ибо буржуазии свойственно предавать пролетариат, а бонапартистским генералам свойственно в интересах буржуазии производить государственные перевороты. Кроме того, «мы это заранее предвидели».

Попытка указать самодовольным филистерам, что предвидение их не стоит выеденного яйца, ибо задача состояла не в том, чтобы предвидеть победу буржуазии а в том, чтобы обеспечить победу пролетариата, эта попытка вызвала бы дополнительную резолюцию о том, что все произошло на основании соотношения сил, что пролетариат отсталой России, да еще в обстановке империалистической бойни не мог перепрыгивать через исторические стадии развития и что выдвигать такую программу могут только сторонники перманентной революции, против которой Ленин боролся до последних дней своей жизни.

Вот как пишется нынче история. И делается она так же плохо, как и пишется.

Между этими двумя постановками есть различие, но нет ничего похожего на противоречие. Различие подхода вело иногда к полемике, всегда лишь случайной, эпизодической. Ленинская позиция означала выдвигание на первый план политически действенных моментов. Моя позиция означала выдвигание, подчеркивание революционно исторических перспектив в целом. Тут было различие подхода, но не было противоречия. Лучше всего это обнаруживалось каждый раз, когда эти две линии пересекались в действии. Так было в 1905 и 1917 годах.

Лето 1927 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

Г. Е. Зиновьев (Апфельбаум, Радомысльский) (1883—1936), член партии с 1901 г. В 1919—1921 гг. кандидат, в 1921—1926 гг. член Политбюро ЦК РКП(б), председатель Исполкома Коминтерна.

В. П. Милютин (1884—1937), в социал-демократическом движении с 1903 г., с 1910 г. — большевик. В 1918—21 гг. — заместитель председателя ВСНХ. Затем работал в наркомате РКИ, ЦСУ СССР, заместителем председателя Госплана.

Л. Д. Троцкий (Бронштейн) (1879—1940), член РСДРП в 1897 г. С сентября 1918 г. Председатель РВС Республики. Был членом Политбюро ЦК РКП(б) и членом Исполкома Коминтерна.

●

КНИГОЧЕЮ НА ЗАМЕТКУ

Ленин В. И. О ГЛАСНОСТИ. — М. Политиздат, 1989. — 351 с. — 50 к. 10 000 экз.

Алексеенко М. А. ФРАЗЕОЛОГИЯ ЛЕНИНСКОЙ РЕЧИ И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА: На материале Полного собр. соч. В. И. Ленина, изд. на рус. и укр. яз. — Львов: Изд-во при Львов. ун-те, 1989. — 206 с. — 2 р. 60 к. 1500 экз.

ЛЕНИНСКИЕ МЕСТА УЛЬЯНОВСКА: Путеводитель Авт.-сост. В. Преснякова. — М.: Сов. Россия, 1989. — 111 с., ил. — 2 р. 10 к. 50 000 экз.

Ленин В. И. ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА И СТАТЬИ. 23 декабря 1922 г. — 2 марта 1923 г. — М.. Политиздат, 1990. — 112 с., ил. — 55 к. 5 000 экз.

Плеханов Г. В. РУССКИЙ РАБОЧИЙ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ: Ст. 1885—1903 гг. / Сост. И. Н. Курбатова, В. А. Уланова. — Л.: Лениздат, 1989. — 253 с. — 50 к. 20 000 экз.

Городецкий Н. Д., Иванов Ю. А. ШУШЕНСКОЕ. — Красноярск: Кн. изд-во, 1989. — 175 с., ил. — (Красноярская Лениниана. 1897 — 1900). — 65 к. 10 000 экз.

Ленин В. И. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ: В 10 т. — Минск: Беларусь, 1990. Т. 7. XX, 617 с. 1 р. 30 к. 7600 экз. — На бел. яз.

Ленин В. И. ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА НАШИХ ДНЕЙ. — М.: Политиздат, 1990. — 48 с. — 5 к. 100 000 экз.

В. И. ЛЕНИН И ОРЛОВСКИЙ КРАЙ: Хроника событий. 1894—1924 / Сост. В. М. Старых, Л. Б. Собко. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. — 136 с. — 35 к. 4000 экз.

Черняк А. В. УЧИТЬСЯ У ЛЕНИНА ДЕЛОВИТОСТИ, ПРИНЦИПИАЛЬНОСТИ, ГУМАНИЗМУ. — М.. Политиздат, 1990. — 335 с. — 85 к. 50 000 экз.

ВРЕМЯ

Идеи. Диалоги. Поиски.

Гарвардская речь Александра Солженицына на стр. 24.

Какой он, читатель наших дней? Вот вопрос вопросов для советского книгоиздания, потому что ясно — намного быстрее станут развиваться демократия и духовная культура Отечества, если читательские потребности и вкусы каждого из нас будут реально учитываться при формировании издательских планов.

С этого номера «Слово» начинает регулярную публикацию данных социологических исследований, посвященных книге и чтению. Думаем, что они будут полезны не только тем, кто непосредственно занимается перестройкой отечественного книгоиздания, но и читателям журнала, чтобы взглянуть на свои духовные интересы как бы со стороны.

ЧТО ЧИТАЕМ, ГДЕ ЧИТАЕМ

книга и перестройка. мнение социолога

Общественное сознание давно обеспокоено проблемами отечественного книгоиздания и книгораспространения. Однако в этой области есть сфера, которая вниманием в общем-то обделена. Речь идет о таком важнейшем для полноценного существования культуры институте, каковым является массовая библиотека. Но в последнее время все чаще звучат голоса тревоги по поводу ее низкой материальной обеспеченности, убогого состояния фондов, примитивности технологии. Однако, пожалуй, важнейшим последствием проявляющегося здесь кризиса является истощение социального и культурного читательского слоя. К сожалению, потери массовыми библиотеками прежде всего квалифицированных читателей стали закономерными.

Кто же остался в библиотеке, за какими книгами продолжают приходить сюда люди?

В прошлом году социологи Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина провели в шести регионах Российской Федерации серию исследований, чтобы выявить состав и особенности аудитории библиотек массовых, причины возникновения читательских интересов и предпочтений.

Кто же они, эти посетители? Среди них 24 процента — представители инженерно-технической и гуманитарной интеллигенции, другие специалисты, а также руководители, 21 процент — учащиеся и студенты, 19 — рабочие, 16 процентов — это служащие, работники торговли и сферы обслуживания, 12 — домохозяйки и пенсионеры.

Уровень образования читателей библиотек довольно высок: 24 процента имеют среднее образование, 23 — среднее специальное, почти столько же — высшее или незаконченное высшее. Лишь 10 процентов имеют начальное образование, либо окончили 5—8 классов.

Казалось бы, лучшего и желать нельзя — самые разные, преимущественно хорошо подготовленные люди. Но разве, с другой стороны, не ясно, что ни уровень образования, ни социальное положение читателей сами по себе еще ничего не говорят об их причастности к миру книжной культуры. В наше своеобразное время, когда литературно-художественные журналы переместились в центр читательских интересов (чему свидетельство их небывалые тиражи), когда книгособирательство охватило чуть ли не всю страну, индикатором этой причастности стали, в частности, сведения о домашних библиотеках, об индивидуальной подписке на журнальную периодику.

Вот итоги этой части нашего исследования. Владельцами крупных домашних собраний (свыше 500 томов) являются лишь 8 процентов посетителей массовых библиотек. Четвертая их часть имеют средние по величине собрания (101—500 книг). Большинство же составляют те, кто располагает не более чем ста книгами, которые к тому же являют собой случайный набор. Не так уж мало почти 12 процентов опрошенных вообще не имеют в доме книг (преимущественно это люди с низким материальным достатком — пенсионеры и студенты).

Характерная для читателей массовых библиотек черта — они предпочитают подписываться на «тонкие» и научно-популярные журналы, среди которых отдается предпочтение «Работнице» (на нее подписаны 42 процента опрошенных) и «Крестьянке» (41 процент). А вот интерес к центральным «толстым» литературно-художественным журналам выражен крайне слабо: только 7 процентов опрошенных были в прошлом году подписаны на «Новый мир», почти столько же — на «Знамя» и «Молодую гвардию», 6 процентов на «Дружбу народов», 4 на «Москву», по 3 процента на «Иностранную литературу» и «Наш современник». Лишь журнал «Юность» составляет исключение — на него были подписаны 19 процентов опрошенных (в основном, это молодежь).

Приведенные данные свидетельствуют о невысоком уровне книжной и литературной культуры читателей массовых библиотек. Достаточный уровень образования здесь еще ни о чем не говорит, гораздо более весомы для нас сведения о наличии у таких людей домашних библиотек и выраженном в индивидуальной подписке интересе к «толстым» литературно-художественным журналам.

Зачем же они идут в библиотеку? Чаще всего, чтобы удовлетворить свой тематический читательский спрос на историческую литературу, детективы, фантастику, приключения, книги о Великой Отечественной

войне, «о любви», «про милицию», «о деревне». Далее следуют менее конкретные формулировки: «что-нибудь интересное», «жизненное», «художественную литературу»...

На первый взгляд, здесь произошли изменения по сравнению с недавним прошлым. В первой половине 80-х годов безусловным лидером в иерархии тематических запросов шел советский эпический роман, затем книги о войне, приключения и так далее. Казалось бы, сейчас надо бы ожидать поворота читательских интересов к социально-экономической, политической проблематике или, иными словами, к достаточно широкой политизации сознания. И вроде бы так и происходит, ибо интерес к исторической литературе в ее широком понятии продолжает занимать высокое место в структуре тематического спроса. Но приглядимся повнимательнее — под исторической литературой читатели подразумевают прежде всего беллетристику на исторические сюжеты, схожие с детективом и приключениями.

Устойчивый спрос на книги такой тематики, носящие в общем-то развлекательный характер, говорит о глубоких социальных предпосылках подобного выбора. Детективы, приключения, фантастика, историческая беллетристика, книги «о любви», о путешествиях и путешественниках служат, особенно в нынешнее сложное время, средством психологической разрядки, снятия нервного напряжения. И вовсе не читательским инфантилизмом, а социальными условиями, тяжело сказывающейся на реалиях бытия экономической ситуацией, порождающими психологические перегрузки, объясняется продолжающийся рост интереса к подобной литературе.

К сожалению, удовлетворяются эти насущные запросы массовыми библиотеками крайне слабо — если на 35—40 процентов, то это еще считается хорошим показателем. Лишь книг о Великой Отечественной войне, кажется, хватает почти всем. Но что особенно прискорбно — читатели, буквально воспитанные дефицитом, вообще перестают спрашивать необходимые им книги, заранее предполагая (и часто не без оснований), что их на библиотечных полках нет. Поэтому несостоятельны доводы тех, кто утверждает, будто нашего читателя «закормили» детективами, тем более из библиотечных фондов...

А как обстоит дело с конкретными авторами? Читательский интерес к наиболее острой и актуальной тематике выражается и в спросе на конкретные произведения. И все же кто из писателей числится в лидерах у посетителей библиотек? В прошлом году этот список выглядел так:

1. А. Рыбаков. 2. В. Пикуль. 3. Ч. Айтматов. 4. А. Приставкин. 5. А. Дюма. 6. М. Булгаков. 7. В. Кунин. 8. Б. Можаев. 9. А. Черкасов. 10. Ж. Санд. 11. В. Дудинцев. 12. Ю. Семенов. 13. Б. Пастернак. 14. В. Гроссман. 15. Т. Драйзер. 16. А. Адамов. 17. М. Алексеев. 18—22. А. Бек, И. Ефремов, А. Иванов, В. Лазутин, В. Шукшин. 23—27. В. Быков, Д. Гранин, А. Кристи, В. Распутин. 28—32. А. Жигулин, У. Коллинз, В. Козлов, М. Пьюзо, А. Платонов. 33—37. Ю. Домбровский. Е. Замятин, Э.-М. Ремарк, А. Солженицын, Е. Федоров. 38—46. Ю. Бондарев. Ш. Бронте, М. Влади, Э. Золя, К. Маккалоу, В. Набоков, И. Шамякин. К. Симонов.

Как видно, в лидерах конкретного спроса оказалось немало авторов, чьи произведения стали известны широкому читателю только в последнее время и пришли к нему прежде всего со страниц «толстых» литературно-художественных журналов. Закономерно, что в этой связи журнальный бум не обошел стороной и массовые библиотеки.

И снова обратимся к приведенному выше списку. В нем отражены некоторые любопытные тенденции: возврат в сферу читательских интересов былых писательских приоритетов, хотя еще два года назад казалось, что они выпали из литературной жизни. Речь идет о произведениях М. Алексеева, А. Иванова, Е. Федорова, А. Черкасова. Не вдаваясь в подробности, попытаемся объяснить этот факт. Уже говорилось, что абоненты массовой библиотеки настойчиво ищут книги для отдыха и психологической разрядки. Поэтому-то и возвращаются к читателям, как бы дочитываются дефицитные в недавнем прошлом произведения. Сегодня, в условиях некоего выбора они стали более доступными. Показательно, что этот процесс развивается в ситуации, когда художественных произведений новой тематики, рассчитанных на массового читателя, почти нет, они единичны, поэтому не случайно занимают самые высокие места в списках лидеров спроса. Несмотря на усилия «толстых» журналов, достаточного числа таких произведений еще не создано, да и не в этом их задача. Но та литература, что публикуется сегодня «толстыми» журналами, оказывается «чужой». Кроме того, в большинстве библиотек она является труднодоступной. «Чужой» же является потому, что, как это наблюдается, до сей поры сказывается задавленность читательского сознания идейно-политическими стереотипами предшествующей эпохи. 60 процентов опрошенных посетителей провинциальных библиотек не слышали о романе Е. Замятина «Мы», 55 процентов — о «Колымских рассказах» В. Шаламова, 54 — о «Кроликах и удавах» Ф. Искандера, 49 — о «Чевенгуре» А. Платонова и столько же — о «Факультете ненужных вещей» Ю. Домбровского. В результате запросы читателей часто состоят из несовместимых литературных образцов, которые с точки зрения нынешнего литературного процесса выглядят анахронизмом.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что наиболее квалифицированные читатели массовых библиотек не посещают, имея свои каналы получения нужной литературы. Массовые библиотеки стали обслуживать ныне лишь тех, кто находится на начальной стадии книжной, литературной социализации, только приобщается к книжной культуре видя, как уже говорилось, в книге и чтении средство снятия психологического напряжения.

Итак, опрошенные нами читатели имеют главным образом очень небольшие домашние собрания, практически не подписываются на литературно-художественные журналы, отличаются невысоким уровнем читательской культуры. Среди них немало тех, чей приход в библиотеку вызван журнальным бумом, стремлением поскорее заполучить произведение, о котором «много говорят». Но попавшие сюда на волне моды чаще всего не закрепляются в качестве постоянных читателей, поскольку библиотека не может тотчас удовлетворить их сиюминутных потребностей, как, впрочем, и других, более органичных.

Такая ситуация беспокоит за общее состояние отечественной культуры. Ведь не следует забывать, что почти треть библиотечной аудитории — представители малообеспеченных слоев населения. Ясно, что библиотека привлекает их прежде всего как бесплатный канал получения книг и журналов. Одни просто не имеют возможности их покупать, другие не считают нужным этого делать. Но кризис массовой библиотеки даже не в том, что она обслуживает главным образом таких читателей, а в том, что обслуживает только их, да и то крайне плохо удовлетворяя запросы.

Безусловно, радикальные изменения в области библиотечного дела, возвращение его высокого культурного статуса возможны лишь при условии коренных изменений в области книгоиздания. Но одновременно должен быть пересмотрен взгляд на всю нашу библиотечную идеологию. Массовая библиотека в ее нынешнем виде — рассчитанная на некоего среднестатистического читателя с надуманной структурой запросов, — себя изживает. Библиотека для всех и для каждого неизбежно превращается в библиотеку ни для кого.

Я. РОСТИСЛАВЦЕВ

С. М. ГАЛКИН,
член коллегии,
начальник Главснабсбыта
Госкомпечати СССР

ХЛЕБ КУЛЬТУРЫ

Фото ВИКТОРА ЛАРИНА

ГАЛКИН Семен Михайлович закончил Тульский механический институт, кандидат экономических наук, доцент, заслуженный работник культуры РСФСР. Работал на оружейном заводе, преподавал в вузе, являлся генеральным директором объединения «Росполиграфтехника». Автор ряда изобретений в области полиграфического машиностроения и нескольких книг по вопросам экономики полиграфического производства.

книга и перестройка
мнение специалиста

Бумага, бумага, бумага... Рабочий день чуть ли не каждого из руководителей целлюлозно-бумажных комбинатов, отраслевого министерства, «профильных» отделов Госплана и Госснаба СССР, не говоря уже о тех, кто возглавляет крупнейшие издательства («Правда», «Известия», Политиздат, «Молодая гвардия», «Художественная литература», «Наука» и другие), начинается с извечного и мучительного вопроса: где добыть в достаточном количестве этот бесценный хлеб культуры?

Сегодня положение осложняется тем, что за последнее время бумага стала этим же хлебом, да еще с маслом, для множества больших и малых кооперативов, всевозможных совместных предприятий, неформальных организаций, а то и просто «инициативных» одиночек.

Хорошо известно, что в нашей стране с ресурсами бумаги для печати всегда было непросто. Еще более шестидесяти лет назад крупный советский ученый академик М. Н. Покровский писал: «Принимая во внимание количество подходящих для выработки бумаги лесов — ель, пихта, осина, и богатство северной полосы России водной двигательной силой, нельзя не признать, что Россия при правильном лесном хозяйстве могла бы снабжать своей бумагой весь мир». Реальное же положение таково, что мы уже много лет ходим, среди развитых стран, чуть ли не в хвосте...

В 1910 году из 472 миллионов пудов произведенной в мире бумаги на долю России (без Финляндии) приходилось всего 16 миллионов пудов. США выпустили тогда 240 миллионов, Германия — 93 миллиона пудов. В 1987 году в СССР выделано бумаги около 8,6 миллиона тонн, между тем как в США — 32 миллиона тонн, в Канаде — почти 13 миллионов тонн, столько же в Японии. Понятно, что не вся бумага предназначена для издания книг, газет и журналов. В 1910 году 42 процента выработанной в России бумаги падало на оберточную и упаковочную, а в 1985 году наоборот — около 42 процентов предназначалось для издания периодики и книжной продукции.

Как же обстоит дело с бумагой для печати сегодня? Ее производство во все годы планирования «от достигнутого» не покрывало и не покрывает наши довольно скромные по высоким мировым меркам полиграфические мощности. Даже несмотря на то, что появившееся «Положение о государственном предприятии (объединении)» прямо-таки подстегнуло производителей печатной продукции. И такую резвость можно понять — ведь открывшиеся возможности получать значительное пополнение фондов экономического стимулирования и особенно оплаты труда заставило работать «на всю катушку». Это, конечно, хорошо — каждый типографский работник реально ощущает зависимость своего заработка от вложенного труда. Но для обеспечения загруженности типографий приходится всем крупным издательствам прибегать к использованию переходных запасов бумаги, то есть резервов, призванных поддерживать стабильность в материально-техническом обеспечении, чтобы частично не пришлось остановить разбушевавшееся производство. При этом каждый раз не оставляла надежда, что к следующему году использованные лимиты потребления бумаги для печати обязательно будут восстановлены...

И вот 1988 год принес прекрасные результаты. В стране было выпущено 2,9 миллиарда экземпляров книг — более запланированного. Но пришел 1989-й, которому предшествовала, как известно, нелимитированная подписка на все газеты и журналы. Ее результаты, что и следовало ожидать, превзошли все прогнозы. Например, общий тираж журналов достиг тогда 4,3 миллиарда экземпляров, то есть уровня, который поручалось (именно поручалось) достичь лишь в нынешнем году.

Легко понять, что возникшая вдруг ситуация привела к еще большему обострению негативных явлений в обеспечении бумагой. К тому же переходные запасы частично были израсходованы. И вот уже в 1989 году пошла потеря полиграфических мощностей — нередко случалось так, что было не на чем печатать книги. Но даже в таких жестких условиях результаты издательского дела за прошедший год могли бы выглядеть лучше.

Напомню, что на Государственный комитет СССР по печати возложены функции проведения единой государственной политики в области выпуска печатной продукции и рационального использования полиграфических мощностей; только через него можно получить издательские права, разрешение на открытие типографии. Кроме того, он располагает научной базой для разработки и внедрения новых технологий и нормативов, в том числе по расходованию бумаги, совместно с Минлеспромом СССР занимается разработкой новых видов бумаги применительно к полиграфическому оборудованию. То есть Госкомпечать СССР располагает необходимыми данными и возможностями, чтобы обоснованно формировать государственный заказ по производству бумаги, рассматривать и в случае необходимости корректировать потребности зарегистрированных издателей в ней — не только определять целесообразность выпуска той или иной печатной продукции, но и знать назначение, сорт, плотность и формат необходимой для этого бумаги. Лишь после сведения воедино всех данных Госплан и должен решать, кто, кому и каким образом покроет названную потребность — отечественные или зарубежные поставщики. Да и как может быть иначе в условиях дефицита на все виды полиграфических материалов и услуг, при отсутствии свободного рынка?

Что же происходит на деле? Госплан сводит воедино лишь общую потребность в бумаге и, исходя из имеющихся ресурсов, не увязанных с контрольными цифрами плана, передает эти сведения Госснабу СССР, даже не сделав равномерной разбивки заданий бумагоделательным предприятиям.

Такой подход привел к тому, что в 1989 году договора с издательствами на первые три квартала предприятия бумажной промышленности заключали неравномерно — в объеме лишь 22—23 процентов от выделенных ресурсов. Казалось бы, и в такой ситуации можно в нужный момент отыскать недостающую бумагу. Ведь используя права, предоставленные «Положением о государственном предприятии (объединений)», бумажники в силах 2—3 процента своей продукции, полученной сверх плана, продавать по договорным ценам. Однако эти надежды оказались преждевременными — излишки стремятся отпустить кооперативу, какому-нибудь совместному предприятию, а то и предприимчивому индивидуалу — тому, кто выпускает дорогостоящую печатную продукцию огромными тиражами и платит за бумагу небывалые цены. А что это за продукция, мы знаем — зачастую безвкусные многомиллионные календари, эротические низкопробные издания. С недоумением смотрит покупатель, например, на «Три детектива» — брошюрку стоимостью 3 рубля 20 копеек, выпущенную тиражом 600 тысяч экземпляров кооперативом «Прометей» при Московском областном педагогическом институте. И таких фактов, к сожалению, становится все больше. Между тем, хорошо известные издательства готовы выпускать гораздо бо́льшими тиражами книги действительно необходимые, пользующиеся огромным спросом, такие как «Справочник по лекарственным растениям» и «Ваш ребенок» («Медицина»), «Из жизни мужчин» («Молодая гвардия»), «Страны мира» (Политиздат), «Если хочешь быть здоров» («Физкультура и спорт»). Но что делать — ресурсы по бумаге на 1989 год были спланированы для государственных издательств на уровне... позапрошлого года. Госснаб пытается как-то вмешаться, добиться, чтобы ресурсы Госплан распределял поквартально, однако, увы. Так мы конкретно и не знаем, сколько, откуда и когда поступит бумаги. Отсюда неравномерность выпуска книг по кварталам, несбалансированность тиражей с читательским спросом.

Другой камень преткновения — переход в условиях жесточайшего дефицита на оптовую торговлю так называемыми оформительскими видами бумаги и переплетным картоном. И вот продолжается постоянная некомплектность ресурсов. Если имеются печатные виды бумаги, то отсутствует, скажем, картон. Решил издатель выпустить книгу в мягкой обложке — нет обложечной бумаги, а если есть она — не найти форзацной...

Нет стабильности и в постоянстве связей издательств с полиграфией. Взять крупные центральные издательства — они работают с 20—30 типографиями, которые из года в год перезакрепляются. Ясно, что такая чехарда вредит работе, — то и дело меняется технология, сроки выпуска книг, да и немаловажно, насколько стабильны, постоянны даже чисто человеческие отношения между издателем и полиграфистом. Простои типографских машин, потери рабочего времени — это тоже следствие ежегодной организационной «утряски». И пока она идет, часть бумаги нередко уплывает на сторону. Об этом, в частности, говорит множество негодующих писем, поступающих в Госкомпечать СССР. Я приведу только два.

«Возмущен публикуемыми сведениями о разбазаривании бумаги, — пишет из Ленинграда доктор исторических наук И. П. Шаскальский. — Руководящие работники разных центральных ведомств уверяют нас (хотя мало кого убеждают), что в нашей стране катастрофическое положение с производством бумаги и отсюда неизбежно сокращение во много раз тиражей наиболее популярных изданий.
Вдруг оказывается, что в московском аэропорту Домодедово драгоценную мелованную бумагу почем зря используют для упаковки багажа».

Второе письмо. «Дорогие товарищи! Есть в центре Москвы такая организация — Центральный совет Роскроликозверовода. Не правда ли, звучит внушительно? Но я не об этом. Ежегодно он заказывает немалое количество всевозможных бланков, которые печатают на дорогостоящей мелованной бумаге. Бланки для протоколов заседаний, бланки-распоряжения, бланки материалов к заседанию Президиума, просто бланки. Неужели для них нужна обязательно плотная лощеная бумага? Так нет, мы Роскроликозверовод, не кто-нибудь! Не подписываюсь, потому что мне здесь работать»

Нельзя не согласиться с возмущением авторов этих и других писем, но ведь ресурсы по бумаге для книгоиздания все равно остались на прежнем уровне. Чтобы разобраться, посмотрим, как и каким путем она выделяется министерствам и ведомствам. Несовершенство распределения бумаги Госснабом очевидно. Мало того, что они получают около 60 тысяч ее тонн ежегодно (а это немного-немало около трети того, что выделяется всем издательствам системы Госкомпечати СССР), она используется либо не по назначению, либо без должной экономии. Даже ее лучшие сорта идут на выпуск ведомственных инструкций, разовой сопроводительной и технической документации. Так не разумнее ли такую бумагу оставить издательствам, а ведомствам выделять остатки от напечатанных тиражей, либо бумагу низких сортов?

И что же Госкомпечать, безмолвствует? Отнюдь. Мы изучили соответствующие материалы Комитета народного контроля СССР, проверили расходование бумаги некоторыми организациями, поинтересовались, как она хранится, как и кому отпускается на сторону Было выявлено немало фактов нецелесообразного, а то и вовсе бесхозяйственного использования бумаги, о чем и были поставлены в известность и Госплан, и Госснаб. Мало того, мы по-прежнему пытаемся добиться, чтобы Госкомпечати передали все функции приема

и рассмотрения заявок на бумагу в целом по стране. Однако наши неоднократные обращения в различные инстанции, в том числе к председателю Совета Министров СССР Н. И. Рыжкову, желаемого результата не дали — ответы были отрицательными. И хотя мотивировки выдвигаются разные, неизменно звучит одна — Госкомпечать рассматривается как обычное ведомство с предприятиями непосредственного подчинения — издательствами, типографиями, книготоргами — без учета **всей** государственной системы издательств и полиграфии.

Между тем мы уверены, что значительная часть печатных видов бумаги уходит из поля зрения тех, кто занимается распределением ресурсов. Видимо, причина здесь кроется в мизерной стоимости бумаги, выделяемой министерствам и ведомствам, по сравнению с другими компонентами их материального обеспечения. В этих организациях даже нет конкретных работников, отвечающих за составление обоснованных расчетов потребности в бумаге. А те, кто все же этим время от времени занимается, не обладают достаточными знаниями, хотя норовят «ошибиться» все же в сторону увеличения, но никак не уменьшения. Куда попадают излишки, предположить не трудно — при возросшем интересе «деловых людей» (часто не связанных напрямую с издательской деятельностью) к бумажным ресурсам, министерства и ведомства продают, нередко по весьма завышенным ценам, в общем-то неправомерно полученную бумагу.

Что и говорить — ситуация для книгоиздания не из легких. К тому же все более рельефно вырисовывается другая проблема. Сегодня количество полученной бумаги измеряется в двух единицах — тоннах и квадратных метрах. Это позволяет бумагоделательным предприятиям варьировать на массе квадратного метра, заменяя более плотные сорта менее плотными, низкокачественными. Такая бумага дает плохие отпечатки, часто рвется, превышая нормы отходов. Но что делать — типографиям приходится мириться — не останавливать же производство. Получается заколдованный круг — недополучая бумагу в тоннах, мы все же укладываемся в метры. Что из этого получается, читатель знает, жалуясь на низкое качество многих книг. Но как быть, если постепенно исчезают предусмотренные стандартом сорта бумаги (а, надо сказать, их должно быть около 200 — газетная, книжно-журнальная, офсетная, репродукционная, словарная и т. д.), рекомендуемые для выпуска того или иного типа издания. Ну чего бы яснее — в первую очередь должны быстро и качественно печататься школьные учебники. Но что происходит в действительности? В целом план их выпуска на 1989—1990 учебный год выполнен вовремя, однако Грузия, Азербайджан, Молдавия, Таджикистан не справились с заданием. И потому, что только за 1988 год издательствам союзных республик было недопоставлено свыше 22 тысяч тонн типографской и офсетной бумаги. Чтобы не простаивало полиграфическое оборудование, издательствам пришлось сократить резервные запасы, потому-то к началу 1989 года и не оказалось в достатке бумаги на учебники.

А что сказать об их внешнем виде — он все больше отстает от мирового уровня. Из-за отсутствия соответствующих сортов бумаги учебники для начальных школ Грузии и Узбекистана даже не переведены на цветную печать. Зачастую эти книги просто-напросто являются полиграфическим браком. Госкомпечать СССР провел целевой просмотр учебников, выпущенных к 1989—1990 учебном году. Он показал, что из-за использования непрофильной бумаги в типографиях Грузии, Узбекистана, Таджикистана продолжается выпуск учебников с некачественной печатью текста и иллюстраций.

Дело дошло до того, что обыденной практикой становится замена поставок печатных видов бумаги оберточной, для множительных аппаратов и тому подобной. Только в 1989 году издательство «Художественная литература» из-за такой замены значительно сократило номинальную стоимость ряда изданий, а, следовательно, понесло весьма ощутимую потерю прибыли — свыше одного миллиона рублей, не говоря уже о резком ухудшении внешнего вида этих книг.

Вообще, надо сказать, что качество выпускаемой в стране бумаги вызывает все большие нарекания. Особенно много претензий к Камскому, Слонимскому, Вишерскому, Жидачевскому целлюлозно-бумажным комбинатам, Неманскому целлюлозно-бумажному заводу, фабрикам «Маяк революции» и «Каменогорская». А ведь удельный вес продукции названных предприятий в общем объеме выпуска бумаги в стране превышает 40 процентов.

Каково же положение с обеспечением бумагой на 1990 год?

Есть основания считать, что полиграфию будет продолжать лихорадить. До сегодняшнего дня не решена проблема полного обеспечения бумагой и другими материалами выпуска книжно-журнальной и изобразительной продукции в объеме установленных контрольных цифр, хотя книги, журналы, альбомы, открытки по существу являются товарами народного потребления и обеспечить их производство необходимо полностью. Увы, этого не происходит. Госплан выделил ресурсы всем предприятиям и организациям, имеющим право издательской деятельности, примерно на уровне 80 процентов. В то же время столько же, а то и больше получили некоторые издательства, не имеющие госзаказа, другими словами, перечень литературы которых не соответствует госзаказу, установленному Госпланом.

В издательствах системы Госкомпечати положение на нынешний год сложилось следующим образом. Госзаказ для них в среднем равняется 60—65 процентам. Только ряд издательств, такие как «Педагогика», «Высшая школа», «Советская энциклопедия», обеспечиваются бумагой почти на уровне потребности. Но для многих издательств она удовлетворяется лишь на 57—60, а то и всего на 10 процентов. Выделенной мелованной бумаги хватит лишь на выполнение госзаказа. Это означает, что часть издательств — «Аврору», «Планету», «Изобразительное искусство» можно чуть ли не закрыть...

К сожалению, Госснаб никак не откликается на наш призыв — закрепить за конкретными поставщиками определенное количество столь нужной полиграфии офсетной бумаги. В свою очередь, Госплан до сих пор не хочет решить вопрос о выделении системе Госкомпечати хотя бы 20 процентов производимой в стране бумажной продукции. Но выделение ресурсов это еще не сама бумага, тем более, что предприятия лесной и целлюлозно-бумажной промышленности под разными предлогами уклоняются от заключения договоров на поставку своей продукции.

Некоторые говорят, что мы расплачиваемся за гласность неконтролируемым ростом тиражей газет и журналов, которые поглощают львиную долю бумаги. С этим утверждением трудно согласиться. По-прежнему слишком много принимается волевых решений частного, а не общенародного характера. Это касается и использования бумаги. Выскажу и, быть может, крамольную мысль — вся гласность может излагаться в более емкой форме.

И все же главная проблема в налаживании целесообразного, соответствующего задачам перестройки, государственного распределения бумаги. Должны быть незамедлительно приняты меры против хищнического, воровского ее потребления.

●

«ТОЛЬКО ЕЕ БОЛЬ Я СЛЫШУ...»

И опять произведения Александра Солженицына ходят в «самиздате». На этот раз — его яростная, страстная, предельно искренняя публицистика. Чересчур ретивым оберегателям авторитета Солженицына не хочется видеть в российской печати ни «Наших плюралистов» — блестящую отповедь «роняющим на ходу партбилеты», обвиняющим во всем Россию деятелям «так называемой третьей эмиграции», ни «Колеблемый треножник», гневный ответ на публикацию на Западе «Прогулок с Пушкиным» А. Терца, ни многое другое...

Формируется облик стоящего где-то высоко над жгучими современными социальными проблемами, обращенного лишь в прошлое, в сталинизм и революцию, одинокого художника.

Да так ли это? Разве не прозвучало в письме к Рейгану четко выраженное отношение к Родине? «Я вовсе не «националист» — я патриот. Сие означает, что я люблю свою Родину и поэтому хорошо понимаю любовь других людей к их родине».

Разве не говорил он на Секретариате Союза Писателей СССР: «Под моими подошвами всю мою жизнь — земля Отечества, т о л ь к о е е б о л ь я с л ы ш у, т о л ь к о о н е й п и ш у»? (Разрядка моя. — В. Б.)

Разве не прозвучало также определенно неприятие раздуваемой уже давно и у нас и на Западе русофобии: «Синявский в своей статье буквально написал следующее: «Россия-сука, ты еще ответишь и за это!» В данном случае речь идет о еврейской эмиграции в наше время. Но это частный пример. А все выражение — сын говорит матери: «Россия-сука, ты еще ответишь и за это!» И за это, значит, и еще за многое другое ты ответишь! Даже во всей истории русского самооплевывания такого выражения я не помню».

Конечно, дело писателя решать, когда и где печатать свои произведения, но я убежден, сегодня гражданская публицистика Александра Солженицына необходима нашему обществу, как воздух. Он предвидел в своих статьях еще десять, а то и больше лет назад те проблемы, с которыми мы сталкиваемся лишь в наше время. Надо ли нам, читавшим эту публицистику, молчать о ней?

Конечно, сильным мира сего — любых направлений, могущественным группировкам — выгоднее «урезать» талантливого художника, им хочется обезопаситься от духовного, нравственного, социального и даже политического влияния творцов, живущих болью своей родной земли.

Как бы легче жилось Льву Толстому без его обличений власть имущих, Федору Достоевскому без его «Дневника писателя», о котором мы и сегодня стараемся умалчивать, ибо «не о том писал» великий мастер, что было бы угодно прошлым и нынешним либералам... И почему это все без исключения великие русские писатели, включая и Чехова, и Бунина, и Булгакова, — не числили себя в либералах, и то и жестко отзывались о них? Думаю, очень важно для понимания гражданской позиции большого русского художника Александра Солженицына его собственное высказывание о творческих и духовных связях со своими современниками. Пусть читатель простит длинную цитату, но она яснее любого комментария определяет взгляды писателя, как гражданина и патриота: «В этой книге много было написано о Твардовском, как он пробивал мне дорогу и как я двигался самовольно — р я д о м с н и м, (здесь и далее разрядка автора цитаты), но нельзя сказать, чтобы в м е с т е. И о Сахарове: только так и виделось издали, что в м е с т е мы. Но — ни одного замысла у нас не составилось совместного никогда и даже ни одного заявления мы никогда не подписали вместе... А с Игорем Шафаревичем мы действительно были в м е с т е, плечо о плечо.. Соединяли нас не прошлые воспоминания (их не было) и даже не нынешнее стояние против Дракона — нет, более прочная связь: соединяли нас общие взгляды на б у д у щ е е русское... Среди нынешних советских интеллигентов я почти не встречал равных ему по своей готовности лучше умереть на родине и за неё, чем спастись на Западе». И далее пишет Солженицын о свежести ума И. Шафаревича — «с той свободой и насмешкой, какая недоступна сегодня загипнотизированному с л е в а западному миру».

Не о такой же свежести ума А. Солженицына заговорим и мы, прочитав публикуемые ниже замечания писателя о сущности американского общества? Такой же «загипнотизированный» американец взирал на русского писателя, переехавшего в США, как на несчастного мученика, наконец-то обретшего землю обетованную, спасшегося из страшноватой России. Тем более, и в диссидентской печати, изредка доходящей в переводах до простого американца, привык он читать в основном проклятья в адрес бывшей родины и восхваления в адрес западной демократии и американского образа жизни. Оценим же по-настоящему гражданское мужество А. Солженицына, его умение — говорить правду всегда и везде. Гарвардская речь Солженицына, прочитанная им в 1978 году в самом престижном американском вузе, мне кажется явилась переломной в его жизни. Дело отнюдь не в том, что нам приятно читать критику Америки, дай Бог, в своих проблемах разобраться. Но — думая о будущем нашей многострадальной страны, никак не обойти блестящий анализ духовной жизни Америки, данный А. Солженицыным в Гарвардской речи. Ибо — не злоба в ней, не скептическое неприятие чуждого русскому взгляду общества, а — все те же мысли о родной земле. Писатель как бы примеривает, что было бы, пойди в будущем Россия по американскому пути, какие препоны, какие огромные духовные потери ее ожидают. И — уважение к американскому народу, и — пожелания преодолеть кризисные состояния в духовной жизни.

Парадоксально, но восприятие Гарвардской речи было по-своему схоже с восприятием творчества Солженицына на родине. Власть имущие Америки отвергли все доводы столь глубокого исследования, пресса начала дружную кампанию против русского писателя, обвиняя его в национализме, антисемитизме, монархизме. Даже набор ярлыков оказался схожим. В то же время, уже сейчас вспоминает Солженицын, он получил массу писем от простых людей Америки, обеспокоенных нравственным состоянием общества и поддержавших его. Мнение этих простых людей редко доходит до всемогущей прессы. Печально, но писатель сам убедился в правоте высказанного в Гарварде положения: «Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирчивый отбор мыслей модных от мыслей немодных — и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реального пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр».

Александр Солженицын становится немодным везде, где боятся правды, где лукаво обходят истину. Его публицистика обжигает и отечественных «образованцев», мнящих себя интеллигентами, и ортодоксальных чиновников любого строя, и вечных перестройщиков, готовых встать под любые знамена, лишь бы быть в выигрыше.

Два тома занимает публицистика Солженицына в его собрании сочинений, лишь крупицы ее опубликованы к этому времени в России. Надеюсь, когда к лету завершится публикация почти всех художественных произведений писателя, придет время и его светоносным, пророческим статьям, но — как бы не опоздать, как бы не обнаружить, что все печальные предостережения мудрого писателя уже сбылись, и мы вместо своевременнейших предупреждений получим лишь факт литературной истории, лишь интересующую литературоведов публицистическую страницу из творчества писателя.

Ох как нужен он сам сегодня нам здесь, на Родине. Как хотелось бы ускорить исполнение его собственных пожеланий: «А насчет моего возвращения... Конечно, никто не знает часа своей смерти, и мы не можем рассчитывать даже на год вперед никогда, ни один человек. Но если мне суждено какое-то время еще пожить, у меня — да, вопреки логическим выводам, ...какая-то убежденность, что я еще вернусь туда, не только книги мои вернутся, а живым туда вернусь. Почему-то мне кажется, что я умру у себя на родине». Удивительнее всего, что предвидел он свое возвращение ...в застойном 1984 году.

И рефреном по его публицистике: «Да освобождение России не может прийти никак иначе, как изнутри».

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

Фотопортрет А. Солженицына, сделанный писателем Василем Быковым 27 мая 1967 г. после окончания работы IV съезда СП СССР, к которому Солженицын обратился со своим знаменитым письмом.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН
Речь в Гарварде на ассамблее выпускников университета 8 июня 1978

САМОЕ ДРАГОЦЕННОЕ

Я рад возможности приветствовать 327-й выпуск старейшего Гарвардского университета и сердечно поздравляю всех выпускников!

Девиз вашего университета — «Veritas». И некоторые из вас уже знают, а другие узнают на протяжении жизни, что Истина мгновенно ускользает, как только ослабится напряженность нашего взора, — и при этом оставляет нас в иллюзии, что мы продолжаем ей следовать. От этого вспыхивают многие разногласия. И еще: истина редко бывает сладкой, а почти всегда горькой. Этой горечи не избежать и в сегодняшней речи, — но я приношу ее не как противник, но как друг.

Три года назад в Соединенных Штатах мне тоже пришлось говорить такое, от чего отталкивались, не хотели принять, — а сейчас согласились многие.

Раскол сегодняшнего мира доступен даже поспешному взгляду. Любой наш современник легко различает две мировые силы, каждая из которых уже способна нацело уничтожить другую. Но понимание раскола часто и ограничивается этим политическим представлением: иллюзией, что опасность может быть устранена удачными дипломатическими переговорами или равновесием вооруженных сил. На самом деле мир расколот и глубже, и отчужденней, и бóльшим числом трещин, чем это видно первому взгляду, — и этот многообразный глубокий раскол грозит всем нам разнообразной же гибелью. По той древней истине, что не может стоять царство — вот, наша Земля, — разделившееся в себе.

* * *

Есть понятие «третий мир» и, значит, уже три мира. Но их несомненно больше, мы не доглядываем издали. Всякая древняя устоявшаяся самостоятельная культура, да еще широкая по земной поверхности, уже составляет самостоятельный мир, полный загадок и неожиданностей для западного мышления. Таковы по меньшему счету Китай, Индия, Мусульманский мир и Африка, если два последних можно с приближением рассматривать собранно. Такова была тысячу лет Россия, — хотя западное мышление с систематической ошибкой отказывало ей в самостоятельности и потому никогда не понимало, как не понимает и сегодня в ее коммунистическом плену. И если Япония в последние десятилетия все более стала «дальним Западом», все тесней примкнула к Западу (судить не берусь), то, например, Израиль я бы не отнес к западному миру хотя бы по тому решающему обстоятельству, что его государственный строй принципиально связан с религией.

Как еще сравнительно недавно маленький новоевропейский мирок легко захватывал колонии во всем мире, не только не предвидя серьезного сопротивления, но обычно презирая какие-либо возможные ценности в мироощущении тех народов! Успех казался ошеломляющим, не знал географических границ. Западное общество развертывалось как торжество человеческой независимости и могущества. И вдруг в XX веке так ясно обнаружилось, что оно хрупко и обрывчато. И теперь мы видим, каким коротким, шатким оказалось это завоевание (очевидно свидетельствуя и о пороках того западного миросознания, которое на эти завоевания вело). Сейчас соотношение с бывшим колониальным миром обратилось в свою противоположность, и западный мир нередко переходит к крайностям угодливости, — однако трудно прогнозировать, как еще велик будет счет этих бывших колониальных стран к Западу, и хватит ли ему откупиться, отдав не только последние колониальные земли, но даже все свое достояние.

* * *

Все же длящееся ослепление превосходства поддерживает представление, что всем обширным областям на нашей планете следует развиваться и доразвиться до нынешних западных систем, теоретически наивысших, практически наиболее привлекательных; что все те миры только временно удерживаются — злыми правителями, или тяжелыми расстройствами, или варварством и непониманием — от того, чтоб устремиться по пути западной многопартийной демократии и перенять западный образ жизни. И страны оцениваются по тому, насколько они успели продвинуться этим путем. Но такое представление выросло, напротив, на западном непонимании сущности остальных миров, на том, что все они ошибочно измеряются западным измерительным прибором. Картина развития планеты мало похожа на это.

Тоска расколотого мира вызвала к жизни и теорию конвергенции между ведущим Западом и Советским Союзом — ласкательную теорию, пренебрегающую, что эти миры друг во друга нисколько не развиваются, и даже непревратимы друг во друга без насилия. А кроме того, конвергенция неизбежно включает в себя принятие также и пороков противоположной стороны, что вряд ли кого устраивает.

Если бы сегодняшнюю речь я произносил в своей стране, я, в этой общей схеме раскола мира, сосредоточился бы на бедствиях Востока. Но поскольку я уже четыре года вынужденно нахожусь здесь и аудитория передо мною западная, — думаю, будет содержательней сосредоточиться на некоторых чертах современного Запада, как я их вижу.

* * *

Падение мужества — может быть самое разительное, что видно в сегодняшнем Западе постороннему взгляду. Западный мир потерял общественное мужество и весь в целом и даже отдельно по каждой стране, каждому правительству, каждой партии, и уж конечно — в Организации Объединенных Наций. Этот упадок мужества особенно сказывается в прослойках правящей и интеллектуально-ведущей, отчего и создается ощущение, что мужество потеряло целиком все общество. Конечно, сохраняется множество индивидуально-мужественных людей, но не им доводится направлять жизнь общества. Политические и интеллектуальные функционеры выявляют этот упадок, безволие, потерянность в своих действиях, выступлениях и еще более — в услужливых теоретических обоснованиях, почему такой образ действий, кладущий трусость и заискивание в основу государственной политики, — прагматичен, разумен и оправдан на любой интеллектуальной и даже нравственной высоте. Этот упадок мужества, местами доходящий как бы до полного отсутствия мужского начала, еще особо-иронически оттеняется при внезапных взрывах храбрости и непримиримости этих самых функционеров — против слабых правительств, или никем не поддержанных слабых стран, осужденных течении, заведомо не могущих дать отпор. Но коснеет язык и парализируются руки против правительств могущественных, сил угрожающих, против агрессоров и против Интернационала Террора.

Напоминать ли, что падение мужества издревле считалось первым признаком конца?

* * *

Когда создавались современные западные государства, то провозглашался принцип: правительство должно служить человеку, а человек живет на земле для того, чтоб иметь свободу и стремиться к счастью (смотри, например, американскую декларацию независимости). И вот, наконец, в последние десятилетия технический и социальный прогрессы дали осуществить ожидаемое: государство всеобщего благосостояния. Каждый гражданин получил желанную свободу и такое количество и качество физических благ, которые по теории должны были бы обеспечить его счастье — в том сниженном понимании, как в эти же десятилетия создалось. (Упущена лишь психологическая подробность: постоянное желание иметь еще больше и лучше и напряженная борьба за это запечатлеваются на многих западных лицах озабоченностью и даже угнетением, хотя выражения эти принято тщательно скрывать. Это активное напряженное соревнование захватывает все мысли человека и вовсе не открывает свободного духовного развития.) Обеспечена независимость человека от многих видов государственного давления, обеспечен большинству комфорт, которого не могли представить отцы и деды, появилась возможность воспитывать в этих идеалах и молодежь, звать и готовить ее к физическому процветанию, счастью, владению вещами, деньгами, досугом, почти к неограниченной свободе наслаждений, — и кто же бы теперь, зачем, почему должен был бы от всего этого оторваться и рисковать драгоценной своей жизнью в защите блага общего и особенно в том туманном случае, когда безопасность собственного народа надо защищать в далекой пока стране?

Даже биология знает, что привычка к высоко-благополучной жизни не является преимуществом для живого существа. Сегодня и в жизни западного общества благополучие стало приоткрывать свою губящую маску.

* * *

Соответственно своим целям западное общество избрало и наиболее удобную для себя форму существования, которую я назвал бы юридической. Границы прав и правоты человека (очень широкие) определяются системою законов. В этом юридическом стоянии, движении и лавировании западные люди приобрели большой навык и стойкость. (Впрочем, законы так сложны, что

простой человек беспомощен действовать в них без специалиста.) Любой конфликт решается юридически — и это есть высшая форма решения. Если человек прав юридически, — ничего выше не требуется. После этого никто не может указать ему на неполную правоту и склонять к самоограничению, к отказу от своих прав, просить о какой-либо жертве, бескорыстном риске — это выглядело бы просто нелепо. Добровольного самоограничения почти не встретишь: все стремятся к экспансии, доколе уже хрустят юридические рамки. (Юридически безупречны нефтяные компании, покупая изобретение нового вида энергии, чтобы ему не действовать. Юридически безупречны отравители продуктов, удолжая их сохранность: публике остается свобода их не покупать.)

Всю жизнь проведя под коммунизмом, я скажу: ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов. Но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека. *(Аплодисменты.)* Общество, ставшее на почву закона, но не выше, — слабо использует высоту человеческих возможностей. Право слишком холодно и формально, чтобы влиять на общество благодетельно. Когда вся жизнь пронизана отношениями юридическими, — создается атмосфера душевной посредственности, омертвляющая лучшие взлеты человека. *(Апл.)*

Перед испытаниями же грозящего века удержаться одними юридическими подпорками будет просто невозможно.

В сегодняшнем западном обществе открылось неравновесие между свободой для добрых дел и свободой для дел худых. И государственный деятель, который хочет для своей страны провести крупное созидательное дело, вынужден двигаться осмотрительными, даже робкими шагами, он все время облеплен тысячами поспешливых (и безответственных) критиков, его все время одергивает пресса и парламент. Ему нужно доказать высокую безупречность и оправданность каждого шага. По сути, человек выдающийся, великий, с необычными неожиданными мерами, проявиться вообще не может — ему в самом начале подставят десять подножек. Так под видом демократического ограничения торжествует посредственность.

Подрыв административной власти повсюду доступен и свободен, и все власти западных стран резко ослабли. Защита прав личности доведена до той крайности, что уже становится беззащитным само общество *(Апл.)*... от иных личностей, – и на Западе приспела пора отстаивать уже не столько права людей, сколько их обязанности. *(Апл.)*

Напротив, свобода разрушительная, свобода безответственная получила самые широкие просторы. Общество оказалось слабо защищено от бездн человеческого падения, например, от злоупотребления свободой для морального насилия над юношеством, вроде фильмов с порнографией, преступностью или бесовщиной *(Апл.)*: все они попали в область свободы и теоретически уравновешиваются свободой юношества их не воспринимать. Так юридическая жизнь оказалась неспособна защитить себя от разъедающего зла.

Что же говорить о темных просторах прямой преступности? Широта юридических рамок (особенно американских) поощряет не только свободу личности, но и некоторые преступления ее, дает преступнику возможность остаться безнаказанным или получить незаслуженное снисхождение при поддержке тысячи общественных защитников. Если где власти берутся строго искоренять терроризм, то общественность тут же обвиняет их, что они нарушили гражданские права бандитов. *(Апл.)* Немало подобных примеров.

Весь этот переклон свободы в сторону зла создавался постепенно, но первичная основа ему, очевидно, была положена гуманистическим человеколюбивым представлением, что человек, хозяин этого мира, не несет в себе внутреннего зла, все пороки жизни происходят лишь от неверных социальных систем, которые и должны быть исправлены. Странно, вот на Западе достигнуты наилучшие социальные условия, — а преступность несомненно велика и значительно больше, чем в нищем и беззаконном советском обществе. (Под именем уголовных у нас там сидит в лагерях огромное множество людей, но подавляющее их большинство — не преступники, а те, кто против беззаконного государства отстаивали себя неюридическими способами.)

* * *

Широчайшей свободой естественно пользуется и пресса (я употребляю дальше это слово, включая всю media). Но — как?

Опять: лишь бы не перешагнуть юридические рамки, но безо всякой подлинной нравственной ответственности за искажение, за смещение пропорций. Какая у журналиста и газеты ответственность перед читающей публикой или перед историей? Если они неверной информацией или неверными заключениями повели общественное мнение по неверному пути, даже способствовали государственным ошибкам, — известны ли случаи публичного потом раскаяния этого журналиста или этой газеты? Нет, это подорвало бы продажу. На подобном случае может потерять государство, но журналист всегда выходит сух. Скорее всего он будет теперь с новым апломбом писать противоположное прежнему.

Необходимость дать мгновенную авторитетную информацию заставляет заполнять пустоты догадками, собирая слухи и предположения, которые потом никогда не опровергнутся, но осядут в памяти масс. Сколько поспешных, опрометчивых, незрелых, заблудительных суждений высказывается ежедневно, заморочивает мозги читателей — и так застывает! *(Апл.)* Пресса имеет возможность и симулировать общественное мнение, и воспитать его извращенно. То создается геростратова слава террористам, то раскрываются даже оборонные тайны своей страны, то беззастенчиво вмешиваются в личную жизнь известных лиц под лозунгом: «все имеют право все знать». *(Апл.)* (Ложный лозунг ложного века: много выше утерянное право людей *не знать*, не забивать своей божественной души — сплетнями, суесловием, праздной чепухой. *(Апл.)* Люди истинного труда и содержательной жизни совсем не нуждаются в этом избыточном отягощающем потоке информации.)

Поверхностность и поспешность — психическая болезнь XX века, более всего и выражена в прессе. Прессе противопоказано войти в глубину проблемы, это не в природе ее, она лишь выхватывает сенсационные формулировки.

И при всех этих качествах пресса стала первейшей силой западных государств, превосходя силу исполнительной власти, законодательной и судебной. А между тем: по какому избирательному закону она избрана и перед кем отчитывается? Если на коммунистическом Востоке журналист откровенно назначается как государственный чиновник, то кто выбирал западных журналистов в их состояние власти? на какой срок и с какими полномочиями?

И еще одна неожиданность для человека, пришедшего с тоталитарного Востока, с его строгой унификацией прессы: у западной прессы в целом тоже обнаруживается общее направление симпатий (ветер века), общепризнанные допустимые границы суждений, а может быть и общекорпоративные интересы, и все это вместе действует не соревновательно, а унифицированно. Безудержная свобода существует для самой прессы, но не для читателей *(Апл.)*: достаточно выпукло и звучно газеты передают только те мнения, которые не слишком противоречат их собственным и этому общему направлению.

* * *

Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирчивый отбор мыслей модных от мыслей немодных — и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реаль-

ного пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр. *(Апл.)* Дух ваших исследователей свободен юридически — но обставлен идолами сегодняшней моды. Не прямым насилием, как на Востоке, но этим отбором моды, необходимостью угождать массовым стандартам устраняются от вклада в общественную жизнь наиболее самостоятельно думающие личности, появляются опасные черты стадности, закрывающей эффективное развитие. В Америке мне приходилось получать письма замечательно умных людей, какого-нибудь профессора дальнего провинциального колледжа, который много способствовал бы освежению и спасению своей страны, — но страна не может его услышать: его не подхватит media. Так создаются сильные массовые предубеждения, слепота, опасная в наш динамичный век. Например, иллюзорное понимание современного мирового положения — такой окаменелый панцирь вокруг голов, что через него уже не проникает ничей человеческий голос из 17 стран Восточной Европы и Восточной Азии, — а только проломит его неизбежный лом событий.

Я перечислил несколько черт западной жизни, которые поражают человека, пришедшего в этот мир понову. Размеры и задачи этой речи не позволяют продолжить обзор: как эти особенности западного общества отражаются на таких важных сторонах национального существования, как образование начальное, образование высшее гуманитарное и искусство.

* * *

Почти все признают, что Запад указывает всему миру выгодный экономический путь развития, последнее время сбиваемый, правда, хаотической инфляцией. Но и многие живущие на Западе недовольны своим обществом, презирают его или упрекают, что оно уже не соответствует уровню, к которому созрело человечество. И многих это заставляет колебнуться в сторону ложного и опасного течения социализма.

Я надеюсь, никто из присутствующих не заподозрит, что я провел эту частную критику западной системы для того, чтобы выдвинуть взамен идею социализма. *(Апл.)* Нет, с опытом страны осуществленного социализма я во всяком случае не предложу социалистическую альтернативу. Что социализм всякий вообще и во всех оттенках ведет ко всеобщему уничтожению духовной сущности человека и нивелированию человечества в смерть, — глубоким историческим анализом показал математик академик Шафаревич в своей блестяще аргументированной книге «Социализм»; скоро два года, как она опубликована во Франции, — но еще никто не нашелся ответить на нее. В близком времени она будет опубликована и в Америке.

Но если меня спросят, напротив: хочу ли я предложить своей стране в качестве образца сегодняшний Запад, как он есть, я должен буду откровенно ответить: нет, ваше общество я не мог бы рекомендовать как идеал для преобразования нашего. Для того богатого душевного развития, которое уже выстрадано нашею страною в этом веке, — западная система в ее нынешнем, духовно-истощенном виде не представляется заманчивой. Даже перечисленные особенности вашей жизни приводят в крайнее огорчение.

Несомненный факт: расслабление человеческих характеров на Западе и укрепление их на Востоке. За шесть десятилетий наш народ, за три десятилетия — народы Восточной Европы прошли душевную школу, намного опережающую западный опыт. Сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучная регламентированная жизнь Запада. Поэтому для нашего общества обращение в ваше означало бы в чем повышение, а в чем и понижение, — и в очень дорогом. Да, невозможно оставаться обществу в такой бездне беззакония, как у нас, но и ничтожно ему оставаться на такой бездушевной юридической гладкости, как у вас. Душа человека, исстрадавшаяся под десятилетиями насилия, тянется к чему-то более высокому, более теплому, более чистому, чем может предложить нам сегодняшнее западное массовое существование, как визитной карточкой предпосылаемое отвратным напором реклам, одурением телевидения и непереносимой музыкой. *(Апл.)*

И это все видно глазам многих наблюдателей, изо всех миров нашей планеты. Западный образ существования все менее имеет перспективу стать ведущим образцом.

Бывают симптоматичные предупреждения, которые посылает история угрожаемому или гибнущему обществу: например, падение искусств или отсутствие великих государственных деятелей. Иногда предупреждения бывают и совсем ощутимыми, вполне прямыми: центр вашей демократии и культуры на несколько часов остается без электричества — всего-то, — и сразу целые толпы американских граждан бросаются грабить и насиловать. Такова толщина пленки! Такова непрочность общественного строя и отсутствие внутреннего здоровья в нем.

Не когда-то наступит, а уже идет — физическая, духовная, космическая! — борьба за нашу планету. В свое решающее наступление уже идет и давит мировое Зло, — а ваши экраны и печатные издания наполнены обязательными улыбками и поднятыми бокалами. В радость — чему?

* * *

Ваши весьма видные деятели, как Джордж Кеннан, говорят: вступая в область большой политики, мы уже не можем пользоваться моральными указателями. Вот так, смешением добра и зла, правоты и неправоты, лучше всего и подготовляется почва для абсолютного торжества абсолютного Зла в мире. Против мировой, хорошо продуманной стратегии коммунизма Западу только и могут помочь нравственные указатели, — и других нет *(Апл.)*... а соображения любой конъюнктуры всегда рухнут перед стратегией. Юридическое мышление с какого-то уровня проблем каменит: оно не дает видеть ни размера, ни смысла событий.

Несмотря на множественность информации — или отчасти именно благодаря ей, — западный мир весьма слабо ориентируется в происходящей действительности. Таковы, например, были анекдотические предсказания некоторых американских экспертов, что Советский Союз найдет себе в Анголе свой Вьетнам, или что наглые африканские экспедиции Кубы лучше всего умерятся ухаживанием за ней Соединенных Штатов. *(Апл.)* Таковы ж и советы Кеннана своей стране — приступить к одностороннему разоружению. О, знали бы вы, как хохочут над вашими политическими мудрецами самые молоденькие референты Старой Площади!* *(Апл.)* А уж Фидель Кастро откровенно считает Соединенные Штаты ничтожеством, если, находясь тут рядом, осмеливается бросать свои войска на дальние авантюры.

Но самый жестокий промах произошел с непониманием вьетнамской войны. Одни искренне хотели, чтоб только скорей прекратилась всякая война, другие мнили, что надо дать простор национальному или коммунистическому самоопределению Вьетнама (или, как особенно наглядно видно сегодня, — Камбоджи). А на самом деле участники американского антивоенного движения оказались соучастниками предательства дальневосточных народов — того геноцида и страданий, которые сегодня там сотрясают 30 миллионов человек. Но эти стоны — слышат ли теперь принципиальные пацифисты? *(Апл.)*... сознают ли сегодня свою ответственность? или предпочитают не слышать? У американского образованного общества сдали нервы, — а в результате угроза сильно приблизилась к самим Соединенным Штатам. Но это не сознается. Ваш недальновидный политик, подписавший поспешную вьетнамскую капитуляцию, дал Америке вытянуться как будто в беззаботную передышку, — но вот уже усотеренный Вьетнам вырастает перед вами. Маленький Вьетнам был послан вам предупреждением и поводом мобилизовать

---

* *Старая Площадь — резиденция ЦК КПСС, истинное название того места, которое на Западе условно называют Кремлем.*

свое мужество. Но если полновесная Америка потерпела полноценное поражение даже от маленькой коммунистической полу-страны, — то на какое устояние Запад может рассчитывать в будущем?

Мне пришлось уже говорить, что в XX веке западная демократия самостоятельно не выиграла ни одной большой войны: каждый раз она загораживалась сильным сухопутным союзником, не придираясь к его мировоззрению. Так, во Второй мировой войне против Гитлера, вместо того чтобы выиграть войну собственными силами, которых было конечно достаточно, — вырастили себе горшего и сильнейшего врага, ибо никогда Гитлер не имел ни столько ресурсов, ни столько людей, ни пробивных идей, ни столько своих сторонников в западном мире, пятую колонну, как Советский Союз. А ныне на Западе уже раздаются голоса: как бы еще в одном мировом конфликте заслониться против силы — чужою силой, загородиться теперь — Китаем. Однако никому в мире не пожелаю такого исхода: не говоря, что это — опять роковой союз со Злом, это дало бы Америке лишь некоторую оттяжку, но затем, когда миллиардный Китай обернулся бы с американским оружием, — сама Америка была бы отдана нынешнему камбоджийскому геноциду.

* * *

Но и никакое величайшее вооружение не поможет Западу, пока он не преодолеет потерянности своей воли. При такой душевной расслабленности самое это вооружение становится отягощением капитулянту. Для обороны нужна и готовность умереть, а ее мало в обществе, воспитанном на культе земного благополучия. (*Апл.*) И тогда остаются только уступки, оттяжки и предательства. В позорном Белграде свободные западные дипломаты в слабости уступили тот рубеж, на котором подгнетные члены хельсинкской группы отдают свои жизни.

Западное мышление стало консервативным: только бы сохранялось мировое положение, как оно есть, только бы ничто не менялось. Расслабляющая мечта о статус-кво признак общества, закончившего свое развитие. Но надо быть слепым, чтобы не видеть, как перестали принадлежать Западу океаны и все стягивается под ним территория земной суши. Две так называемых мировых — и совсем еще не мировых — войны состояли в том, что маленький прогрессивный Запад внутри себя уничтожал сам себя и тем подготовил свой конец. Следующая война — не обязательно атомная, я в нее не верю, — может похоронить западную цивилизацию окончательно.

И перед лицом этой опасности — как же, с такими историческими ценностями за спиной, с таким уровнем достигнутой свободы и как будто преданности ей, — настолько потерять волю к защите?!

* * *

Как сложилось нынешнее невыгодное соотношение? От своего триумфального шествия — каким образом западный мир впал в такую немощь? Были в его развитии губительные переломы, потери взятого курса? Да как будто нет. Запад только прогрессировал и прогрессировал в объявленном направлении, об руку с блистательным техническим Прогрессом. И вдруг оказался в нынешней слабости.

И тогда остается искать ошибку в самом корне, в основе мышления Нового Времени. Я имею в виду то господствующее на Западе миросознание, которое родилось в Возрождение, а в политические формы отлилось с эпохи Просвещения, легло в основу всех государственных и общественных наук и может быть названо рационалистическим гуманизмом либо гуманистической автономностью — провозглашенной и проводимой автономностью человека от всякой высшей над ним силы. Либо, иначе, антропоцентризмом — представлением о человеке как о центре существующего.

Сам по себе поворот Возрождения был, очевидно, исторически неизбежен: Средние века исчерпали себя, стали невыносимы деспотическим подавлением физической природы человека в пользу духовной. Но и мы отринулись из Духа в Материю — несоразмерно, непомерно. Гуманистическое сознание, заявившее себя нашим руководителем, не признало в человеке внутреннего зла, не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями. За пределами физического благополучия и накопления материальных благ все другие, более тонкие и высокие, особенности и потребности человека остались вне внимания государственных устройств и социальных систем, как если бы человек не имел более высокого смысла жизни. Так и оставлены были сквозняки для зла, которые сегодня и продувают свободно. Сама по себе обнаженная свобода никак не решает всех проблем человеческого существования, а во множестве ставит новые.

Но все же в ранних демократиях — также и в американской при ее рождении, все права признавались за личностью лишь как за Божьим творением, то есть свобода вручалась личности условно, в предположении ее постоянной религиозной ответственности, — таково было наследие предыдущего тысячелетия. Еще 200 лет назад в Америке — да даже и 50 лет назад, казалось невозможным, чтобы человек получил необузданную свободу — просто так, для своих страстей. Однако с тех пор во всех западных странах это ограничение выветрилось, произошло окончательное освобождение от морального наследства христианских веков с их большими запасами то милости, то жертвы, и государственные системы принимали все более законченный материалистический вид. Запад наконец отстоял права человека и даже с избытком, — но совсем поблекло сознание ответственности человека перед Богом и обществом. В самые последние десятилетия этот юридический эгоизм западного мироощущения окончательно достигнут — и мир оказался в жестоком духовном кризисе и политическом тупике. И все технические достижения прославленного Прогресса, вместе и с Космосом, не искупили той моральной нищеты, в которую впал XX век и которую нельзя было предположить, глядя даже из XIX-го.

* * *

Чем более гуманизм в своем развитии материализовался, тем больше давал он основание спекулировать собою — социализму, а затем и коммунизму. Так что Карл Маркс мог выразиться (1844): «коммунизм есть натурализованный гуманизм».

И это оказалось не совсем лишено смысла: в основаниях выветренного гуманизма и всякого социализма можно разглядеть общие камни: бескрайний материализм; свободу от религии и религиозной ответственности (при коммунизме доводимую до антирелигиозной диктатуры), сосредоточенность на социальном построении и наукообразность в этом (Просвещение XVIII века и марксизм). Не случайно все словесные клятвы коммунизма — вокруг человека с большой буквы и его земного счастья. Как будто уродливое сопоставление — общие черты в миросознании и строе жизни нынешнего Запада и нынешнего Востока! — но такова логика развития материализма.

Причем, в этом соотношении родства закон таков, что всегда оказывается сильней, привлекательней и победоносней то течение материализма, которое левей и, значит, последовательней. И гуманизм, вполне утерявший христианское наследие, не способен выстоять в этом соревновании. Так, в течение минувших веков и особенно последних десятилетий, когда процесс обострился, в мировом соотношении сил либерализм неизбежно теснился радикализмом, тот был вынужден уступать социализму, а социализм не устаивал против коммунизма. Именно потому коммунистический строй мог так устоять и укрепиться на Востоке, что его рьяно поддерживали (ощущая с ним родство!) буквально массы западной интеллигенции, не замечали его злодейств, а уж когда нельзя было не заметить, — оправдывали их. Так и сегодня: у нас на

Востоке коммунизм идеологически потерял все, он упал уже до ноля, и ниже ноля, западная же интеллигенция в значительной степени чувствительна к нему, сохраняет симпатию, — и это-то делает для Запада такой безмерно трудной задачу устояния против Востока.

* * *

Я не разбираю случая всемирной военной катастрофы и тех изменений общества, которые она бы вызвала. Но пока мы ежедневно пробуждаемся под спокойным солнцем, мы обязаны вести и ежедневную жизнь. А есть катастрофа, которая наступила уже изрядно: это — катастрофа гуманистического автономного безрелигиозного сознания.

Мерою всех вещей на Земле оно поставило человека — несовершенного человека, никогда не свободного от самолюбия, корыстолюбия, зависти, тщеславия и десятков других пороков. И вот, ошибки, не оцененные в начале пути, теперь мстят за себя. Путь, пройденный от Возрождения, обогатил нас опытом, но мы утеряли то Целое, Высшее, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности. Слишком много надежд мы отдали политико-социальным преобразованиям, — а оказалось, что у нас отбирают самое драгоценное, что у нас есть: нашу внутреннюю жизнь. На Востоке ее вытаптывает партийный базар, на Западе коммерческий. (*Апл.*) Вот каков кризис: не то даже страшно, что мир расколот, но что у главных расколотых частей его — сходная болезнь.

Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рожден только для счастья, — он не был бы рожден и для смерти. Но оттого, что он телесно обречен смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлеб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом веселого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения (*Апл.*): покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал ее. Неизбежно пересмотреть шкалу распространенных человеческих ценностей и изумиться неправильности ее сегодня. Невозможно, чтоб оценка деятельности президента сводилась бы к тому, какова твоя заработная плата и неограничен ли в продаже бензин. (*Апл.*) Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения возвышает людей над материальным потоком мира.

Держаться сегодня за окостеневшие формулы эпохи Просвещения — ретроградство. Это социальная догматика оставляет нас беспомощными в испытаниях нынешнего века.

Если и минет нас военная гибель, то неизбежно наша жизнь не останется теперешней, чтоб не погибнуть сама по себе. Нам не избежать пересмотреть фундаментальные определения человеческой жизни и человеческого общества: действительно ли превыше всего человек, и нет над ним Высшего Духа? верно ли, что жизнь человека и деятельность общества должны более всего определяться материальной экспансией? допустимо ли развивать ее в ущерб нашей целостной внутренней жизни?

Если не к гибели, то мир подошел сейчас к повороту истории по значению равному повороту от Средних Веков к Возрождению, — и потребует от нас духовной вспышки, подъема на новую высоту обзора, на новый уровень жизни, где не будет, как в Средние века, предана проклятью наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее время, растоптана наша духовная. (*Апл.*)

Этот подъем подобен восхождению на следующую антропологическую ступень. И ни у кого на Земле не осталось другого выхода, как — вверх. (*Аплодисменты.*)

●

МИКРОРЕЦЕНЗИИ

КЛЮЧ К УСПЕХУ

Умом России не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

Этими бессмертными тютчевскими строками начинаются социально-философские очерки Е. С. Троицкого. Сколько раз четверостишие поэта подвергалось язвительным нападкам, но «эти нападки лишь подтверждали правоту поэта, — говорит автор. — О России написано и сказано много, но всякий раз обнаруживаются в русской истории и современности, культуре и языке пока неразгаданные тайны. А это вновь и вновь порождает неистребимую жажду сынов России мучительно думать и страстно говорить о ее прошлом и настоящем, извлекать уроки из сложного и противоречивого опыта».

Понимая, что нельзя объять необъятное, Троицкий делится своими раздумьями о России — как нации. Возрождение национального самосознания; общее и особенное в развитии Отечества; соотношение русскости и общечеловеческого; устранение всего пагубного, накопившегося в жизни русского народа... «Нас тревожит, например, положение во многих сельских районах Центральной России. В результате политики «раскрестьянствования», во многом вдохновленной идеями Троцкого, перегибов в политике коллективизации, укрупнения колхозов, ликвидации «неперспективных» деревень обезлюдели сотни тысяч российских деревень. Неблагоприятна в России и демографическая ситуация. Естественный прирост ее населения за 1940-1987 годы сократился с 12,4 до 6,7 человека в расчете на 100 человек. До предела обострились экологические проблемы.»

Возродить Россию без разработки научной концепции развития русской нации почти невозможно. По мнению автора, сейчас как никогда важно опереться на ценные черты нашего национального характера, генетически восходящие к свойственному нам подвижничеству и предприимчивости, вызванные в жизни общиной — коллективизмом, взаимопомощью и солидарностью. В животворящем взаимодействии этих достоинств — ключ к успеху обновления и возрождения Отечества. «В течение десятилетий экономисты и управленцы мучились в прокрустовом ложе надуманной альтернативы — либо государственная собственность и централизованное народнохозяйственное планирование, либо хозрасчет и личная инициатива, — говорится в монографии. — Однако одно должно дополнять, обогащать другое, поскольку и русские люди разные по складу: одним прежде всего нужны экономические стимулы, хозрасчет, подряд; другим — больше морально-этические, коллективистские ценности. Национальный характер России интегрирует неодинаковые интересы и склонности. Коллективизм во многом восходит к наследию общины, тогда как стремление за экономической выгодой — к столь же исконно сильной на Руси — предприимчивости. То и другое как воздух необходимо для перестройки. Проблема в том, как умело сочетать отнюдь не антагонистические противоречия и склонности».

На этот вопрос Е. С. Троицкий дает свой ответ в предлагаемой книге «Русская нация».

А. ЧЕРНЕНКО

Троицкий Е. С. РУССКАЯ НАЦИЯ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ. — М.: Сов. Россия, 1989.

КНОГОЧЕЮ НА ЗАМЕТКУ

Ефимов Ю. И., Громов И. А. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР И КУЛЬТУРА. — Л. Наука, 1989. — 192 с. — 60 к. 6 450 экз.

Коган Л. Б. БЫТЬ ГОРОЖАНАМИ. — М.: Мысль, 1990. — 207 с. — 1 р. 80 к. 7 500 экз.

АФГАНИСТАН БОЛИТ В МОЕЙ ДУШЕ... Сост. А. Б. Кердан. — Пермь, Кн. изд-во, 1989. — 191 с. — (Подросткам и молодежи) — 2 р. 10 000 экз.

Брянский В. П. ЗДРАВСТВУЙ, БАЙКАЛ! — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. — 285 с. — 1 р. 20 к. 50 000 экз.

Голубева Г. А. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НРАВСТВЕННОГО И ПРАВОВОГО В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ (социально-философский анализ) — М.: Высш. шк., 1989. — 158 с — 2 р. 50 к. 3 700 экз.

Левичева В. Ф. МОЛОДЕЖНЫЙ ВАВИЛОН: Размышления о неформальном движении. — М.: Мол. гвардия, 1989, — 220 с. — (Свободная трибуна). — 45 к. 75 000 экз.

НА ПУТИ К СВОБОДЕ СОВЕСТИ: Сб. / Сост., общ. ред. Д. Е. Фурмана и О. Марка (Смирнова). — М.: Прогресс, 1989 г. — 494 с. — (Перестройка: гласность, демократия, социализм). — 1 р. 80 к. 40 000 экз.

МОСКВА: ГОРОД И ЧЕЛОВЕК: Обществ.-полит. альманах. Вып. 2 Сост. В. Л. Акопян, Е. В. Муравьев, — М.: Моск. рабочий, 1989. — 495 с. ил. — 1 р. 50 к. 15000 экз.

ИСКУССТВО

Графика. Живопись. Скульптура.

книжная графика Сергея Сюхина

ПОМОРСКИЙ ФАНТАЗЕР

Сергей Сюхин — удивительный художник. К его графическим листам в экспозициях выставок — возвращаешься, а оформленные им книги — снова и снова берешь в руки. Его узнаешь сразу и ни с кем не спутаешь. В этом его своеобразии стиля, манеры и средств изображения — уже мне видится большой успех художника. Дарование светлое, глубоко оптимистичное. Не встречал ни одного листа, созданного оскорбленной или хотя бы обиженной душой художника — везде свет, и везде простор! Он мастерски владеет перспективой, ибо ему подвластна высота. Высота мышления, высота яркой поморской души. И с этой высоты в его листах видна каждая избушка в деревне далеко за холмом, виден дальний перевоз через реку, виден труд северного пахаря, полет птахи и проворный скок жеребенка.

Этого мастера воспоил Беломорский Север. Родился он на архангельской земле в селе Пучуга Верхне-Тоемского района, что привольно раскинулось на берегу раздольной Северной Двины. Здесь и вырос. Беспокойство творчества познал рано, учился в Абрамцевском художественном училище. Затем постигал мастерство на кафедре книжной графики Украинского полиграфического института им. Ивана Франко во Львове.

Постоянно живет в Архангельске. Любит живопись, но наиболее значителен все же в графике, где освоил разные техники: от рисунка пером до литографии. Его станковые листы побывали на многих местных, зональных, республиканских и всесоюзных выставках. Были его работы и на выставке 20-ти советских графиков в Италии в Милане в 1986 году

Но особый рассказ о книгах, рукописи которых побывали в руках художника, и он вдохнул в них свое зримое художественное мышление. Таких книг уже немало вышло в нашем Северо-Западном книжном издательстве. Я счастлив, что именно он оформил и мою книгу литературно-краеведческих очерков «К студеным северным волнам... А. С. Пушкин и Беломорский Север» (Архангельск, 1989)

Всесоюзный читатель знакомится с его книжной графикой благодаря издательству «Детская литература». В минувшем году здесь вышли две книги с прекрасными цветными рисунками Сергея Сюхина. Это «Палей и Люлех», сказы; «Легенды о мастере Тычке» Ивана Панькина. Обе эти книги были достойно представлены на последней Международной книжной ярмарке в Москве в сентябре минувшего года и привлекли внимание зарубежных издательских фирм. Скоро в этом же издательстве выходит следующая книга, над которой с большим удовлетворением трудился художник — «Конь с розовой гривой» прекрасного прозаика Виктора Астафьева.

А Северо-Западное издательство готовит книгу сказок Степана Писахова, в основе оформления которой — большой ряд литографических листов художника, созданных по мотивам северного сказочника В этих листах безудержность фантазии художника удивительно соответствует беспредельной фантазии легендарного мастера поморского слова. В этих листах художника, как и во всем творчестве Сергея Сюхина — все пронизано щемящей сердце любовью к родному Северу.

ИГОРЬ СТРЕЖНЕВ

ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ ЛЮБВИ

Я познакомился с Сергеем Сюхиным в столичном издательстве «Детская литература» на одной из «сред», где художественные редакторы просматривали рисунки впервые к нам пришедших художников. Здесь часто после просмотра работ мало кому известные художники получали самые престижные заказы на иллюстрирование книг. И Сергею, в папке которого были замечательные своей неповторимостью и поэтичностью цветные литографии к повестям С. Писахова, сразу было сделано предложение создать иллюстрации к интересному и достаточно трудному по содержанию сборнику «Палеи и Люлех». В этом сборнике были собраны сказочные повести российских «народников» на тему о труде. Труде волшебном, связанном с преданиями, традициями, поверьями; о труде гениев-одиночек, чьим талантом увековечена и прославлена российская земля.

Издательство, к счастью, не долго дожидалось возвращения с го-

товой работой немногословного, спокойного, скромного молодого человека. Просматривая иллюстрации, которые привез Сергей, невольно вспоминаешь строки из другой книги — Ивана Панькина «Легенды о мастере Тычке», к которой ему тут же заказало издательство иллюстрации: «...оказывается, и на самой малой площади можно сделать больше большего» и «...могуч тот, кто душой чувствует свое ремесло и владеет многими знаниями»...

Действительно, его иллюстрации приятно разглядывать, и невольно возвращаешься к ним многократно за веселостью, за тонким юмором, за наблюдательностью художнического глаза, и, конечно, любуешься самобытным мастерством и талантом Сюхина. Пластический язык Сергея Сюхина своеобразен и точен, в его работах сочетается изящество и широта. Разглядывая листы, часто хочется спросить: а как это сделано? Несмотря на множество выразительных деталей, мелочей, его работы монументальны. Он обладает большим профессиональным опытом, и поэтому в полиграфии его книги технологичны. В «Палей и Люлех» для того, чтобы сохранить тонкое перовое рисование, — «литографсиос» — зерно карандаша по фактурной бумаге, он сделал оригиналы с раскладкой для черной и триадных красок

Но самое главное — это, конечно, то, что Сюхин добрый и лукавый художник, он умеет у читателя вызвать улыбку. Его главные герои, наполняющие многие иллюстрации из книги в книгу, почти в каждом «домовитом» интерьере — это коты и кошки, сыто и вальяжно существующие в укладе русского дома. Знание и любование этнографической деталью позволяет ему вести тему как в полосных иллюстрациях, так и во множестве виньеток, которыми он, как прирожденный книжник, не боится наполнять книгу, создавая многообразный книжный ансамбль. Добротой и светом пронизаны его пейзажи, звери, птицы. Эта духовная наполненность делает его книги содержательными и согласными с текстовым оригиналом. Я думаю, что книги Сюхина привлекут со временем профессиональную критику, это же просто мое личное впечатление о творчестве Сергея и о нем самом — непосредственное, искреннее и спонтанное, какое может сложиться за очень короткое время дружбы и совместной работы.

Когда я писал эти строки о нем на память мне пришли замечательные слова Эриха Марии Рильке в одной искусствоведческой работе: «...простая жизнь любви». Мне кажется, что они очень точно относятся к искусству Сергея Сюхина.

БОРИС ДИОДОРОВ

Работы художника С. Сюхина **см. на стр. 30, 38—39.**

В семейном музее хранится несколько сотен рисунков Ивана Семеновича Ефимова (1878-1959), которые в большей или меньшей степени подпадают под рубрику «легкомысленных», как их называл сам автор. Среди них папки с надписью «secreta» — эротические рисунки. Почти ничего из этого колоссального наследия не выставлялось и не публиковалось. Именно рисовальщика более всего ценил в себе сам Иван Ефимов, будучи известен, прежде всего как скульптор, признан как родоначальник советского кукольного театра, создатель (вместе с женой художницей Н. Я. Симонович-Ефимовой) кукол на тростях, теневого театра... П. А. Флоренский, написавший в 1924 году предисловие к «Запискам петрушечника» Ефимова, говорил о его эротических рисунках: «Мораль повысилась бы, если бы обнародовать Ваши рисунки».

Ефимов оставил множество «записок», часть которых вошла в монографию «Иван Ефимов. Об искусстве и художниках», М., 1977; из них встает портрет человека искусства — натуры одновременно цельной и остро противоречивой. П. А. Фаворский подчеркивал: «Иван Семенович — особенный художник, я бы сказал сколько-то парадоксальный, и мне кажется, что о нем можно было бы и говорить парадоксально. Можно было бы начать так. Иван Семенович не скульптор, а изобретатель новых форм». Это хорошо понятно тем, кто знаком с парковой скульптурой Ефимова («скульптурная графика») — металлическим рисунком, застывшим в воздухе, который не мешает окружающей его и проглядывающей сквозь него природе, с ефимовскими силуэтами, системой вырезания...

Иван Семенович говаривал, что рисует просто для разгона руки. «Я в жизни многословен, а в рисунке не люблю многословия. Это и есть настоящее творчество — мои рисунки. Мне почти все равно, что они куда-то деваются. Могу ведь я просто танцевать. Где будет мой танец?» Однако, после просмотра коллекции его рисунков нельзя избавиться от впечатления грандиозности увиденного. Мастер работал над рисунком серьезно, увлеченно, с присущим ему пылом и азартом. В одну из папок Ефимов вложил завещание: «В случае моей смерти эротические рисунки, над которыми я работал по материалам вазовой живописи и другим научным исследованиям, например, по Египту, турецкому театру Карагез и островным культурам, и которые для художника имеют значение как решения групповой композиции, завещаю Государственной Третьяковской Галерее в отдел secreta для научно-исследовательских работ».

Ефимов много раз в своих рисунках проникал в психику других народов: греков, эллинов, турок, полинезийцев, китайцев, испанцев, негров, ассирийцев, персов. С Овидием Иван Семенович чувствовал родственность. «Культурный, веселый, не слишком глубокий, не утомляет себя глубиной.» В этом перечислении роднящих его с Овидием черт видно слегка ироничное отношение к себе. Ефимову свойственно даже некоторое шутовство, присущее только крупным личностям, обладающим ко всему еще и тонким чувством юмора. Это составляло особое ефимовское обаяние. Иван Семенович с удовольствием иллюстрировал «Метаморфозы» Овидия, любя играть сочетаниями людских и животных образов. В изображении животных Ефимов — непревзойденный мастер, но если его называли анималистом, обижался.

«Эллины бы одобрили моих «Кентавров». Кроме того, я открыл, что они двуедины до конца. Сам удивился, увидав рисунок свой кентавра.»

Персидскую миниатюру Ефимов изучал в Париже с Серовым. Может ли русский делать персидские миниатюры? Конечно, ведь русское понимание Персии может быть очень интересно, все дело в чувстве меры и культуре.

Большую серию рисунков-композиций Ефимов сделал после знакомства с негритянским искусством на выставке в Москве. Вдохновленный негритянской пластикой, Ефимов создает свои оригинальные композиции, они скульптурны, будто «стальное литье», и более условны, часто как бы переходят в символы.

Карагез (от тюрк. «черный глаз») — главный персонаж теневого театра средиземноморских стран, происходящий из Константинополя. Жизнерадостный, любве

Иван Семенович Ефимов 1935 год.

обильный, плутоватый бесстыдник, заставляющий публику надрывать животы от смеха своим нескончаемым остроумием в традиционных шуточных постановках. Его именем названы спектакли этого театра. Взяв за основу сюжеты театра Карагез, Ефимов много фантазировал на эту тему в своих композициях, полных юмора, темперамента.

В 1930-31 годах Иван Семенович участвовал как художник в экспедициях музея Народоведения СССР в Удмуртию, Мордовию. Талантливый руководитель экспедиции Михаил Тимофеевич Маркелов (1899-1937 [?]) собирал материал о еще сохранившихся в те годы «в глубинке» ярких культовых обрядах аграрного смысла с древним магическим фаллическим культом — биологической силой, производящей все живое. Художник вел зарисовки виденного и иллюстрировал слышанное от стариков. М. Т. Маркелов готовил монографию «Эрьзянский (мордовский) эпос» для издательства «Акадэмиа» с иллюстрациями И. С. Ефимова. Работа эта, отличающаяся глубиной изложения, не увидела света — Михаил Тимофеевич был репрессирован и погиб. Рисунки сохранились. Отношение художника к искусству других народов — не внешнее подражание, не копирование-подделка стиля, техники, сюжета, а стремление приобщиться к их системе видения окружающего мира, жажда разделить их восприятие проявления Жизни — продолжения Ее.

Нина Яковлевна Симонович-Ефимова так пишет о качестве рисунков Ивана Семеновича: «Из современников не становится, по крайней мере, по манере и легкости возникновения крепкой формы, рядом с ним никто. Они близки, и по времени рожденья Ефимова, и по тому, что он учился на рисунках Родена и Серова, к этим последним. Это относится к рисункам с натуры; но то, что Ефимов делает без натуры, по мысли, его посетившей, — я не знаю никого, кто еще так величаво, так легко компонует... Всегда узнаешь, что это Ефимов. Рисунок всегда имеет свое лицо, потому что форма не переходит в гротеск. Напротив, изображение человека, зверя, сохраняет крепкую форму, синтез, уплотняет и типизирует его. Узорность росчерка имеет меру. От нее весело, легко, светло, и не душно, как от всякого неумеренного преувеличенья. Вкус и культура чувствуются здесь особенно.»

После XIX века и его пуританской морали, которые повинны в нашем незнании эротических произведений искусства Античной Греции, наступил век XX и пришли новые течения (психоанализ, семасиология, структурная антропология), которые потрясли европейское мышление. Их предназначение — показать, что разнообразные направления человеческой мысли (религиозной, философской, лингвистической, эстетической и др.) в сердцевине своей имеют древнейший образ-символ — то, что Ефимов называл «сплетения любви». В 1918 (!) году Иван Семенович задумал публикацию альбома литографий с таким названием.

«Какие-то композиции приходят в голову и я рисую, потому что мне легче нарисовать, чем не нарисовать. Удерживаться? Зачем? A quoi bon?»

У Ефимова безупречные отношения с плоскостью и пространством. Любую композицию из одной, двух или нескольких фигур он, подобно древним вазовым живописцам, легко вкомпоновывает в любой, выбранный им геометрический отрезок. Он часто делает свои рисунки очень быстро, можно сказать, на одном дыхании. Образ будущей композиции уже готов и существует перед его мысленным взором в деталях и мелочах, остается только широким, уверенным росчерком воплотить его на бумаге. Поэтому Иван Семенович иногда проставляет не только дату, но и точные временные рамки рождения рисунка, до минут.

Творчество Ивана Ефимова, так же как и сам он, многогранно, разносторонне и вместе с тем удивительно цельно. Представляется, что цельность эту Ефимов черпал у природы. Он не делал пропасти между человеком и зверем, вот почему так ненадуманны и органичны его сплетения людей, животных, птиц. Художник без тени сомнения компонует все и вся, что требуется для воплощения его артистической мысли.

В ефимовских композициях переплелись не только боги, мифологические персонажи, люди, звери, птицы... в них переплелись наивность, взятая у природы, так подкупающая своей непредвзятостью, и широта познаний, изысканность техники изображения и легкость мгновенного созидания, неисчерпаемость и совершенство композиционных узлов и чувство меры, отточенность линии и высокая культура. Наверное, это и есть «маэстрия»?

Пришли иные времена... По телевидению, в кино, в театре хлынул поток откровенной порнографии, к искусству имеющий очень отдаленное отношение. А эротическое искусство тысячелетних традиций все так же остается «запретным плодом». Будем надеяться, что публикация в «Слове» рисунков Ивана Ефимова снимет табу именно с искусства, а не с бойких заменителей.

И. ГОЛИЦЫНА

Фото Кирилла Попова.

ЭРНЕСТ РЕНАН

ЖИЗНЬ ИИСУСА*

. . . .

Его проповедь была приятна и нежна, вся полна природы и благоухания полей. Иисус любил цветы и черпал в них свои самые очаровательные поучения. Небесные птицы, море, горы, игры детей поочередно проходили в его поучениях. Его стиль не имел совсем греческих периодов, но приближался гораздо более к слогу еврейских параболистов и особенно к сентенциям современных ему иудейских книжников, находящимся теперь в Пирке-Абот. Размеры речей были невелики и они сами походили на сюраты на манер Корана, которые, будучи сшиты вместе, составили впоследствии записанные Матфеем длинные речи. Эти различные куски не связывал никакой переход; но обыкновенно, их проникало одно и то же вдохновение, порождавшее их единство. Учитель особенно выдавался в притче. В иудаизме он нигде не мог найти образца этого восхитительного жвнра. Он сам создал последний. Правда, в иудейских книгах находятся параболы совершенно в том же духе и того же склада, как евангельские притчи. Но трудно допустить, чтобы в последних сказалось буддийское влияние. Для объяснения этих аналогий достаточно, быть может, отметить оживляющие зарождавшееся христианство и буддизм дух кротости и глубину чувства.

Полное равнодушие к внешней жизни и к суетным принадлежностям «комфорта», который наши жалкие страны делают необходимым для нас, было следствием простой и тихой жизни в Галилее. Холодный климат, принуждая человека к вечной борьбе против внешней природы, придает большое значение стремлениям к благосостоянию и роскоши. Напротив того, страны, пробуждающие малочисленные подробности, являются странами идеализма и поэзии. Аксессуары жизни в сравнении с наслаждением жить там незначительны. Украшение дома там излишне; взаперти ведь не остаются почти совсем. Обильное и правильное питание суровых климатов здесь казалось бы тяжелым и неприятным. А что касается роскоши в одежде, то как соперничать с той, какую Бог дал земле и птицам небесным. Труд в таком климате кажется бесполезным: то, чего он дает, не вознаграждает того, что он стоит. Полевые животные одеты лучше самого богатого человека, и они ничего не делают. Это пренебрежение, много способствующее, раз оно не имеет своею причиною леность, возвышению души, внушало Иисусу очаровательные апологи. «Не собирайте, — говорил он, — на земле сокровища, которые черви и ржа потребляют, которые воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где нет ни червя, ни ржавчины, ни воров. Где сокровище твое, там и сердце твое. Нельзя служить двум господам: ибо или одного будешь ненавидеть, а другого любить; или одному станешь усердствовать, а другому нет. Нельзя служить Богу и мамоне . Поэтому говорю вам: не заботьтесь о пище, для поддержания вашей жизни, ни об одежде, чтобы покрывать ваше тело. Жизнь не более ли благородна, чем одежда? Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, у них нет ни кладовых, ни житниц; и отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить мне росту хотя на один локоть? И об одежде, что заботитесь о ней? Посмотрите на полевые лилии: онн не трудятся и не прядут. Но говорю вам, Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них. Если Бог заботится, чтобы одеть так траву, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в огонь, то насколько же больше о вас, маловеры! Итак не говорите с заботой: что нам есть? что нам пить, во что одеться? Ведь одни язычники ищут всего этого. Отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде правды и царства Божия и все остальное приложится вам. Не заботьтесь о завтрашнем дне: завтрашний день сам будет заботиться о своем. Довольно для каждого дня своей заботы».

Это существенно галилейское чувство имело решительное влияние на судьбу зарождавшейся секты. Счастливая толпа, полагаясь относительно удовлетворения своих нужд на отца небесного, имела за первое правило смотреть на житейские заботы, как на зло, которое душит зародыши всего хорошего в человеке. Каждый день она просила у Бога пищи на завтрашний день. Зачем накоплять много сокровищ? Скоро должно наступить царство божие. «Продавайте то, чем вы владеете и отдавайте это в качестве милостыни», — говорил учитель. «Приготовляйте на небе хранилища, которые не ветшают, сокровища, которые не расточаются». Что более безрассудно, как копить сбережения для наследников, которых никогда не увидишь. Как обрвзец человеческого безумия, Иисус любил приводить случай с одним человеком, который, расширив свои житницы и собрав имущество на долгие годы, умер, не успев насладиться им. Этой точки зрения давало миого силы укоренившееся в Галилее грабительство. Бедный, который не терпел от него, должен был смотреть на себя как на любимца Бога, между тем как богатый, владея ненадежным имуществом, являлся поистине обездоленным. В наших обществах, построенных на очень суровой идее собственности, положение бедного ужасно: у него в буквальном смысле нет своего места на солнце. Цветы, трава, тень — существуют только для владеющих землею. На Востоке, это — божьи дары, никому не принадлежащие. Владелец имеет только скудную привилегию; природа есть общее владение.

Впрочем, в данном случае зарождавшееся христианство шло лишь по следам ессеев или терапевтов и иудей-

Бог богатств и спрятанных сокровищ, вроде Плутуса в финикийской и сирийской мифологии.

* *Перевод с 69-го французского издания М. Синявского (Москва, 1906 г.).*

Продолжение. Начало в №№ 8–10, 12 / 1989 г., №№ 1–3 / 1990 г. Произведение публикуется полностью.

ских сект, построенных на монастырской жизни. Во все эти секты, одинаково пользовавшиеся дурной славой у фарисеев и саддукеев, входил коммунистический элемент. Мессианизм, чисто политический у правоверных иудеев, делался у них социальным. Эти маленькие церкви верили, что путем тихого, справедливого и созерцательного существования, оставляющего свое место индивидуальной свободе, они освятят небесное царство на земле. Высокие души сильно занимали мечты о блаженной жизни; они основывались на людском братстве и чистом культе истинного Бога и отовсюду давали толчок к смелым и искренним, но малоуспешным попыткам.

Иисус, которого сношения с ессеями весьма трудно точно определить (так как сходства в истории не всегда предполагают сношения), здесь являлся, конечно, их братом. В новом обществе некоторое время общность имуществ была законом . Скупость считалась тяжелым грехом ; а нужно заметить, что грех «скупости», по отношению к которому была так строга христианская мораль, являлся тогда простою привязанностью к собственности. Первым условием для того, чтобы быть учеником Иисуса, было обращение имущества в деньги и раздача их в виде милостыни бедным. Те, кто отступал перед этой крайностью, не могли вступать в общину . Иисус часто повторял, что нашедший царство божие должен купить его ценою всех своих благ, и что при этом он делает еще выгодную покупку. «Человек, открывший существование сокровища в поле, — говорил он, не теряя ни мгновения продает то, чем владеет, и покупает поле. Ювелир, нашедший бесценную жемчужину, обращает все в деньги и покупает жемчужину». Увы! неудобства такого образа жизни не замедлили дать почувствовать себя. Понадобился казначей. Для этого выбрали Иуду Кернотского. Несправедливо ли или справедливо, но его обвинили в краже общественных денег[4]; верно лишь то, что он кончил плохо.

Иногда учитель, более сведущий в небесных делах, чем в земных, учил еще более странной политической экономии. В одной странной притче восхваляется управитель за то, что он приобрел себе друзей среди бедных насчет своего господина, для того, чтобы бедные в свою очередь ввели его в царство небесное. Действительно, бедные, которые должны быть раздавателями этого царства, примут туда только тех, кто дает им. «Фарисеи, которые были скупы, — говорит евангелист, — слышали это и смеялись над ним». Слышали ли они также эту ужасную притчу? «Был богатый человек, который одевался в порфиру и тонкий лен и каждый день имел хороший стол. Был также бедный, именем Лазарь, который лежал у его ворот в струпьях и желал насытиться крошками, падающими со стола богача. И собаки, приходя, лизали его струпья. Но случилось, что бедный умер и был отнесен ангелами на лоно Авраамово; умер и богатый и похоронили его. И из глубины ада, будучи в муках, он поднял глаза и увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его. И воскликнув, он сказал: «Отче Аврааме, умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы он омочил конец своего пальца в воде и освежил мой язык, так как я жестоко страдаю в этом пламени». Но Авраам сказал ему: «Чадо, вспомни, что ты получил уже доброе твое во время жизни, а Лазарь злое. Теперь он утешен, а ты страдаешь».

Что более справедливого? Позже Иисус назвал это притчей о «дурном богаче», но эта, безусловно, притча о «богаче». Он в аду, потому что он богат, потому что он не даст своего имущества бедным, потому что он ест хорошо, тогда как другие голодают у его дверей. Наконец, в минуты меньшего увлечения, когда Иисус представляет обязательство продать свое имущество и раздать его бедным только как совет совершенства, он еще делает это странное разъяснение: «легче верблюду пройти через игольные уши, чем богатому войти в царство божие».

Во всем этом, над Иисусом и толпой окружавших его веселых детей, доминировало чувство удивительной глубины и навсегда сделало из него истинного творца душевного мира и великого утешителя в жизни. Освобождая человека от того, что он называл «суетою мира сего», Иисус мог дойти до крайности и напасть на существенные условия жизни человеческого общества; но он основал тот высокий спиритуализм, который в течение веков наполнял в этой «долине слез» сердца людей радостью. Он с полною ясностью видел, что человеческая невнимательность и недостаток у людей философии и нравственности происходят чаще всего от развлечения, которым предается человек, и от осаждающих его забот, которые цивилизация увеличивает сверх меры. Таким образом, Евангелие было высшим средством от неприятностей пошлой жизни, вечным sursum carda, могущественным отвлечением от жалких забот, тихим призывом, как призыв Иисуса к вниманию Марфы: «Марфа, Марфа, о многом ты заботишься; а одно только необходимо». Благодаря Иисусу, самое тусклое существование, наиболее поглощенное печальными или унизительными обязанностями, имело себе доступ в уголок неба. В нашей обремененной делами цивилизации воспоминание о свободной галилейской жизни было как бы благоуханием из другого мира, как бы «росою Гермона», которая воспрепятствовала засухе и пошлости всецело похитить поле божие.

ГЛАВА X

Царство божие, понимаемое как воцарение бедных

Эти наставления, хорошие для страны, где жизнь питается воздухом и светом, этот деликатный коммунизм толпы божиих детей, доверчиво живущих на лоне своего отца, могли прийтись по душе наивной и твердо убежденной в скором осуществлении своей мечты секте. Но ясно, что они не могли соединить воедино все общество Действительно. Иисус очень скоро понял, что официальный мир его времени никоим образом не помирится с его царством. И он принял относительно этого решение, с крайнею смелостью: оставив в стороне весь этот мир с сухим сердцем и с узкими предрассудками, он обратился к простым. Произойдет обширная перестановка в положениях. Царство Божие устроено: во 1-х, для детей и тех, кто походит на них; 2-х, для отверженных мира сего, жертв общественной спеси, отталкивающей человека хорошего, но низкого происхождения; 3-е, для еретиков и раскольников, мытарей, самарян, язычников Тира и Сидона. Энергическая притча поясняла этот призыв к народу и делала его законным: царь приготовил свадебное пиршество и послал своих рабов за гостями. Каждый отговаривается, некоторые обходятся дурно с посланными. Тогда царь принимает великое решение: люди, как следует, не захотели прийти на его зов; ну, что ж, нужды нет — гостями будут первые пришедшие люди, собранные на площадях и перекрестках, бедные, нищие, хромые; нужно наполнить залу. «Истинно говорю вам, — сказал царь, — что никто из тех приглашенных не вкусит от моего пиршества».

Итак, доктриною Иисуса был чистый эбионизм, т. е. учение, что бедные (эбионим) только одни будут спасены, и что царство бедных наступает. «Горе вам, богатые, — говорил он, — ибо вы имеете свою утеху. Горе

[1] Деян., IV, 32, 34-87. *(Перев.)*
[2] Матф., XII, 22; Лука, XII, 15 и сл. *(Перев.)*
[3] Матф., XIX, 21; Марк, X, 21 и сл.; 29-30; Лука, XII, 15 и сл. *(Перев.)*
[4] Иоанн, XII, 6. *(Перев.)*

вам, пресыщенным ныне, ибо вы взалкаете. Горе вам, смеющимся теперь, ибо вы будете стенать и плакать». «Когда ты делаешь пиршество, — говорил он еще, — не зови твоих друзей, родственников и богатых соседей, чтобы и они не позвали тебя когда-нибудь и ты не получил воздаяния. Но когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых; и тем лучше тебе, что они не могут воздать тебе: все воздастся в воскресение праведных». Быть может, в аналогичном смысле он часто повторял: «Будьте добрыми заимодавцами», т. е.: помещайте выгодно деньги на проценты для царства Божия, отдавая ваше добро бедным, соответственно старой пословице: «давать бедному, что — давать Богу».

Впрочем, это не было там новым явлением. Иудейскую расу уже давно волновало самое экзальтированное демократическое движение, о котором только сохранило воспоминание человечество (также единственное из удавшихся, так как только одно оно держалось в области чистой идеи). Мысль, что Бог есть мститель за бедного и слабого богатому и могущественному, находится на каждой странице писаний Древнего Завета. В истории Израиля народный дух господствовал постояннее всего. Пророки, настоящие трибуны и в известном смысле самые смелые из трибунов, беспрестанно гремели против великих и установили узкую связь, с одной стороны, между словами «богатый, нечестивый, жестокий, злой», а с другой, между словами «бедный, кроткий, смиренный, благочестивый». Так как при Селевкидах почти все аристократы отступили от веры и перешли в эллинизм, то эти ассоциации идей только укрепились. Книга Еноха содержит еще более резкие, чем в Евангелии, проклятия против мира богатых, могущественных. Роскошь там выставляется за преступление: «Сын человеческий» в этом странном откровении низлагает царей, отрывает их от сластолюбивой жизни и низвергает их в геенну. Приобщение Иудеи к языческой жизни, недавнее введение совершенно мирского элемента — роскоши и благосостояния, вызвало неистовую реакцию в пользу патриархальной простоты. «Горе вам, презирающим лачуги и достояние отцов ваших! Горе вам, строящим свои дворцы потом других! Каждый из камней, каждый из кирпичей, которые составляют их — есть грех». Слово «бедный» (эбион) сделалось синонимом «святого», «друга божия». Это было имя, которое галилейские ученики Иисуса давали себе охотно. Оно также долго было именем иудействующих христиан Батанеи и Хорана (назареи, евреи), оставшихся верными как языку, так и первоначальному учению Иисуса; они хвалились, что насчитывают в своей среде потомков его фамилии. Эти сектанты, жившие вне великого потока, который унес другие церкви, в конце второго века стали считаться еретиками (эбионитами) и для того, чтобы объяснить их название, изобретают мнимого ересиарха, Эбиона.

В самом деле, не трудно предвидеть, что это преувеличенное влечение к бедности не могло быть очень продолжительным. Это был один из тех утопических элементов, которые всегда примешиваются к великим основаниям и которые судит время. Перенесенное в широкую среду человеческого общества, христианство вскоре очень легко согласилось на принятие в свое лоно богатых, — так как, исключительно монашеский в своем начале, буддизм стал допускать мирян, как только сношения расширились. Но след их начал сохраняется всегда. Хотя эбионизм опередили и забыли, однако он оставил во всей истории христианских учреждений нетленные следы. Собрание речей Иисуса сложилось в эбионитской среде Батанеи. «Бедность» осталась идеалом, от которого истинное племя Иисуса более не удалялось.

Ничем не владеть — было истинным евангельским положением; нищенство сделалось добродетелью, святым состоянием. Великое и сознаваемое движение 13-го века, из всех попыток религиозного творчества наиболее похожее на галилейское движение, всецело совершилось во имя бедности. Франциск Ассизский — человек мирской, наиболее походивший на Иисуса по своей изысканной доброте и своему деликатному, тонкому и нежному обращению с мировою жизнью, был бедняком. Нищенствующие ордена и бесчисленные коммунистические секты средних веков (лионские бедняки, бегарды (begards), добрые люди, братчики (fratriceeles), униженные, евангельские бедняки, etc.), сгруппированные под знаменем «вечного евангелия», утверждали, что они ученики Иисуса, и на самом деле были ими.

Но на этот раз, самые невозможные грезы о новой религии были плодотворны. Благочестивое нищенство, так сильно раздражающее наши промышленные и административные общества, было, в свое время, под небом, ему соответствовавшим, полно очарования. Оно предлагало толпе созерцательных и тихих людей единственное состояние, которое могло им нравиться. Учитель, которым политическая экономия быть может и немного затронута, но перед которым истинный моралист не может оставаться равнодушным, сделал бедность предметом любви и желания, возвысил нищего над алтарем и освятил одежду человека из народа. Человечество, чтобы нести свой крест, нуждается в вере, что оно еще не вполне вознаграждено тем, что имеет. Самая большая услуга, какую только можно ему оказать, это — часто повторять, что оно живет не одним только хлебом.

Как все великие люди, Иисус питал расположение к народу и чувствовал себя с ним хорошо. Евангелие по своей идее создано для бедных; именно последним приносит оно благовестие о спасении. Все, презираемые правоверным иудейством, были любимцами Иисуса. Любовь к народу, сострадание к его немощи, чувство демократического вождя, который понимает, что в нем живет дух толпы и признает себя естественным ее истолкователем, обнаруживаются на каждом шагу у Иисуса в его действиях и речах. В самом деле, избранная толпа носила очень смешанный и сильно удивлявший ригористов характер. Она насчитывала в своей среде лиц, с которыми не знался уважающий себя иудей. Быть может, Иисус встречал в этом обществе, стоящем вне общих правил и законов, более уважения и сердечности, чем у педантической, ушедшей в обряды и гордящейся своею мнимою нравственностью буржуазии. Фарисеи, цитируя предписания Моисея, дошли до того, что считали себя оскверненными при общении с менее строгими, чем они, людьми. На пиршествах они почти доходили до ребяческой щепетильности индийских каст. Иисус, презирая эти жалкие заблуждения религиозного чувства, охотно обедал у тех, кто были жертвами последнего. Возле него, за столом, видели лиц, которые, как говорили, были дурной жизни, быть может, потому только, что они не разделяли странностей лживых ханжей. Фарисеи и книжники кричали о скандале: «Смотрите, — говорили они, — с какими людьми он ест». У Иисуса в таких случаях были тонкие ответы, раздражавшие лицемеров: «Не здоровые люди нуждаются во враче», или же: «пастух, потерявший одну овцу из ста, оставляет 99 других, чтобы бежать за потерянной, а когда он находит ее, то с радостью кладет на свои плечи»; или: «Сын человеческий пришел спасти погибших»; или еще: «Я пришел призвать не праведных, а грешных»; наконец, восхитительная притча о расточительном сыне, где согрешивший представлен как бы имеющим некоторую привилегию в любви над тем, кто всегда был праведным. Слабые или греховные женщины, очарованные этим и в первый раз встретившие отношения, полные прелести добродетели, охотно приближались к Иисусу. Удивлялись, что тот не отталкивал их. «О, — говорили пуритане между собою, — этот человек вовсе не пророк; ведь, если бы он был им, он хорошо заметил бы, что женщина, которая трогает его — грешница». Иисуса отвечал притчею об одном заимодавце, простившем своим должникам неравные долги, и Иисус не боялся отдать предпочтение жребию того, кому был прощен самый большой долг. Он оценивал состояние души только соразмерно с примешивающейся к ним любовью. Женщины с полным слез сердцем и расположенные самими своими ошибками к чувству смирения, были ближе его царству, чем посредственные натуры, которые часто имеют мало заслуги в том, что не грешили вовсе. С другой стороны, понятно, что эти нежные души, находя в своем вступлении в секту средство легкой реабилитации, страстно привязывались к Иисусу.

Иисус не только не стремился смягчить ропот, поднимаемый его презрением к современным общественным условностям, но, казалось, что он находил удовольствие возбуждать его.

Никогда более открыто не выражалось это презрение к «миру», которое служит условием великих дел и великой оригинальности. Он извинял богачу только тогда, когда тот вследствие какого-либо предрассудка пользовался в обществе дурною славой. Он предпочитал людей ничтожных и двусмысленной жизни правоверной знати. *«Мытари и блудницы, — говорил он последней, — будут идти впереди вас в царстве божьем: Иоанн пришел;* мытари и блудницы поверили в него, и вы, видевши это, не обратились». Понятно, как должен был быть жесток упрек в том, что они не последовали хорошему примеру, данному им дочерями радости, для людей, делающих профессию из важности и суровой морали.

У Иисуса не было никакой внешней аффектации, и он не выказывал строгости. Он не избегал радости и охотно *шел на свадебные увеселения. Одно из его чудес было совершено для оживления свадьбы в небольшом* городке. Свадьбы на Востоке происходят вечером. Каждый приносит лампу; двигающиеся взад и вперед огни производят очень приятный эффект. Иисус любил это веселое и оживленное зрелище и извлекал из него притчи. Когда сравнивали подобное поведение с поведением Иоанна Крестителя, то приходили в негодование. Однажды, когда ученики Иоанна и фарисеи соблюдали пост, Иисусу заметили. «Почему это когда ученики Иоанна и фарисеи постятся и *молятся, твои едят и пьют?» — «Оставьте их, — сказал Иисус, — как вы хотите заставить* сынов чертога брачного поститься, когда с ними жених? Придут дни, когда отнимется у них жених; и тогда они будут поститься». Его тихая веселость беспрестанно проявлялась в живых размышлениях и приятных шутках. «Кому подобны, — говорил он, — люди рода сего, и с кем я сравню их? Они подобны детям, сидящим на земле, которые говорят своим товарищам:

Вот мы поем,
А вы не пляшете.
Вот мы плачем,
А вы не плачете.

Иоанн пришел и не ел и не пил, и вы говорите: «это безумный»! Сын человеческий пришел и живет, как все, и вы говорите: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам. Истинно говорю вам, о мудрости судят только по ее делам».

Он проходил, таким образом, Галилею среди вечного праздника. Он пользовался лошачихой (une mule) этим добрым и верным верховым животным на Востоке, с большими ласковыми черными глазами, оттененными длинными ресницами. Его ученики несколько раз устраивали вокруг него сельский праздник. Для этого пользовались своими одеждами, которые заменяли ковры. Они клали их на везшую Иисуса лошачиху, или растягивали их на земле, по пути его проезда. Когда он входил в дом, то это было радостью и благословением. Он останавливался в местечках и крупных фермах, где его принимали с радушным гостеприимством. На Востоке, дом, в который приходит чужестранец, сейчас же становится общественным местом. Туда собирается вся деревня; туда вбегают дети; слуги удаляют их, но они постоянно являются вновь. Иисус не выносил, когда с этими наивными слушателями обращались сурово; он заставлял их подходить к себе и обнимал их. Матери, поощряемые таким приемом, приносили к нему своих питомцев, чтобы он коснулся их. Женщины возливали масло на его голову и благовоние на его ноги. Ученики Иисуса иногда отгоняли их, как слишком назойливых. Но Иисус, любивший старые обычаи и все, что указывает на простоту сердца, исправлял зло, причиненное слишком ревностными его друзьями. Он покровительствовал тем, кто желали почтить его. К тому же женщины и дети обожали его. Ввиду этого, наиболее частым упреком, с каким обращались к Иисусу его враги, было то, что он отдаляет от семейства эти нежные существа, всегда поддающиеся обольщению.

Таким образом, зарождавшаяся религия во многих отношениях была движением женщин и детей. Эти последние образовывали вокруг Иисуса как бы молодую гвардию для освящения его невинного царского сана. Они устраивали доставлявшие Иисусу большое удовольствие овации, называли «сыном Давида» и кричали «Осанна», нося вокруг него пальмы. Иисус был очень рад видеть, как эти юные апостолы, которые его не компрометировали, заходили вперед и облекали его титулами, которые он сам не решался принять. Он позволял называть себя ими, и когда его спрашивали, слышит ли он это, он уклончиво отвечал, что хвала, исходящая из юных уст, всегда приятнее для Бога.

Он не пропускал ни одного случая повторять, что дети — существа священные, что царство божие принадлежит им, и чтобы войти туда, нужно сделаться ребенком; что принимать его нужно, как дитя, что отец небесный, скрывая свои тайны от мудрых, объявляет их младенцам. Представление об учениках у Иисуса почти сливается с представлением о детях. Однажды, когда ученики затеяли одну из ссор из-за первенства, бывших довольно частыми, Иисус взял дитя, поставил среди них и сказал им: «Вот самый первый: кто кроток, как это дитя — тот самый больший в царстве небесном».

В самом деле, младенческое состояние в его божественной самопроизвольности, в его наивных радостных ослеплениях принимало владение землею. Никто ни на минуту не сомневался, что столь желанное царство уже появлялось. Каждый видел уже себя в нем, сидящем на троне рядом с учителем; там уже делились местами, пробовали высчитать дни. Это называлось «благовестием»; учение не имело другого названия. Старое слово рай, заимствованное еврейским языком, как и всеми языками Востока из Персии и обозначавшее сначала парки царей Ахеменидов, резюмировало всеобщую мечту: восхитительный сад, где вечно продолжалась очаровательная жизнь, которую вели на земле. Как долго продолжалось это очарование? — Не известно. Никто в течение этого волшебного момента не измерял времени, как не измеряют мечту. Время остановилось; неделя была как бы веком. Но пусть это продолжалось только годы или месяцы, — греза была так прекрасна, что человечество жило потом ею, и наше утешение еще заключается в том, чтобы собирать ослабевшее благоухание. Никогда еще такая радость не вздымала человеческой груди. В этом, самом энергическом из усилий, сделанных человечеством, чтобы подняться над своей планетой, была забыта на мгновение тяжесть, приковывающая человечество к земле, и печали земной жизни. Счастлив тот, кто собственными глазами мог видеть этот божественный расцвет и разделить — хотя бы только на один день, — эту несравненную иллюзию! Но еще блаженнее тот, сказал бы нам Иисус, кто, освободившись от всякой иллюзии, воспроизвел в самом себе это небесное явление и, без фантастической грезы, без химерического рая, без небесных знамений, одною лишь правотой своей воли и поэзией своей души, сумел снова создать в своем сердце царство божие!

Продолжение следует.

6—9 июня 1988 года в Троице-Сергиевой Лавре состоялся Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный 1000-летию Крещения Руси, на котором «к лику святых угодников Божиих для всероссийского церковного почитания» были причислены

Великий князь Московский Димитрий Донской (1350—1389) День памяти — 19 мая;
преподобный Андрей Рублев (1360—1-я пол. XV в.). День памяти — 4 июля;
преподобный Максим Грек (1470—1556). День памяти 21 января;
митрополит Московский и всея Руси Макарий (1482—1563). День памяти — 30 декабря;
схиархимандрит Паисий Величковский (1722—1794). День памяти — 15 ноября;
блаженная Ксения Петербургская (XVIII — нач. XIX в.). День памяти — 24 января;
епископ Игнатий Брянчанинов (1807—1867). День памяти — 30 апреля;
иеросхимонах Амвросий Оптинский (1812—1891). День памяти — 10 октября;
епископ Феофан Затворник (1815—1894). День памяти — 10 января.

Судьба каждого из них — это разные грани духовной жизни России, ее внутренних поисков и свершений. В новой рубрике «Жития святых» редакция «Слова» намерена знакомить читателей с этими выдающимися личностями, причисленными уже в наше время к лику святых. Начинаем же мы, как и ведется в святках, с Игнатия Брянчанинова, день памяти которого приходится на 30 апреля, — монаха, подвижника и духовного писателя, современника А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. И. Глинки, К. П. Брюллова.

Текст жития (в сокращении) публикуется по изданию: Канонизация святых. Общая редакция Митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Издание Московской Патриархии, 1988.

ЕПИСКОП ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ

Святитель Игнатий (в миру Димитрий Александрович Брянчанинов) *родился 5 февраля 1807 года в селе Покровском* Грязовецкого уезда Вологодской губернии.

Отец святителя, Александр Семенович, принадлежал к старинной дворянской фамилии Брянчаниновых. Родоначальником ее был боярин Михаил Бренко, оруженосец великого князя Московского Димитрия Иоанновича Донского. Летописи сообщают, что Михаил Бренко был тем самым воином, который в одежде великого князя и под княжеским знаменем геройски погиб в битве с татарами на Куликовом поле.

Мать епископа Игнатия была образованная интеллигентная женщина. Выйдя весьма рано замуж, она всецело посвятила свою жизнь семье.

Димитрий рано научился читать. Его любимой книгой была «Училище благочестия». Это книга, простым и ясным языком рассказывающая о жизни и подвигах древних подвижников, оказала большое влияние на впечатлительную душу будущего подвижника.

Когда Димитрию исполнилось 15 лет, отец повез его в Петербург... В Петербурге молодой Брянчанинов блестяще сдал вступительные экзамены в Военное Инженерное училище и при значительном конкурсе первым был зачислен сразу же во 2-й класс... В годы учения Димитрий Александрович был желанным гостем во многих великосветских домах. Родственные связи ввели его в дом президента Академии художеств и члена Государственного Совета Алексея Николаевича Оленина. В его доме на литературных вечерах Брянчанинов был любимым чтецом и декламатором, а своим литературно-поэтическим дарованием он приобрел внимание А. С. Пушкина, И. А. Крылова, К. Н. Батюшкова и Н. И. Гнедича.

Светское общество заманчиво распростирало навстречу Брянчанинову свои объятия, но не смогло уловить его. Не мирскими развлечениями, а молитвой, посещением храма Божия и изучением наук был занят пытливый юноша. Более двух лет провел он в усердном изучении наук, и вот, когда перед взором ума его открылась обширная область эмпирических знаний человеческих, когда изучил он химию, физику, философию, географию, геодезию, языкознание, литературу и другие науки, он поставил перед собой вопрос: что, собственно, дают

науки человеку? «Человек вечен и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, — говорит он, — которую я мог бы взять с собою за пределы гроба!» Но «науки молчали».

В это время искатель истины познакомился с монахами Валаамского подворья и Александро-Невской Лавры. Они-то и помогли найти то, к чему стремилась его душа.

Под руководством иноков Димитрий Александрович начал читать творения святых отцов. Вот как сам он пишет о том благодатном влиянии, которое произвели на него святоотеческие творения: «Что прежде всего поразило меня в писаниях отцов Православной Церкви? — Это их согласие, согласие чудное, величественное»...

Окончив Инженерное училище в 1826 году в чине поручика, Димитрий Александрович, желая уйти в монастырь, сразу, в том же году, подал прошение об отставке. Но здесь ему пришлось вступить в единоборство со многими «сильными мира сего» и «показать пример непоколебимого мужества, доблести мученической, прямого исповедничества». Родители категорически отказались благословить его на путь иноческой жизни. Начальство отказало ему в отставке. Сам император Николай I был против его увольнения.

Но когда в жизненной борьбе бывают бессильны собственные силы подвижника, ему на помощь приходит Сам Бог и Своим премудрым Промыслом устрояет все ко благу.

В Динабурге Брянчанинов скоро заболел, а осенью 1827 года было принято его прошение об освобождении от светской службы. Димитрий Александрович сразу же воспрянул духом; он уехал в Александро-Свирский монастырь Олонецкой губернии к старцу иеромонаху Леониду и вступил в число послушников этого монастыря. Однако вскоре иеромонах Леонид был вынужден переселиться в Площанскую пустынь Орловской губернии, а затем в Оптину пустынь. За ним последовал и Димитрий Брянчанинов. Не долго пробыл послушник и в Оптиной пустыни. Скудная пища этой прославленной впоследствии обители плохо отразилась на его здоровье...

...В скором времени он удалился в Кирилло-Новоезерский монастырь. В этой обители жил на покое известный своею святою жизнью архимандрит Феофан. Строгий устав обители был по душе послушнику Димитрию, но суровый, сырой климат местности отрицательно повлиял на его здоровье. Он заболел лихорадкой и для лечения был вынужден вернуться в Вологду и остановиться у своих родственников. Несколько окрепнув, он с благословения Вологодского епископа Стефана жил в Семигородской пустыни, а затем — в более уединенном Дионисиево-Глушицком монастыре.

Годы, проведенные в перечисленных монастырях, обогатили его духовной мудростью, укрепили его преданность воле Божией.

В 1831 году, Вологодский епископ Стефан, видя пламенную ревность послушника Димитрия, решил исполнить желание его сердца: 28 июня он совершил постриг Димитрия в монашество в кафедральном Воскресенском соборе и нарек его Игнатием, в честь священномученика Игнатия Богоносца. Тому, кто от юности своей носил Бога в своем сердце, приличнее всего было это имя.

4 июля того же года монах Игнатий был рукоположен епископом Стефаном во иеродиакона, а 25 июля — во иеромонаха.

Видя духовную зрелость иеромонаха Игнатия, епископ Стефан назначил его вскоре настоятелем и строителем Пельшемского Лопотова монастыря.

За усердные труды по возрождению обители иеромонах Игнатий был возведен в сан игумена.

В это время о его деятельности стало известно в Петербурге. В конце 1833 года он был вызван в столицу и ему поручили в управление Троице-Сергиеву пустынь, с возведением в сан архимандрита.

Троице-Сергиева пустынь была расположена на берегу Финского залива близ Петербурга. Ко времени назначения в нее архимандрита Игнатия она пришла в сильное запустение. Храм и кельи пришли в крайнюю ветхость. Немногочисленная братия (15 человек) не отличались строгостью поведения. Двадцатисемилетнему архимандриту пришлось перестраивать все заново: храмы, корпуса; заводить сельское хозяйство; он упорядочил богослужение в обители, создал прекрасный хор.

С 1836 по 1841 год известный церковный композитор протоиерей Петр Иванович Турчанинов проживал рядом с Сергиевой пустынью — в Стрельне. Глубоко уважая отца Игнатия, он откликнулся на его просьбу и взял на себя труд обучения монастырского хора. Несколько лучших своих музыкальных произведений отец Петр Турчанинов написал специально для этого хора.

Великий русский композитор М. И. Глинка тоже был глубоким почитателем архимандрита Игнатия; по его просьбе он занимался изучением древней русской музыки и своими советами способствовал повышению музыкальной культуры хора обители...

Имя архимандрита Игнатия знали во всех слоях общества. Весьма со многими духовными и светскими лицами отец Игнатий переписывался. Так, Н. В. Гоголь в одном из своих писем с большим уважением отзывается об отце Игнатии. Известный адмирал Нахимов — герой Крымской войны с благословением принял икону святителя Митрофана Воронежского, присланную ему в Севастополь архимандритом Игнатием. Замечательно его письмо к русскому художнику К. П. Брюллову.

Всего в настоящее время известно более 800 писем епископа Игнатия. В письмах как-то живее раскрываются качества души архимандрита Игнатия: его необычайная благостность, духовная рассудительность, глубокое и правильное понимание современной ему жизни...

В 1857 году, по представлению Петербургского митрополита Григория, архимандрит Игнатий был посвящен во епископа Кавказского и Черноморского... Но тяжкая болезнь не покидала епископа Игнатия и на Кавказе, и летом 1861 года он подал прошение уволить его на покой в известный ему уже Николо-Бабаевский монастырь. Через несколько месяцев просьба была удовлетворена...

И вот потекли годы уединенной жизни в малоизвестной обители...

Природный ум и практичность Владыки позволили ему в короткий срок улучшить материальное положение обители и произвести капитальный ремонт зданий и построить новый храм в честь Иверской иконы Божией Матери.

В свободное время святитель занимался пересмотром своих прежних сочинений и написанием новых. В Николо-Бабаевском монастыре святитель Игнатий написал «Приношение современному монашеству» и «Отечник». Множество назидательных писем его относится к этому периоду.

Наступил 1866 год, печатались 3-й и 4-й тома его творений. Сам же епископ Игнатий настолько ослабел, что все приезжавшие к нему поражались, видя его. Но духом Владыка был бодр, он ждал смерти, ибо всю жизнь посвятил на служение Христу, и жизнь для него была Христос, а смерть — приобретение...

16 апреля 1867 года в первый день Пасхи, Владыка с большим трудом отслужил последнюю литургию. Больше уже он не выходил из келии, силы его заметно слабели.

Кончина епископа Игнатия последовала в воскресенье, 30 апреля, в Неделю жен-мироносиц...

На погребении святителя Игнатия присутствовало 5000 человек.

Служение епископа Игнатия словом назидания не прекратилось с его кончиной. Учение святителя о духовной жизни христианина, изложенное им в его творениях, служит спасению христиан всех последующих поколений. Многочисленные издания творений Владыки Игнатия быстро расходились по обителям и частным лицам, по лицу всей Русской земли...

Епископ Игнатий канонизован за святость жизни, которая раскрывается в его творениях, написанных в духе подлинного Православного святоотеческого Предания. Они продолжают и ныне действенно оказывать свое благотворное влияние на всех ищущих пути христианского спасения.

Кладбище

После многих лет отсутствия посетил я то живописное село, в котором родился. Давно — давно принадлежит оно нашей фамилии. Там — величественное кладбище, осеняемое вековыми древами. Под широкими развесами дерев лежат прахи тех, которые их насадили. Я пришел на кладбище. Раздались над могилами песни плачевные, песни утешительные священной панихиды. Ветер ходил по вершинам дерев; шумели их листья; шум этот сливался с голосами поющих священнослужителей.

Услышал я имена почивших — живых для моего сердца. Перечислялись имена: моей матери, братьев и сестер, моих дедов и прадедов отшедших. Какое уединение на кладбище! Какая чудная, священная тишина! Сколько воспоминаний! Какая странная, многолетняя жизнь! Я внимал вдохновенным, божественным песнопениям панихиды. Сперва объяло меня одно чувство печали; потом оно начало облегчаться постепенно. К окончанию панихиды тихое утешение заменило собою глубокую печаль: церковные молитвы растворили живое воспоминание о умерших духовным услаждением. Они возвещали воскресение, ожидающее умерших! Они возвещали жизнь их, привлекали в этой жизни блаженство.

Могилы праотцов моих ограждены кругом вековых дерев. Широко раскинувшиеся ветви образовали сень над могилами: под сенью покоится многочисленное семейство. Лежат тут прахи многих поколений. Земля! Земля! Сменяются на поверхности твоей поколения человеческие, как на деревьях листья. Мило зеленеют, утешительно; невинно шумят эти листочки, приводимые в движение тихим дыханием весеннего ветра. Придет на них осень: они пожелтеют, спадут с дерев на могилы, истлеют на них. При наступлении весны другие листочки будут красоваться на ветвях, и также — только в течении краткой чреды своей, также увянут, исчезнут.

Что наша жизнь? Почти то же, что жизнь листка на древе!

20 мая 1844 года. Село Покровское, Вологодской губернии.

К. П. Брюллову

27 апреля 1847

Дорогой мой Карл Павлович! С сердечным прискорбием услышал я о постигшей вас болезни. Так далеко я от вас и не могу посетить вас, чего бы так желала душа моя! Надеюсь к 1 июня приехать в Петербург: после необходимых явок к начальству, постараюсь непременно посетить вас. Я лечусь, очень слаб и до сих пор еще не выходил из комнаты. Сидя писать не могу, я пишу, лежа на постели, и потому пишу карандашом. Всегда я принимал в вас сердечное участие. Душа ваша представлялась мне одиноко странствующею в мире. Так странствую и я, окруженный с младенчества бедствиями. Около меня сформировался круг друзей, искренне меня любящих, но еще не встречался я с душою, пред которою мог бы я вполне открыться. И это не от того, чтобы я был скрытен; нет, я очень откровенен, но душа, пред которою я мог бы открыться с истинною пользою, должна быть способна понять меня, — должна постичь самое вдохновение мое, если есть во мне какое вдохновение. Без этого откровенность безплодна. Мало этого, откровенность перед непонимающим только наносит новую язву. В моем земном странничестве и одиночестве нашел я пристань верную — истинное Богопознание. Не живые человеки были моими наставниками, ими были почившие телом, живые духом святые отцы. В их писании нашел я Евангелие, осуществленное исполнением; они удовлетворили душу мою. Оставил я мир, не как односторонний искатель уединения или чего другого, но как любитель высшей науки; и эта наука доставила мне все: спокойствие, хладность ко всем земным пустякам, утешение в скорбях, силу в борьбе с собою, — доставила друзей, доставила счастье на земле, какого почти не встречал. Вы знаете, как я живу в монастыре! Не как начальник, а как глава семейства. — Несколько лет, как расстроилось мое здоровье. По месяцам, по полугодам не выхожу из комнаты; но религия вместе с этим обратилась для меня в поэзию и держит в непрерывном чудном вдохновении, в беседе с видимым и невидимым мирами, в несказанном наслаждении. Скуки я не знаю; время сократилось, понеслось с чрезвычайною быстротою, — как бы слилось с вечностию; вечность как бы уже наступила. Тех, которых угнетает скорбь, пригоняет к моей пристани, приглашаю войти в мою пристань, в пристань Божественных помышлений и чувствований. Они входят, отдыхают, начинают вкушать спокойствие, утешение, и делаются моими друзьями. Вашей душе надо войти в эту пристань! Она слышит по какому-то тайному предчувствию, что ей суждено найти успокоение в этой пристани; а сердце мое к вам отворено, давно отворено. Давно видел я, что душа ваша в земном хаосе искала красоты, которая бы ее удовлетворила. Ваши картины — это выражения сильно жаждущей души. Картина, которая бы решительно удовлетворила вас, должна бы быть картиною из вечности. Таково требование истинного вдохновения. Всякая красота, и видимая и невидимая, должна быть помазана Духом, без этого помазания на ней печать тления; она (красота) помогает удовлетворить человека, водимого истинным вдохновением. Ему надо, чтобы красота отзывалась жизнию, вечною жизнию. Когда же из красоты дышет смерть, он отвращает от такой красоты свои взоры. Поправляйтесь, дорогой мой Карл Павлович! Желаю по приезде моем увидеть вас здоровым, укрепившимся. Еще надо бы пожить, пожить для того, чтоб ближе ознакомиться с вечностию, чтоб пред вступлением в нее стяжать для души вашей красоту небесную — в душе вашей всегда было это высокое стремление. Объятия Отца Небесного всегда отверзты для принятия всякого, кто только захочет прибегнуть в эти святые, спасительные объятия. Прощайте; до свидания, которого жажду. Архимандрит Игнатий.

Авторская орфография сохранена полностью.

О книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»

С благодарностию возвращаю вам книгу, которую вы мне доставляли. Услушьте мое мнение о ней. Виден человек, обратившийся к Богу с горячностию сердца. Но в деле религии этого мало. Чтоб она была истинным светом собственно для человека и издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходимо нужна в ней определительность. Определительность заключается в точном познании Истины, в отделении Ее от всего ложного, от всего кажущегося истинным. Это сказал сам Спаситель: *Истина свободит вас*. В другом месте Писания сказано: *Слово Твое Истина есть*. Посему желающий стяжать определенность глубоко вникает в Евангелие и по учению Господа выправляет свои мысли и чувства. Когда человек совершит этот труд, тогда он возможет отделить в себе правильные, добрые мысли и чувствования от поддельных, мнимо правильных и добрых. Тогда человек вступает в чистоту, как и Господь после Тайной Вечери сказал ученикам своим, образованным уже учением Истины: *Вы чисти есте за слово, еже рех вам.*

Но одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, — чтобы светил фонарь, недостаточно чисто вымытых стекол, нужно, чтоб внутри его зажжена была свеча. Так сделал Господь с учениками своими. Очистив их истиною, Он оживил их Духом Святым, — и они сделались светом для человека. До принятия Духа Святого Апостолы не были способны научить человечество, хотя уже и были чисты.

Такой ход должен совершиться с каждым христианином, христианином на самом деле, а не по одному имени: сперва очищение Истиною, а потом просвещение Духом. Правда, есть у человека врожденное вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает это вдохновение, как смешанное, умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его в обновленном состоянии. Если же человек прежде очищения Истиною будет руководствоваться своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для

других не чистый свет, но смешанный, обманчивый, потому что в сердце его живет не простое добро, но добро смешанное со злом более или менее. Всякий взгляни в себя и поверь сердечными опытами слова мои! — Они точны и справедливы, скопированы с самой натуры.

Применив эти основания к книге Гоголя, можно сказать, что она издает из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетливого, душевного, и не духовного. Он писатель, а в писателе непременно *от избытка сердца уста глаголют*, или: сочинение есть непременная исповедь сочинителя, по большей части им непонимаемая, а понимаемая только таким христианином, который возведен Евангелием в отвлеченную страну помыслов и чувств и в ней различил свет от тьмы: книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы Истины. Тут смешение: тут между многими правильными мыслями много неправильных

Желательно, чтоб этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу Истины, где начало всех духовных благ.

По этой причине советую всем друзьям моим заниматься по отношению к религии единственно чтением Святых Отцов, стяжавших очищение и просвещение по подобию Апостолов, потом уже написавших свои книги, из которых светит чистая Истина и которые читателям сообщают вдохновения Святаго Духа. Вне этого пути, сначала узкого и прискорбного для ума и сердца, — всюду мрак, всюду стремнины и пропасти! Аминь.

О покаянии

Покаяние есть первая новозаветная заповедь; покаяние есть начальная новозаветная добродетель, вводящая во все прочие христианские добродетели. И Предтеча Спасителя и Сам Спаситель начали проповедь к падшему человечеству и призвания его к покаянию и обетования Небесного Царства за удовлетворительное покаяние. Покайтеся: приближися бо царство небесное.

Непостижимый Бог, по сотворении человека, даровав ему все средства к сохранению жизни, предоставил избрание жизни или смерти его свободному произволению: точно так и при искуплении непостижимый и в благости и в разуме Своем Бог, совершив искупление, предоставил нашему произволению принятие или отвержение искупления. Он предварительно вложил в нас естественное свойство покаяния: то средство, которое мы употребляем для уничтожения вражды и восстановления мира между собою, Он восхотел употребить в средство уничтожения вражды и восстановления мира между Богом и человечеством, между отверженным и погибшим созданием и его всемогущим Создателем. *Покайтеся!* говорит Он человечеству, призывая человечество к Себе. Спасение ваше совершено Богом: смерть ваша попрана и умерщвлена Богом, без всякого вашего участия, содействия, труда: произвольно отвергните смерть, принятую вами произвольно! произвольно примите блаженную вечную жизнь, отвергнутую вами произвольно! употребите для этого благовременно вложенное в вас свойство покаяния, свойство, вполне зависящее от вашего произволения! Ничего тяжкого и нового не возлагается на вас: способ примирения между собою употребите в способ примирения с Богом...

О живописи церковной

...Я увидел не иконы нашей Православной Церкви, но карикатуры икон. Словно — если б певец с италианской сцены начал петь на свой лад с излиянием романтического чувства нашу величественную Херувимскую Песнь... Иконописец должен твердо знать догматы православной Церкви и вести жизнь глубоко благочестивую, потому что назначение иконы — наставлять народ изображениями. Посему иконы должны сообщать понятия истинныя, чувствования благоговейныя, точно-благочестивыя. В противном случае икона будет действовать так, как бы действовал с кафедры проповедник, зараженный лжеучением или с одними познаниями литературными без познаний богословских... Согласитесь! Сколько должно страдать сердце, самые глаза истиннаго сына Православной Восточной Церкви, когда он видит на местах, принадлежащих святым иконам — лишь картины, часто прекрасной кисти, но почти всегда чуждой Богословскаго познания и чувства

Из писем С. П. Титовой

8 октября 1843 года

...Занимающийся размышлениями о высоких предметах не может избежать заблуждения и, проведя, по мнению своему, духовную жизнь, будет далеко отстоять от пути спасения. Менее полезно узнать подробно небо и землю, чем познать свои недостатки и согрешения. Это последнее знание столько полезно, вместе столько высоко, что оно есть дар благодати, ниспосылаемой Богом, и испрашивается молитвою. Человек собственными усилиями не может войти в это знание. Собственное усилие нужно, как свидетельство искренности желания получить от Бога знание... Вы больны. Подобает тому, кто хочет приблизиться к Богу, пройти душою и телом сквозь многия скорби и болезни. Говорите болезням вашим: «Придите, Богом посылаемыя, помучьте грешное тело, пожгите его, потерзайте его за те беззакония, коих жилищем оно было!»...

Вся наша жизнь должна состоять из покаяния: ибо мы дотоле вне истины, доколе не вполне во Христе, чего ожидать можем только после смерти. Чем больше погружаемся в покаяние, тем более находим, что мы далеки от Пресвятаго и Пречистаго. Кто весь очернен, тот не видит на себе ни одного пятна.

Из писем к брату, П. А. Брянчанинову

23 мая 1864 года

...Очевидно, что христианство — это таинственный духовный дар человекам удаляется неприметным образом для невнимающих своему спасению из общества человеческаго, пренебрегшаго этим даром. Надо увидеть это, чтобы не быть обманутым актерами и актерством благочестия; увидев, надо отвратить взоры от грустнаго зрелища, чтоб не подвергнуться пороку осуждения ближних, надо обратить взоры на самих себя, позаботиться о собственном спасении, т. к. милость Божия еще дарует возможность спастись тем, которые произволяют спастись.

25 марта 1865 года

...В подарок посылаю тебе одно из изречений преподобнаго Пимена Великаго, великаго делателя умной молитвы. Предостерегая учеников своих от козней диавольских, он говорит: «Все, что превыше меры, — от бесов». Познается же приносимое бесами по смущению этому непременному и неизбежному плоду их действия. В умном делании, в самом покаянии, должно избегать чрезмерности. Надо делать в великой тихости. Правильность такого делания свидетельствуется миром, приносимым душе...

БИБЛИОГРАФИЯ

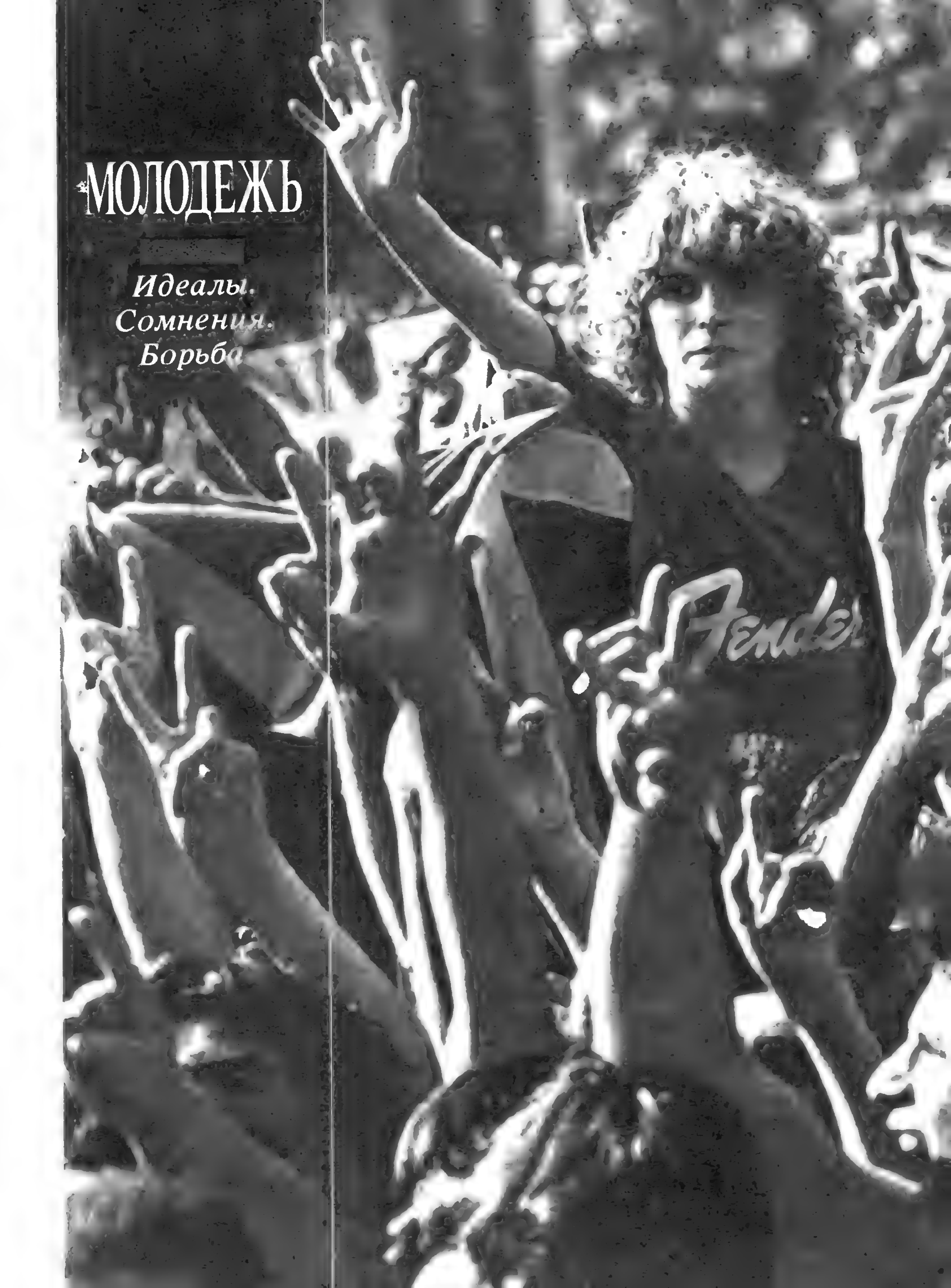
СОЧИНЕНИЯ ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА. Т. 1—3. Аскетические опыты. Изд. 3-е. Спб., 1905

СОЧИНЕНИЯ ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ БРЯНЧАНИНОВА. Т. 4. Аскетическая проповедь и письма к мирянам. Изд. 3-е. Спб., 1905

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЕПИСКОПА ИГНАТИЯ, СОСТАВЛЕННОЕ ЕГО УЧЕНИКАМИ. Спб., 1881.

Соколов Леонид. ЕПИСКОП ИГНАТИЙ БРЯНЧАНИНОВ. Его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. Ч. 1—2. Киев, 1915.

Приложение к работе иеромонаха Марка (Лозинского) «Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия Брянчанинова». Т. 1—6. Полное собрание писем епископа Игнатия. Материалы к биографии епископа Игнатия. Загорск, МДА, 1967.

МОЛОДЕЖЬ
Идеалы.
Сомнения.
Борьба
Fender

Сколько лет, сколько сил было потрачено, чтобы доказать недоказуемое: нет, не может быть в нашем социалистическом обществе никакой такой проблемы «отцов и детей». Не могли «крестные отцы» застоя допустить даже этого, во все времена и у всех народов существовавшего инакомыслия. Напрочь вычеркнули его, утверждая лишь собственные идеологические догмы да право на энтузиазм и романтику «пыльных шлемов» и «пыльных тропинок далеких планет». Но все это тоже — под руководством, под предводительством тех же самых комсомольских и партийных функционеров, которые и привели страну к экономическому и духовному краху.

Для молодежи 60—70-х это был не просто застой, стагнация, а паралич мысли, паралич воли, паралич веры. Целые поколения вырастали парализованными, лишенными «энергии заблуждения» (Л. Толстой), вечных поисков, вечных ошибок, без которых не может быть ни молодости, ни развития, ни движения как такового. Здесь, как и во многом другом, был нарушен основной закон диалектики — борьба противоположностей, отрицание отрицания, известный, впрочем, не только по Гегелю и Марксу, но и по народным пословицам, гласившим:

Человек два раза глуп живет: стар да мал.

И стар, да петух, и молод, да протух.

Старые дураки глупее молодых.

От старых дураков молодым житья нет.

Молодость не без глупости, старость не без дури.

Молод не добесится, так стар с ума сойдет.

Только сейчас, наученные горьким опытом, мы вроде бы начинаем осознавать, что молодость, как и саму жизнь, невозможно лишить ее противоречий и «глупостей», что она должна «добеситься». Да только много ли проку в таком запоздалом знании! И значит ли это, что отцы и дети вообще никогда не смогут найти общего языка, между ними невозможен диалог, спор, который вели Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Толстой...

Эту прерванную традицию русской культуры нам бы и хотелось возродить на страницах «Слова», начав со статьи выдающегося русского философа Василия Васильевича Розанова (1856—1919), обратившегося к молодежи со своими раздумьями в 1906 году, как в наше время с «Письмом молодым людям России» обратился Первоиерарх Православной Церкви Русского Зарубежья митрополит Виталий (см. «Литературная Россия», 1989, № 52). Более восьми десятилетий отделяют эти два обращения к молодежи, но мысли и тревоги — общие. Оба они — и философ В. В. Розанов, и митрополит Виталий — говорят о судьбах революции и России. Но В. В. Розанов — после русской революции 1905 года, а митрополит Виталий — после всего того, что Розанов не мог ни видеть, ни предвидеть. «Злые силы, — пишет митрополит Виталий о нашем времени, — столько потрудились, чтобы сокрушить Православную русскую державу, что для них возрожденная Россия — это ночной кошмар с холодным, ледяным потом», и добавляет уже не о прошлом, а о настоящем: «Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит Россия. Это почище Наполеона, Гитлера».

Десятилетиями от молодежи утаивался подобный взгляд на судьбы России. Десятилетиями молодежь была отлучена от русской философской и исторической мысли, спрятанной в спецхранах, оклеветанной, ошельмованной. И все это продолжается по сию пору, но теперь уже не запретами, а гласно, с помощью могущественных средств массовой информации, ставших средствами массовой дезинформации. А потому, отказавшись от дальнейшей публикации «Рок-энциклопедии» (это был, возможно, один из самых легких путей поднятия тиража журнала нашими коллегами-предшественниками), нынешняя редакция не отказывается от самого диалога о проблеме «отцов и детей».

Наш новый раздел «МОЛОДЕЖЬ. Идеалы. Сомнения. Борьба» предполагает более широкую программу духовного просвещения молодых людей и духовного диалога. Он будет вбирать проблемы культурные, исторические, эстетические и религиозные, которыми болеет молодежь нашего времени. Мы приглашаем Вас, наши читатели, и старшие, и молодые, и юные, высказать свои предложения, которые, несомненно, помогут становлению нового раздела.

В. РОЗАНОВ

Ослабнувший

фетиш

«Революция не получила бы отдельного имени своего и в истории не было бы самого явления, обозначаемого этим именем, если бы то, что мы именуем «историческим прогрессом», «улучшением жизни обществ» и проч., было продуктом исключительно давления разума на жизнь, подчинения действительности «разумным, справедливым и основательным доводам». Я хочу сказать, что в то время, как мирная жизнь и улучшения в ней в мирные времена действительно сводится почти к идейной борьбе программ, к критике и критике, до некоторой степени — к науке и науке, будет ли она именоваться «политическою экономией» или «политикою», — эпоха революции смешивает все эти элементы в чрезвычайный хаос, где наука и экономика есть, но уже не господствуют, где есть и «программы» как верстовые столбы, как адресы на письме: но не они образуют «пафос» революции, который есть и составляет в ней самое главное, без чего она никогда не возникла бы. Все это именно только «адресы», а не самое письмо страстного тона, иногда мучительного, кровавого смысла, только «верстовые столбы» с надписями, и не самая «путь-дороженька» истории, которая богата, как природа, вьется в лесах и взбегает в горы и, словом, нимало не походит на пятиаршинный столб с дощечкой. В грозе, конечно, есть только то, что раньше было в облаке: пар, воздух, ветер два вида электричества. Но явление грозы глубоко новое, сравнительно с облаком. Она потрясает. Она очищает воздух. Убивает, оживляет. С нее рисуют картину, об ней пишут стихи, ее боятся, на нее любуются. Она есть космическое художество, в ней есть «душа», «психея» какая-то, какой, конечно, мы не найдем в человеческом существе: но, ведь, для чего же «душу» сливать с «фигуркой маленького человечка с крылышками»?! Она также может быть представлена вот и в форме этих рвущихся клоков тумана, как, впрочем, и в тысяче других фигур или символов, если вообще последние допустимы. И революция такое же явление грозы, с особой в ней «психеей»: она «сказала свое слово», и — умерла, когда дело переходит к парламенту и борьбе его групп, переходит от страны к «партиям» и даже только вождям партий; когда логика, разум и наука облекают в порфиру и корону титана и дикаря, который расчистил для них место.

Вот отчего, когда в настоящее время раздаются крики: «это безумие» или «это было смешно» — то это были бы очень мудрые крики в другое время, а сказанные в применении к теперешнему движению в России они совершенно бессильны, ничего не определяют и ничего не выражают; ни на кого не действуют. Возможно, что в России никакой «революции» и нет (я этого, однако, не думаю): но если она есть, т. е. есть все ее залоги, все накопленные элементы и, словом, она «идет» или «начинается», то именно кульминационные ее моменты будут совершенно лишены всякой мысли, всякого почти логического содержания, и именно они-то и будут самыми благотворными, священными ее частицами, которые залягут, как некая «непостижимая и святая евхаристия» в огромное тело последующего государственного строя и свободного развития. Чем более мы их примем, этих «частиц», тем глубже переработается государственный и общественный строй, тем менее сохранится от скелета умирающего режима: хотя, будьте уверены, от него сохранится еще страшно много, он, по окончании революции, выплывет почти весь наверх, как тонувший и недотонувший утопленник. Но его оставим в покое, с ним еще будет возиться второе и третье поколение после нас. Мы говорим только о революции. Ближайшие возбудители ее, конечно, суть материальные нужды: голод, рабство, угнетение, в частности — ход и неудачи японской войны. Но все это только «спуск курка» и, самое большее, — зажигающий пистон. Дело в порохе и его составе. Революция живет не в одном голодном и не в одном обиженном. На обиженного ссылаются, на голодного указывают; самое большее — берут их силы во вспоможение себе. И вот эти люди, которые «берут себе» в помощь или оправдание голод, нужду и рабство — и суть истинные «духи» революции, ее «гении», больших и малых размеров — это все равно, ибо ведь и лес наполнен не верстовой фигурой одного «лесовика», а и маленькими эльфами, которые составляют фантастику и поэзию леса, и «сказке» не быть бы без них. Настоящие двигатели революции — не один голод черных фабрик, нужда в земле народа, «безобразия», вскрывшиеся в войне. Все это есть, все это движет, все это фундамент. Но все это — не архитектура. «Архитекторы» революции — совершенно обеспеченные, во всяком случае достаточно обеспеченные люди, но с «священным безумием» в себе, — испортившие, безнадежно испортившие свою биографию, сломавшие свой быт, семью, вышедшие из своего сословия «фантасты», — ну вот как кн. Кропоткин, переехавший в Париж, как идеалист Кравчинский, живший в Лондоне, как Дебогорий-Мокриевич, — написавший свои удивительные мемуары. Я сказал — «изломавшие свою биографию»: но ведь уже Мудрейший на земле сказал: «нельзя воскреснуть, не умерев», «ничто не может принести плода, что не похоронило себя в землю». Эти «выскочившие из своей биографии люди» суть в то же время «герои, вошедшие в историю», — о, в ненаписанные, темные ее страницы, которые может быть и есть самые священные. Где-нибудь схвачен, расстрелян «карательной командой». Только имя осталось, голый звук; через день и оно пропадет. А сколько быть может было здесь энтузиазма, — этот энтузиазм скольких зажег! и, вообще, в какое сочетание психологии вплелся. В теперешние дни «усмирения мятежа»[1] и закладываются все зерна событий 1907 года, которых может быть и не наступило бы, была бы пустыня на их месте, выплыл бы «утопленник» и уже распоряжался действительностью: но «не быть бы счастью, да несчастье помогло». 1907 год уже получил себе «должность, жалованье и мундир» в этих вот «карательных командах», которые, можно сказать, расправляются с провиденциальною жестокостью и являют какой-то «пир во время чумы», дабы «пирующие» через год-два увидели настоящую «чуму» у себя в гостях. Как начало и ход японской войны был изумительно провиденциален, минутами волшебен (смерть Витгефта, Рождественский в Цусиме), так этот местами волшебный, фосфористый свет получают и события революции. И она будет также исключительна, нова и чревата последствиями, как эта «вводная» война, собственно лишь «пролог» и толчок к великой внутренней драме России.

Не говоря о революционных движениях 30-го и 48-го годов, которые буквально были «происшествиями» нескольких улиц, даже и великая французская революция была все-таки произведена Парижем и совершилась в Париже. В теперешнем движении России в революцию введены такие массы и пространства, а состав ее элементов и движущих сил до того сложен, как это и не мерцалось ни одной революции. От Женевы, старого гнезда русских революционеров, до Хабаровска — она в каждом, даже уездном, городке и, наконец, прямо местами по селам и деревням: везде у нее свои нити, узелки, гнезда; в одном месте она дозревает, в другом назревает, потушена или разгорается: но, вообще в том или другом виде — везде есть. Поляки, татары, армяне, — со своим прошлым, со своими ожиданиями и воспоминаниями, со своей исключительнейшею историей, которая, казалось, никогда не касалась ничего всемирного, с той или иной стороны, открыто или затаенно, связались с русскою революцией и положили сюда же, в одно место, в сущности — в руки русских революционеров, свою «ставку». Таким образом замотался впервые в русской истории моток такой огромности и сложности, такой толщины и разноцветности, что конечно, его нет никакой возможности отнести на лопате куда-нибудь в сторону и выбросить в нечистое место. Невозможно и залить его из пожарного рукава. Я говорю о надеждах администрации и правительства, об ожиданиях части прессы. Если она тянется от Хабаровска до Вислы, и от одиннадцатилетнего до семидесятилетнего возраста, то значит она охватила все, значит «загорелась» Россия, а не кое-что в России.

Она «не национальна» будто бы. Боже, она «национальна», как лапоть, который всюду носят, или, точнее,

Розанов В. Ослабнувший фетиш. Психологические основы русской революции. С.-Петербург. Издание М. В. Пирожкова. 1906.

[1] Писано в феврале-марте этой зимы.

озер, а от мало известных и частью вовсе неизвестных геологических и планетных причин. Ослаб великий фетиш! Сущность «распространяющихся республиканских идей» или «всех этих бродячих фантазий» заключается в том коренном и все более распространяющемся явлении, что, положим, гимназист, студент, учитель, учительница, профессор, ученый, писатель, «а под конец дней и крестьянин», при словах: «государь», «монарх», «царская особа» — просто ничего особенного не чувствуют. Есть икона, в ризе, в сиянии; перед нею горит лампада; или есть «темный лик» в углу, совсем без киота, и тоже с горящею перед ним лампадою, «дарение бабушки», на которую «молилась матушка»: и вот я, взглядывая на нее, тоже что-то чувствую, волнуюсь, а во всяком случае ничего-ничего худого, и даже ничего обыкновенного, светского мне не приходит на ум, когда я на эту икону смотрю! Я — русский, и уже это у нас, русских, 1000 лет. Но лютеранин, «хоть убей его», ничего этого не чувствует: и для него моя «икона» представляет такую сумму дерева, красок и металла, что мне, привычному православному, больно и повторить его определение «моей иконы» ...

Вот отчего выборная монархия и вообще в каком бы то ни было отношении «утилитарная», «доказательная» — словом, «мотивированная» — есть уже нисколько не монархия, а гнусный разбитый и искривленный ее образ, и такой всегда «не долго жить». Выборные «reges» Рима, как таковые же «базилевсы» греческих городков исчезли на самой заре истории: как не удержались нигде цари «избранием народа» («тираны» греческих историков). А «сыны Неба» в Китае и Японии, как и «цари царей» Персии — не умирают, не умерли. Древние иконы, они все источены червями и почти ничего от них не осталось, — так чуть-чуть позолоты и остаток черных красок, дерево же все изрушилось; но их не поправляли, ничего не привзошло из сосенки, из бора, никто их не передвигает из «святого переднего угла», и они стоят себе, стоят... Известно, что Богдыхана никто никогда не видит: что когда проезжает улицею Микадо, всякий дерзнувший посмотреть на него из окна — умирает (казнится). Вот это — фетиш, доросший до полноты своей, обдуманный в мерах сбережения. «Диоклетиан никогда не показывался народу; только редкий-редкий римлянин допускался к нему, — и тогда он с трепетом входил в длинный полуосвещенный покой, где вдали сидел на троне император со священною белою повязкою на голове: пришедший падал ниц»... Но слишком поздно Диоклетиан уже взялся за это. Ромул все воевал, Тарквиний Гордый воевал же, предшественники и преемники Диоклетиана воевали же: все видели, что это воин, не более трех аршин ростом, что он устает, ест, жаждет, что это вообще не «миф» и не «Александр Македонский», от взгляда на которого проходит безвредно укус змеи. И против него и таких восставали и их низвергали... Монархии в Риме в сущности никогда не образовалось, монархия может быть только наследственною («своя кровь», далекая параллель «непорочному зачатию» Марии-Девы у католиков) и ее вовсе нет, когда она выборна...

Таким образом, самое существо монархии и монархизма питается соответственною почвою фетишистических чувств и представлений, еще живущих в народе и отраженно передающихся особе царя.

«Икона сама верит в себя», когда на нее «все молятся»... но это именно эпоха, культура, вовсе не вечная, хоть, может быть, очень поэтичная и даже (в соответствии со своею культурой и для этой культуры) целебная, освещающая, объединяющая, питающая. «Икона живет народом» («иконопочитанием») и нельзя отрицать, что «народ тоже живет иконою», исцеляется, воистину исцеляется, здоровеет, становится нравственнее «от молитвы»! Но все это... проходит. Проходит — как высыхают озера в средней Азии. От кого проходит? Не от Ивана, не от Петра, а от мировых причин. Император Николай I (приходилось мне читать), проезжая по Моховой улице мимо Московского университета, делался угрюм и, указывая на здание, говорил: «вот волчья нора». Великий и верный инстинкт. (...)

Оставим споры с очевидным взором. Проходят мифологические эпохи, явилась точная математика. Реклю и Риттер написали географию уже без гигантов «за горизонтом». Моммзен, Курциус и Гретц рассказали, что «сам» Александр Македонский был тоже трех аршин ростом, болел болезнями и любил красивых персиянок, как и Давид тоже не только пел псалмы и имел совсем другую фигуру, чем как нарисовано на заглавном листке псалтыря (в зубчатой короне и с арфою). Все свелось к трезвой действительности и умерла мечта, может быть поэтическая, но не воскресимая, не оживимая... Кроме возникновения точной науки, исчезновения мифов и «очарования», без которого нет «иконопоклонения», указываемому ослаблению помогло еще то, что вообще возникло чрезвычайно много занимательных областей интереса, внимания и восхищения помимо единственно представлявших в этом отношении «сюжет» дворцов и монархов. Нужно взять во внимание старинный разрозненный и уединенный образ жизни, когда «миф» был дорогим гостем, рассказывавшим новости, миф и легенда, слухи, разговоры, которые все ползли к самой яркой точке в стране — дворцу, и к самой высокой горе в ней — царю. Не было «истории народов», а была «история царствований», от Тацита и Светония до Карамзина и Соловьева. Быть «русским» и «любить свое отечество» значило любить то-то и то-то, но особенно это значило в «красном углу» своей души носить образ царя, линию царей, от Алексея Михайловича до «теперь», и все это — благословлять, чтить, воображать об этом, размышлять об этом и, словом, так или иначе, поэтически и философски — жить этим. «Святые угодники» и «цари», «церковь» и «дворец», в неясном слиянии, в неясном разделении составляли праздничное, лучшее, священное русской души. Но с тех пор появились романы, опера, железные дороги, биржа, занимательнейшие открытия науки, раскопки в Вавилоне и Фивах, и, словом, такие достопримечательности и занимательности, перед которыми рассказ о том, «как чудесным образом Петр Великий спасся от трех разбойников» — ужасно померк в интересе, как и новейшие россказни «о том, о сем в коридорах Зимнего дворца». Пикантное здесь — потеряло вкус; поэтического — может быть и никогда не было, были «россказни»; и, словом, дворец и всякие дворцы стали уходить и уходить фундаментом и стенами в землю, как только из земли начали выходить лаборатории, академии, клубы, биржи, театры, базар, вся суета, вся цивилизация, новая цивилизация. Также, как папство, тоже «священное» и много сделавшее для цивилизации, монархизм есть существенным образом сотворение эпох темных — не в порицательном смысле, а вот в этом смысле наивности, доверчивости, однотонности души человеческой, однотонности деятельности человеческой. Были сумерки — были монархии: рассвело — и они стали таять, сводиться к обыкновенным размерам, «удобному и неудобному», «выгодному и невыгодному» нам (...)

Я заметил, что одною из могущественных стихий революции является возврат к естественности, почти физической, почти как физическое движение. «Хочется потянуться». «Хочется вытянуться». Сапоги жмут, сюртук теснит. Одною из поэтичнейших сторон революции, напр. первой французской, является то, что люди стали жить на улице почти как дома, проще говорить, откровеннее беседовать, кричать, махать руками и проч., и проч., и проч. Это безусловно так: искусственность ослабляется, откровенность нарастает, все становятся более «сами собою», чем были еще вчера, накануне революции. В революции есть многое подобное священному еврейскому «юбилейному году», когда жатва не жалась, фрукты не снимались с дерев, все оставлялось «бедным и всем» (я только не понимаю, как в этот год жили остальные евреи?) и словом, «все прощалось» и «все извинялись», суды и казнь очевидно не действовали, и цивилизация, как некоторая крепость узды на человеке, — ослаблялась. Что это было в мудром законодательстве Моисея, предчувствие ли «золотого века», или вечное поманение и предтеча «Мешеаха» (Мессии)? Не понимаю! Но революции в Европе вот играют приблизительно такую же роль периодически жаждущегося и неистребимо нужного всеобщего ослабления «уз и условности», «тягостей» цивилизации, где мы все немножко лжем и делаем не совсем то, что

нам хочется: делаем, и томимся, и всем нам скучно, и все мы ждем великого часа революции, когда говорим: «теперь все по-новому, отсюда — все новое».

Наиболее юная часть революционеров, самая незрелая, «беспрограммная» (в смысле успеха), но вместе с тем наиболее глубокая психологически (ибо самая правдивая) и сказала громко то, что в сущности мы все, образованное общество, чувствуем, и что́ и составляет настоящую причину революции. Последней бы не было, как бы велики ни были бедствия японской войны и всевозможные казнокрадства, с нею раскрывшиеся: это ли еще переживали народы?! Где-то какая-то далекая война; в России, здесь, мы и не видали ни одного японца; и очевидно никакого нашествия нам не грозило. Но уже давно, уже десятилетия ослаб великий фетиш. Почти весь XIX век прошел в борьбе с этим фетишем. Наступило то́ в политике, что́ в отношении папства и католичества наступило с реформацией, и от столь же общих, сложных, и не только теперь для политиков, но и в будущем для историков неисследимых или мало исследимых причин. Реформацию, конечно, вел не Лютер, а он шел за реформацией, был только самой яркой фигурой в громадном движении, уносившем его; и только от того, что она случайно получила имя от него («Лютер», «лютеранство») — имя это так осталось, а фигура немилосердно преувеличена историками. Лютер без взволнованного народа за спиною его, взволнованного еще задолго до него, был бы просто ничтожным монахом, сожженным «без разговоров». Возвращаюсь к нашему положению. «Ослаб великий фетиш»! Кончилось политическое «иконопочитание», — кончилось не у нас одних, кончилось во всей Европе, но у нас в данную минуту получившее специальные мотивы громче, чем где бы то ни было, высказаться. ‹...›

Умер один фетиш, зародился другой. Зародился он от того именно — и непременно, невольно — что другим, вынесенным из сердца, фетишем оставлено было место пустым, а «природа не терпит пустоты», как уже приметили древние. Как только не стало рваться, самовольно, восторженно — «вон он» на целую страницу при виде серого пальто, так стали повторять ровно в целую страницу «вон она» касательно никем еще не виденной и всеми призываемой республики. И те же мифы — но отнесенные вперед; как прежние мифы — были отнесены назад. Человек решительно не может удовлетвориться реальностью, никакой человек и ни в какое время. Все живут или воспоминаниями или надеждами. Сущность монархизма — что он жил воспоминаниями «об Александре Македонском». «От него все родились и все пошло». Сущность монархии, я говорю, — в воспоминательной способности человека, в очаровании бывшим; при слабой вере и даже слабом интересе к будущему. По этой господствующей способности в «монархическом устроении» последнюю вообще можно определить, как фазу политического строя, соответственную старости, — и более всего ее удовлетворяющую. Недаром с представлением «король» всегда связывается образ «седоволосого старца», уже медлительного в движениях и который не торопится в думах. Невозможно того отрицать, что в целой Западной Европе и во всей европейской истории, начиная от рыцарей, и еще задолго до рыцарей, собственно начиная от монастырей и первого монашества, все «юное и деятельное» было, как говорят в театре, «на второстепенных ролях», и до первых ролей юность не допускалась; не допускался даже возмужалый бодрый возраст, но именно все были «брады» и «власа», в первосвященниках, министрах, королях, советниках и проч. и проч. Ведь Олимпийских игр нигде не было: юного, отроческого лица — ни одного на иконостасе. Тоже и в верхнем ярусе политики и вообще цивилизации. Юность шалила на кухне и имела существенно кухонное положение и (до XIX века) кухонное воспитание. Как поздно пришел Песталоцци! А о дворянстве средних веков я читал, что там неприлично было, вообще было не принято обращать какое-нибудь внимание на сыновей, на детей, их учение и воспитание, даже их болезни и хотя бы целый, не искалеченный вид. Так ведь и рос Бертран-дю-Гесклен. Ему ломали голову и он ломал головы. Но до «разговоров» их не допускали; «разговоры» вели и «священнодействия» совершали старцы и старицы; и вся цивилизация была и за все 1500 лет совершалась старообразною. Т. е. воспоминательною, т. е. монархическою. С XVIII века «мальчишки», частью как выпоротый Вольтер, частью как «где-то гулявший» Руссо, побежали в верхние этажи, зашумели, наскандалили и, словом, вступили в самый неотвязчивый «разговор» со старцами, и тем пришлось отвечать, — и вообще начался диалог и диалоги, после чего история быстро получила более юный вид, юный и надеющийся (основная движущая психическая способность) и отсюда естественно уже республиканский. Республика — это молодость человечества, монархия — это старость. Вот и все. Вот это — главное. Старость и некоторая «грусть по прошлому» и «бабушкины сказки» и «вовремя на постельку», — устали кости за день сидеть, не то что делать. Монархия — это бездеятельность, всегда была и всегда будет (кроме исключений, Фридрих Великий, Петр Великий). Но все органическое — не арифметика, всегда с «исключениями» при «правиле», как это даже и в организме языка. И в республике может быть лень, — когда она склоняется к старости и перерождается в монархию. Но как «правило» — республика есть юность и труд, надежды и поэзия, совершенно иного, не «вспомогательного» и грустного колорита, а бодрого и веселящегося. Собственно нельзя того скрыть, что революция почти вся делается молодежью, делается и в поэтической, и даже в физической ее части, — и ее можно определить просто в двух словах:

— Молодость пришла.

И я не понимаю, что́ на это можно возразить старцам, судьям и судам, министрам и управлению. Просто это факт, что стали они тонуть, они и все под ними, как теперь пересыхает Аральское и Каспийское моря, и «уж так планета устроена», о чем можно спросить и у ученых...

СОЧИНЕНИЯ В. В. РОЗАНОВА

О ПОНИМАНИИ. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки, как цельного знания. Москва, 1886 г.

ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО. Опыт критического комментария. С приложением двух этюдов о Гоголе. Издание 2-е. С.-Петербург, 1902 г.

СУМЕРКИ ПРОСВЕЩЕНИЯ. Сборник статей по вопросам образования. Издание П. Перцова. С.-Петербург, 1899 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ. Издание П. Перцова. С.-Петербург, 1899 г.

ПРИРОДА И ИСТОРИЯ. Издание 2-е, П. Перцова. С.-Петербург, 1902.

РЕЛИГИЯ И КУЛЬТУРА. Издание 2-е, П. Перцова. С.-Петербург, 1902 г.

В МИРЕ НЕЯСНОГО И НЕ РЕШЕННОГО. С рисунками в тексте. Издание 2-е. С.-Петербург, 1904 г.

СЕМЕЙНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ. — Дети и родители. — Мужья и жены. — Развод и понятие незаконнорожденности. — Холостой быт и проституция. — Женский труд. — Закон и религия. — С рисунками в тексте. Два тома. С.-Петербург, 1903 г.

МЕСТО ХРИСТИАНСТВА В ИСТОРИИ. Издание 2-е. С.-Петербург, 1904.

ОКОЛО ЦЕРКОВНЫХ СТЕН. С.-Петербург. 1906. 2 тома.

ОБУЧЕНИЕ УЧИТЕЛЯ

в литературной периодике

Литература, как и всякое искусство, не может служить только Идее, потому что всегда выражает состояние духа, его откровения, которые никто не в силах продиктовать, кроме Всевышнего. Творчество — это великое таинство свободной души, ее особое состояние, общение с природой, полет фантазии, уникальная способность видеть сквозь время и пространство. Конечно, это дар немногих, но донести его до всего народа возможно при активном участии учебных заведений, и школы в первую очередь. За это дело взялся журнал «Литература в школе». Пока школьные реформы еще обсуждаются, на страницах этого журнала уже появились имена авторов, которые задолго до «перестройки» говорили правду не в угоду Идее, а отдавая должное Истине. Только она одна способна воспитать человеческую душу.

Чтобы осмыслить наше классическое наследие, необходимо отказаться, наконец, от стереотипного мышления, причесывания или выдергивания литературы в угоду социальным заказам, необходимо научить детей мыслить самостоятельно. Развивать способности можно только на подлинных образцах культуры, предлагая школьникам неординарные взгляды на творчество писателей. Нужно вернуться к наследию А. С. Пушкина, изучать его в полном объеме. Первые шаги к этому «Литература в школе» уже сделала. Журнал предлагает главы из книги В. Ходасевича «Поэтическое хозяйство Пушкина» (№ 1, 1989 г.) и Ст. Куняева «Духовной жаждою томим» (в том же номере). В третьем номере в рубрике «Русское зарубежье: фрагменты отверженной Пушкинианы» предлагаются эссе крупнейшего русского писателя А. Ремизова «Дар Пушкина» и «Заметки о Евгении Онегине» К. Мочульского — другого крупного литературоведа. В четвертом номере журнала опубликованы заметки В. Розанова «Возврат к Пушкину». Важно заинтересовать детей, разбудить еще дремлющее сознание, научить самостоятельно разбирать художественное произведение, не опираясь на чьи-либо авторитеты. До сих пор творческая инициатива школьников не поощрялась, даже ответы на вопросы экзаменационных билетов писались под диктовку, отчего «мысли» учеников были удивительно похожими на экзаменах. Прежде всего необходимо избавиться от этих уродливых явлений в общеобразовательных школах. Необходимо раскрепощать сознание детей, развивать эстетический вкус, и тогда отпадет необходимость прививать любовь к литературе, ибо духовно здоровый человек в этом не нуждается, любовь к искусству такое же врожденное чувство, как способность слышать, видеть, осязать и т. д.

Но, чтобы говорить о духовном здоровье, нужно отказаться от серой литературы, которой пичкала детей школа многие годы. Русская литература несказанно богата, поэтому у нас нет проблемы выбора произведений. Если ребенок будет в достаточном объеме знать творчество А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя, А. Островского (не доверяя слишком бытующему мнению некоторых критиков о «темном царстве»), Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова и других классиков, то, думается, сумеет сам отличить черное от белого. Пора, наконец, вернуть читателям и крестьянских поэтов, таких как Н. Клюев, А. Ганин, П. Орешин, обязательно изучать творчество А. Белого, А. Платонова, Н. Шмелева, А. Ремизова, Б. Зайцева.

Любопытный материал В. Воропаева «О Гоголе и его главной книге» дается во втором номере журнала. Прочтя эту статью, школьники наверняка захотят перечитать «Мертвые души» заново. В пятом номере журнала предлагается статья В. Астафьева «Во что верил Гоголь...».

О творчестве М. Лермонтова в статье «По небу полуночи ангел летел» размышляет В. Солоухин. Много материала о Л. Толстом в шестом номере журнала. К стыду нашему, к голосу этого гения человечества на Родине прислушивались мало, в то время как за рубежом Толстого публикуют, и поэтому знают довольно широко.

«Литература в школе» знакомит читателей с творчеством таких замечательных писателей, как С. Есенин, А. Ахматова, Ф. Абрамов, В. Астафьев. П. Паламарчук предлагает «путеводитель» по творчеству А. Солженицына. О философе, художнике, поэте Н. Рерихе рассказывает В. Сидоров в четвертом номере журнала.

Немалое внимание журнал уделяет проведению экзаменов в школе, давно пора поговорить о качестве знаний выпускников. Школа обязана отвечать перед государством за подготовку молодежи, ведь от образования, точнее — от зрелости мировоззрений, зависит в будущем судьба России. Наша более чем семидесятилетняя история показала это. Да и сам метод советского воспитания давно нуждается в переоценке. Многие годы школа практиковала «педагогическое прорабатывание» «нестандартных» детей, безапелляционно подгоняя всех под единый «средний» уровень, не предусматривая индивидуальных возможностей и интересов детей. Как часто приходится слышать, что ребенок «не вписывается» в коллектив (будто мебель в интерьер), но тем и страшен такой коллектив, в котором нет места неординарному человеку. Удивительно ли, что дети отзываются о школе в самых нелестных выражениях? Никакие реформы в школе не станут действенными, пока педагоги не поймут, что им вверены не человеко-часы, а человеческие судьбы, детские души. Эти маленькие «почемучки» приходят в школу с желанием учиться, и очень важно сохранить в них естественное стремление познавать мир.

Полезный материал предлагает «Литература в школе» в разделе «Методика и опыт», давая учителю возможность поделиться собственным опытом преподавания и поучиться у других.

Хорошая помощь школе — рецензии на книги и журналы — это привлекает внимание к новинкам и дает обзор публикуемого в периодике.

Хочется отметить, что новое издание «Литература в школе» стало отвечать своему назначению. Только жаль, что Госкомпечать СССР вдруг нашел нужным сократить объем именно у этого журнала. Дефицит бумаги в стране никоим образом не должен отражаться на школьном образовании.

И. ФИЛИППОВА

МИНИ-ИНТЕРВЬЮ

Что вы читаете? Какими книгами в последнее время пополнилась ваша домашняя библиотека?

Андрей Андреевич Мыльников, академик живописи. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии, народный депутат СССР. Герой Социалистического Труда

Я не успеваю читать не только приобретаемые книги, но и многие журналы и газеты, которые нельзя не читать человеку, причастному к изменениям сегодняшней жизни. С печалью и болью каждый день в течение последних лет узнаю все новое и новое о трагических событиях нашей истории. Особенно затронули публикации о голоде на Украине в 30-е годы. Пока не удалось прочитать все публикации Солженицына, которые прошли в последнее время. Прочитал «Архипелаг ГУЛАГ» в «Новом мире», публикации в журналах «Нева», «Звезда». Читаю Набокова. Часто обращаюсь к Пушкину, всю мою жизнь он отвечает на многие мои вопросы. Иногда с удовольствием открываю Диккенса. Читаю Бердяева. Владимира Соловьева. У меня есть и старые их издания. Думаю, что эту область нашей философии, нашей культуры надо знать всем. Ведь для того, чтобы покаяться, надо исповедоваться.

Книги я покупаю всю жизнь, в последнее время приобрел их множество, много книг привез из Москвы. Это и книги моих добрых друзей, знакомых, книги по искусству. Приобрел и новое издание Библии. Безусловно, мне интересно то, что пишут Валентин Распутин, Чингиз Айтматов. Даниил Гранин, Василь Быков и многие другие советские писатели. Читаю обычно ночью, однако, повторюсь, большинство книг лежит непрочитанными.

Хотелось бы, чтобы наряду с произведениями, рассказывающими о тех горестях и печалях, которые нам пришлось пережить, появлялась бы литература, способная озарить нашу душу и сердце неизбывной красотой мира.

ЛЕНИНГРАД

ПОЛЕЗНЫЕ СОВЕТЫ

как стать дилетантом

Книг. подобной этой, у нас раньше не выходило, хотя потребность в них неоспорима. Иногда какой-нибудь полиглот поделится в газете некоторыми приемами из своего опыта, но четких практических рекомендаций, а тем более рассказа о месте полиглотов в истории и культуре у нас до сих пор не было.

В книге ясно показано, что знание одного или нескольких языков — совершенно естественное явление. Оно распространено шире, чем принято считать, особенно в нашей многонациональной стране. Следует полностью согласиться с автором, что людей, неспособных к усвоению языков, нет и не может быть, ведь резервы человеческого мозга неисчерпаемы и каждый из нас использует пока только скромную их часть.

Издание, несомненно, окажется полезным для самого широкого круга читателей. В нем рассматривается целый спектр вопросов, связанных с тем, какой язык выбрать для изучения, даются рекомендации, обращенные к родителям, преподавателям кружков и курсов, где люди овладевают неродным языком. Кроме того, оно поможет ориентироваться во множестве языковых проблем, возникающих в нашей повседневной жизни буквально на каждом шагу.

Одним словом, на страницах книги приводятся советы, нужные каждому. Для этого автор привлек весьма представительный круг литературы и лично обобщил богатый опыт наших полиглотов. Вероятно, читателю останется неясным лишь один вопрос — сколько же языков знает сам Дмитрий Спивак? Для отдыха он может увлеченно вчитываться, скажем, в китайскую грамматику, а переход, допустим, от шведской книги к греческой газете совершается им без всяких затруднений. Но сам он говорит, что знает языков столько, сколько необходимо для дела, например хотя бы для того, чтобы перед читателем легла эта книга. Свободно, скромно утверждает автор, он владеет семью языками, а при необходимости с помощью методов, раскрытых на страницах книги, за короткое время в состоянии «справиться» с любым понадобившимся языком — европейским или азиатским, древним или молодым. Специалист по теории и истории педагогики, он много работал и практически — как переводчик на международных форумах и конференциях молодежи.

Рекомендации автора могут быть без оговорок приняты любым юношей или девушкой — даже считающими себя неспособными к языку. Очень скоро, сделав первые успехи, читатель добром помянет полученные советы. Иначе и быть не может, ведь в книге по крупицам собран и обобщен опыт самых разных людей. Должен признаться, что и я, в общем давно работая над различными языками, нашел полезными для себя кое-какие из этих советов.

Книга адресована массовому читателю, но в первую очередь, конечно, сверстникам автора — молодым людям. И это очень важно, поскольку молодежь, идущая нам на смену, должна решать свои проблемы сама. Впрочем, уверен, что человек любого возраста найдет здесь тему себе по душе. Книга написана увлекательно, ясно, она нужна людям, а значит, ей суждена долгая жизнь.

А. Д. ДРИДЗО,
доктор исторических наук,
Институт этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

Спивак Д. Л. КАК СТАТЬ ПОЛИГЛОТОМ. Л.: Лениздат, 1989.

МИКРОРЕЦЕНЗИИ

ДОЛГ ЗЕМЛЕ

О чем эта книга? Чем заинтересует она искушенного читателя? Тем более, что автор не известный писатель, а ученый-ветеринар, и книга эта — его первый шаг в литературу, его долг своей родной земле, которая для русского человека всегда была единственным аккумулятором творчества. Это бесхитростное повествование о родном крае, о людях, которые жили здесь много лет назад и своим трудом на земле заслужили право на память о них потомков, это размышления о дне сегодняшнем, о том, что все мы в чем-то «Иваны Не Помнящие Родства». И каждому из нас необходимо однажды, оставив все дела, составить свою родословную. Выслушать живых, помянуть ушедших. Как это сделал в своей книге вятич Алексей Ступников. Историческая память поможет очистить душу, познать самого себя. А история рода, семьи, честно расскажет историю Родины. И мы не по газетным и журнальным публикациям, а по реальным человеческим судьбам узнаем правду о событиях гражданской войны и коллективизации, годах «волюнтаризма» и трагедии неперспективных деревень.

Благодаря книге А. Ступникова перед нашими глазами пройдет трудная жизнь обычной русской деревни Ступники. Сколько таких на родной земле? Ими всегда была крепка Россия. Чувство памяти — особый дар, и счастлив тот, кто им владеет. С какой любовью описывает автор своих земляков, здоровый нравственный климат деревни, который имел в своей основе давние крестьянские традиции честной жизни. А народный быт? «В гости ездили чаще всего зимой и ранней весной: зимние и весенние праздники продолжительней летних, и работа не поджимает. Свадьбы начинали справлять с Покрова... После Крещения до Масленицы больше всего было венчаний. В Масленицу катались на лошадях...» Но главным для всех всегда была и оставалась работа — растить хлеб, ухаживать за скотиной, ткать льны... Многое из того, чем жили целые поколения, к сожалению, утеряно безвозвратно. Но деревня Ступники стоит на своей земле, и пусть в ней двадцать один жилой дом из сорока одного, около тридцати жителей вместо двухсот — она отвергает умирание. И не подорвана в народе вера в силы российского крестьянина

Д. КОСТРОВА

Ступников А. — РОДОСЛОВНАЯ. — Киров: Волго-Вятское кн. изд-во, Кировское отделение, 1989.

КНИГОЧЕЮ НА ЗАМЕТКУ

ПОЗИЦИЯ / В. Распутин, Г. Фильшин, Л. Шинкарев. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989 — Комплект из 3 кн. — 35 к. 10 000 экз.

ВОЛГА. БОЛЬ И БЕДА РОССИИ: ФОТОАЛЬБОМ / Вст. сл. В. Белова. Ввод. ст. Ф. Я. Шипунова,: Осн. текст В. Ильина; Спецфотосъемка В. В. Якобсона и др. М.: Планета, 1989 — 303 с., ил. — 11 р. 30 к. 20 000 экз.

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ / Сост., предисл., подгот. текстов В. И. Жекулиной, В. Н. Розова. — М.: Современник, 1989 — 735 с. — (Классич. б-ка «Современника») — 3 р. 40 к. 100 000 экз.

Белов В. ЛАД: Очерки о нар. эстетике. Фотосъемка А. Заболоцкого; Худож. А. Зубченко, Н. Крылов. — 2 изд., перераб. — М., Мол. гвардия, 1989 — 421 с., ил. — 8 р. 70 к. 50 000 экз.

Руднев В. А. ДРЕВО ЖИЗНИ: Об истоках нар. и религиозных обрядов. — Л., Лениздат, 1989. — 161 с., ил. — 55 к. — 150 000 экз.

Мандельштам Н. Я. ВОСПОМИНАНИЯ. — М.: Книга, 1989 — 498 с. — (Время и судьбы). — 2 р. 100 000 экз.

Астафьев В. ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН. — М.: Дет. лит., 1989. — 351 с. — (Б-ка юношества). — 1 р. 10 к. 100 000 экз.

Балашов Д. БРЕМЯ ВЛАСТИ: Роман. — М.: Современник, 1989. — 416 с. — 1 р. 80 к. 200 000 экз.

СКАЗАНИЯ РУССКОГО НАРОДА, СОБРАННЫЕ И. П. САХАРОВЫМ / Ст., подгот. текста В. П. Аникина. — М.: Худож. лит., 1989. — 398 с. — (Забытая книга). 3 р. 100 000 экз.

Чичибабин Б. КОЛОКОЛ. Стихотворения. — М.: Известия, 1989. — 271 с. — 4 р. 90 к. 10 000 экз.

Георгиев Л. ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ ЗНАКОМЫЙ И НЕЗНАКОМЫЙ / пер. с болг. — М.: Искусство, 1989. — 142 с., ил. — 1 р. 20 к. 100 000 экз.

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА: Вып. 26. Тысячелетие рус. письменной культуры (988—1988) Гл. ред. Е. И. Осетров; Сост. П. Г. Горелов, В. В. Кожинов. — М.: Книга, 1989. — 255 с., ил. — 1 р. 80 к. 50 000 экз. Изд. ВОК.

АФГАНИСТАН БОЛИТ В МОЕЙ ДУШЕ... / Сост. А. Б. Кердан. — Пермь: кн. изд-во, 1989. — 191 с. — (Подросткам и молодежи) — 2 р. 10 000 экз.

ЛИТЕРАТУРА

Стихи.
Рассказ.
Портрет.

Неизвестные произведения Николая Клюева **на стр. 63**

МИХАИЛ ВОЗДВИЖЕНСКИЙ

ОШИБКА

сентиментальный рассказ

Все было прекрасно в Леночке: улыбка, непринужденность, молодость, свежесть! Свежа Леночка была по-особому, — казалось, она только что выкупалась в чистом горном ручье, вытерлась жестким полотенцем, неохотно натянула платье, и вот... взглянула на вас! Лобик ее немного выступал вперед, падали на него золотистые жесткие волосы и был один завиток, чересчур неподатливый, упрямо спадающий к переносице, который Леночка вынуждена была поминутно сдувать, надвигая нижнюю губку на верхнюю. Выходило подетски, капризно, но и мило одновременно, а к тому же щеки ее в этот миг охватывал прямо-таки сумасшедший румянец...

Леонид Романович Самарин давно уже с горькой досадой ловил себя на том, что взгляд его прилипает к стройным ножкам ассистентки. Скользит и прилипает... Подобные взгляды профессор перехватывал и у других мужчин лаборатории... Досаждала и эта причастность к всеобщей страсти, а еще неприятно раздражали возникшие в лаборатории дуновения фривольностей, противником которых Самарин выступал, говоря, что флирт на территории, где «варится дело», гадок и вреден.

В сердечных делах Леонид Романович был великим неудачником. Ни одна девчонка не была в него влюблена, а те, в кого влюблялся он, так беззаботно, легко оставляли его, что годам к девятнадцати сделался он нервным, угловатым, конечно же замкнутым, конечно же болезненным, конечно же серьезным и много читающим. Подобного рода юноши, став мужчинами, либо надолго, а то и навсегда остаются холостяками, либо женятся рано, нередко опрометчиво, почти всегда почему-то на властных, с крутым характером женщинах. Леонид Романович не пошел против природы: наездом, скоропалительно, не кончив аспирантуры, «окрутился» и несчастливо прожил в браке аж двадцать шесть лет. И вот, когда можно было бы забыть несходство темпераментов, когда ушли из жизни мелочные расчеты и пришло время отдохнуть, Леонид Романович развелся, разорвал, так сказать, некрепкие узы и пять лет уже жил один, — лишь навещала профессора дочь, не из участия или любви, а приходила за дорогими подарками. Душой профессор отдыхал, но неустроенный быт и внешняя сторона развода без видимых серьезных причин, казавшаяся всему окружению профессора шагом не просто нестандартным, но и неразумным, — навевала тяжелую мысль о неудачно прожитой жизни, мысль, которую невозможно было заглушить высокими профессиональными достижениями и помыслами. Да, неудача, хоть продавай дьяволу душу, тело, идеи! И тут появилась Леночка!

«А почему бы и нет? — спросил себя Леонид Романович, однажды поняв, что чары Леночки неотвратимы. — Я прожил жизнь святого, может это награда, своего рода компенсация за неудачи и разочарования? Руку предлагать глупо, даже смешно, — не столь уж я силен, а вот обладать, хоть на время, такой красавицей... Это ли не подарок, когда тебе за шестьдесят, это ли не высший балл!»

Красота! Леонид Романович подивился силе этого чуда. Вспомнил Веронику Степановну — прекрасного ученого, приятнейшую собеседницу, умницу, которая, однако, имела какие-то бородавки около губ и носа, тяжеловатую фигуру и по-мужски далеко упрятанные глаза. Ей не удалось даже привлечь мужчину для того лишь, чтобы завести ребенка... И рядом Леночка!.. В ней все промерено, все сообразно классике подшлифовано, доведено до совершенства! За что? Нет, Леночку нельзя было обвинить в высокомерии, в неумеренной выспренности или бравировании своей красотой, скорее она как бы обреченно несла груз всеобщей обозреваемости, бесперебойного перекрестного огня прилипчивых взоров... Правда, иной раз вдруг и просверкнут в ее глазках бездушно-надменные искорки, обжигающие напоминанием о высшем что ли предназначении, об избранничестве. Леонид Романович ловил эти искорки и, внутренне сопротивляясь, все же признавал: да, просматривается и, видимо, существует магическая стезя отмеченности природой. Но за что? Ах, боже мой, да разве про-

Михаил Владимирович ВОЗДВИЖЕНСКИЙ родился в 1937 году в селе Рождествено Московской области. Окончил Московский институт электронного машиностроения. Работал сначала конструктором, а затем 15 лет на строительстве магистральных трубопроводов. Член СП СССР. В настоящее время издательством «Советский писатель» подготовлена к печати книга рассказов М. Воздвиженского «Три с половиной»

никнешь в существо природы, — сознание зашкаливает, стоит задуматься над этим, и никакая наука, да и все вместе взятые, не определят сути отмеченности. Просто пал выбор витиеватых, безымянных, незримых сил! Да бог с ними, с этими силами, бог с ней, с отмеченностью... Теперь стоило подумать о том, что он может предложить избраннице природы. Разве ухаживание с ресторанно-концертно-театральным стандартом, хорошо сдобренным сверкающим подарочным огнем? Профессор брезгливо поморщился: от этого не уйдешь, но помимо, помимо требуется что-то в духе времени, свежее, нетривиальное...

Однажды вечером, сидя за рабочим столом, он вдруг оторвался от рукописи и стал думать о своей Леночке. «Увидел» ее у револьверного автомата с серьезно-сдвинутыми бровками и усмехнулся: «Какая чушь! Рядом с мужскими ширококостными лапищами нам, видите ли, требуется еще работа элитных женственных рук, напряжение мозга под выступающим лобиком, с которого приходится сдувать набежавшую прядь, чтоб не мешала... Какой абсурд!». Леонид Романович вдруг зашевелился и повторяя «А что, мысль вовсе не безобразная!», наклонился к тумбочке стола и повернул ключ красивой дверцы. Затем он вытащил стопку старых своих работ, когда-то по разным причинам отложенных: некрепких в основе своей — даже еще юной головой не всегда удавалось проникнуть в суть явлений, — или не прошедших экспериментальной проверки, или брошенные из-за нехватки времени или встречных дел. Сколько их, однако, этих работ, в которых что-то «гремело», «дребезжало», отложенных когда-то до лучших, более вдохновенных, минут, но вот самыми вдохновенными, оказывается, были минуты, когда откладывал... В этой работе — профессор держал в руке пожелтевшие листки с обесцветившимися буквами и цифрами — много математики, сложнейший расчет нового вида передачи механической энергии. Двадцать лет не сгладили актуальности, даже, напротив, только теперь пришло время использовать эту передачу при сборке микронных деталей электронной техники! А не отдать ли эту работу Леночке? Ведь почти готовая диссертация. Есть пока шероховатости, много неясных переходов, как в симфонии Шумана или Шуберта, но они простятся, в крайнем случае, ибо сама мелодия — электроника, кибернетика! — значительна. Вот оно, подношение красавице, вот современный подарок божественному созданию! Создание спит сейчас и не ведает, что ждет ее завтра!..

— Здесь идея нового вида механической передачи. Трудно сказать, как она поведет себя при силовой обработке, а вот на сборочных линейках электронных приборов станет, видимо, незаменимой. Упразднит десятки приводов, в объеме страны — миллионная экономия и все такое... Солидная математическая база, хотя ее надо не просто переписать, а тщательно проверить... Ну, я думаю, из вашей головки не выветрились дифференциальные уравнения, а стало быть, по силам... И еще: сегодня утром я договорился о пересдаче вами философии. Что же это вы, а? Философия!.. Ладно, ладно, не огорчайтесь, я вот тоже был не силен в гуманитарных дисциплинах... И не тяните время, милая, побыстрей с первой публикацией! Устанавливаю вам срок — месяц. Да, да, через месяц — статью на стол!

Тронутое полиартрозом колено ныло, а Леночка, пренебрежительно перевернув несколько страничек обветшалой рукописи, довольно амикошонски молвила: «Хорошо, я посмотрю...» — И эти два обстоятельства как-то упростили, принизили торжественность акта, стушевали значительность преподношения.

Вечером Леонид Романович рассматривал свое лицо в зеркале: еще довольно густые волосы, почти без седины, немного, всего несколько морщин на лбу... Нет, не износился. Сколько на его глазах друзья тратили энергии и сил на покорение женских сердец, старались не упускать возможностей... Он же, сколько помнил себя, при первых неудачах бросал борьбу, уходил в работу... И вот не износился...

Леночка, между тем, обрабатывала материал, и на стол профессору ложились расчеты, красиво отпечатанные, грамотно изложенные, хорошо отредактированные; Леонид Романович стал делать по утрам зарядку, отказал дочери в покупке французского пальто, сам частенько захаживал в ресторан, заказывал бифштекс с кровью и фирменные закуски, что поначалу несколько ошеломило давно успокоенные умеренной пищей желудок и печень, но Леонид Романович не сдался и возникшее покалывание и изжогу постепенно извел, подобрав лекарства; наконец, появились две Леночкины статьи в журнале, где профессор был членом редколлегии, а на кафедре заговорили об обширной математике — фундаменте успеха диссертации; профессор определил Леночке надежного руководителя и выстриг из ушей венчики волос, вспомнив однажды услышанную концепцию, согласно которой растительность в этом месте — признак никчемности мужчины. Когда Леночка успешно выступила на конференции, удивив аудиторию широтой и объемностью проделанной без трепа и «трупов» работы, а еще сдержанной манерой доклада, ровностью голоса и смешной привычкой сдувать со лба непокорную прядь, все заговорили о редком сочетании ума и красоты и стали называть Леночку «Лена-парадокс», поскольку, дескать, все бабы — дуры, а тут... Леонид Романович купил в «Березке» две английские рубашки и пригласил Леночку в театр. Держался просто, был щедр и внимателен, конечно ни словом не обмолвился о диссертации, а через несколько дней они уже впервые в ресторане, и профессор впервые увидел Леночку слегка опья-

невшей, отчего румянец ее вспыхнул таким пламенем, что приковал к себе буквально всех присутствующих в зале, и даже, с подачи официанток, в зал поочередно заглядывали работники кухни и по русской привычке в упор рассматривали из-за перегородки улыбающуюся красавицу.

Вскоре Леночка организовала в цехе завода эксперимент, и хотя успешным его назвать никак было нельзя, результат был подан как солидная проверка нового метода, как серьезный этап к будущей реализации, все даже единодушно сошлись во мнении: такой негативный результат бывает много ценнее быстрого, легкого успеха, и это говорит лишний раз о весомости самой работы и т. п. Время летело! И по мере того, как диссертация реализовывалась, — с блеском прошла предварительная защита на кафедре, а затем и на техническом совете института, — Леночка все более независимо дула себе на лобик, а профессор все больше нервничал, потому что основная его задача ускользала куда-то в тень. Вот-вот грянет защита и следовало формировать события. Получение Леночкой отпечатанных авторефератов было неплохой причиной для торжества, и профессор тянул, все не решался... Следовало обставить дело так, считал он, чтобы вечер не выглядел платой за услугу, пусть даже и редкую и уникальную, а прошел естественно, непринужденно, а еще лучше весело, на полутонах, полуфразах, чтобы цветы, легкое вино, — просто вечер с много поработавшим, уставшим человеком, а все остальное должно витать в воздухе и выглядеть не более, чем слабость мужчины, которому стоит приблизиться к красивой женщине... Словом, игра, нечаянно заведшая немного дальше... И чем ближе подступал его энтузиазм, тем больше он себя ненавидел, проклиная сумасшедший, настырный гусарский порыв. Через силу заставил он себя выбрать ресторан, но сделал это тонко: нашел заведение недалеко от дома, чтобы выйдя и беседуя, как бы наткнуться на него, чтобы не зайти было невозможно, неестественно...

До защиты оставалось несколько дней. Леночка легко откликнулась на приглашение. И вот они сидели за уютным столиком. «Был утренник, сводило челюсти...» — нервничая, повторял профессор нагрянувшие строчки. Он уже два месяца не курил и делал в день до тысячи разных упражнений. — Вот так и надо, вообще говоря, жить: иметь идеал выше своих возможностей... «И шелест листьев был, как бред» — Леночка сидела напротив, весело и вызывающе смотрела на него. — Женщина должна быть недоступной, это дает импульс, силу... О чем я, господи?.. Кажется, я, будто мальчишка, трушу... Нет, я форменно боюсь ее! Струсил... «Гремели блюдца у буфетчика, лакей зевал, сочтя судки»... И, черт меня возьми, было бы прекрасно жениться на ней! Бывали же счастливые браки с большой разницей в возрасте! Бывали, бывали...

— Знаете ли, что такое утренник? — с каким-то льстивым смешком нарушил затянувшееся молчание Самарин, и, услышав правильный ответ от Леночки, аляповато добавил: «А я, представьте, долгое время воображал себе что-то вроде банкета, хе-хе...».

Он хотел попросить ее не танцевать так часто, то есть поумеренней откликаться на приглашения, но она опередила его:

— Мне сегодня безумно хочется танцевать! Здесь просто замечательный оркестр... Вы молодчина: выбрали хороший ресторан!

Что-то мешало профессору, он никак не мог попасть в тон, остановить на себе внимание Леночки. В одном из перерывов между танцами он неожиданно, будто прочел кем-то заготовленный спич, выпалил:

— Когда смотришь на вас, думаешь о противостоянии полов. Красота заставляет задуматься... Совершенно, знаете ли, излишни, по-моему, женщины в науке, особенно в технике... Куда ни шло в химии: медленно кипятятся пробирки, эксперименты нередко длятся годами, требуется выдержка, тщательность, аккуратность. Но и там, заметьте, идеи все равно исходили от мужчин. Крупные идеи...

Рисунок студентки Художественного училища памяти 1905 года Нины Пановой.

На это пусть не обдуманное, но безобидное высказывание Леночка разразилась целой тирадой:

— Вы женоненавистник, профессор, это видно за километр. Вас все считают аскетом, а вы, вы — сладострастник! Точнее, вы задавили в себе сладострастника! У вас открытые ноздри — верный признак! Так неприятны люди, задавившие в себе природу!

«И утро шло кровавой банею...» Как однако все мерзко! — с горечью размышлял профессор. — Нет, я больше не выдержу такую игру. В сущности, игра-то кончена... Пожалуй, да — кончена!

— Пойдемте-ка ко мне, Леночка! — наездом, безглядно предложил он. — У меня дома, можете представить, свежая клубника и чудесное вино! А здесь так все противно и пошло... Пойдемте, поговорим обо мне: жутком лицемере и ловеласе...

— Вот защищусь и уйду из лаборатории... Даже знаю, куда уйду! Представляю, как вы меня теперь ненавидите! Дескать, когда диссертация в сумочке, дура вздрючилась! А мне приятно, что вы меня ненавидите. Я не пойду к вам есть декабрьскую клубнику. Вам бы подождать защиты, профессор, там, может быть, потрясенная особой выдержкой и рыцарством, может быть... А теперь — нет! Теперь я бы с удовольствием бросила вам обратно эту мерзкую работенку-преподношение... Хотите, профессор, брошу готовую диссертацию? Нет, пожалуй не брошу, — вам она все равно не нужна, а в ней нынче и моя доля есть...

«И утро шло кровавой банею, как нефть разлившейся...» Леонид Романович подозвал официанта и заказал пачку сигарет. — «Как нефть разлившейся зари, гасить рожки в кают-компании и городские фонари...»

— Мужчина должен овладевать женщиной силой! И только силой! Так задумано природой: мужики бьются из-за самки — какая прелесть! — Леночка засмеялась, но каким-то серьезным смехом. — В наше время не бьются, сидят за письменными столами, печатают на машинках... Тошно от их нытья, от их слабостей, болезней... Я за силу! Для поддержания порядка ведь тоже применяют силу... И для поддержания порядка в природе нужна сила. И вообще, профессор, любовь, эти переживания, придуманы слабаками, нытиками.

Вы проповедуете нечто ужасное, дорогая, — остановил он разбушевавшуюся красавицу.

— Выплескиваю, а не проповедую. Ужасно, когда нытики и слабаки посчитают, что все дозволено, ужасно, если человек идет против природы. Бумажки, формулы должны положить женщину?! Ха-ха-ха... Смешно, профессор...

«Лакей салфеткой тщился выскрести на бронзу всплывшии стеарин...» А у нее раздвоенный подбородок, как же я не заметил? О, это великое указание! Тут не только твердость характера, тут не только холодность, а еще очень знаменательная черта определенного рода женщин... Природа метит! Она вообще часто и много метит... Видеть бы эти метки, читать их...

— ...Профессор, а почему мне вас совсем не жаль? Вы так жалко выглядите, а мне вот ничуть, нисколько...

— Я, дорогая Леночка, давеча прочел рассказ «В чаще» Акутагавы... Сильный рассказ, может быть самый лучший в мире... Люди необъяснимы, истины не узнать... Я был ко всему готов, но вы... Вы превзошли...

— Так хотелось сегодня потанцевать... Особенно с этим офицером, от которого вас передергивало... Кстати, вы до сих пор так и не посмотрели диссертацию... Осталось два дня...

— У вас надежный руководитель и вы защитите диссертацию... Пойдемте... На пароходе пахло кушаньем и лаком цинковых белил, по Каме сумрак плыл с подслушанным... Привязались эти странные стихи. Пойдемте...

Когда было покончено с официантом, они спустились в гардероб, профессор красиво помог Леночке одеться, очень вежливо затем открыл дверцу такси и стал искать еще одно для себя, но так и не нашел, да и недалеко ему было...

Профессор не раздеваясь опустился в кресло, выложил пачку с сигаретами... Какая благодать, что снова можно курить, не мучить себя! Он с величайшим наслаждением затянулся... Двигаться не хотелось, и он долго сидел так, не раздевшись, лишь один раз нагнулся, ища пепельницу, но вспомнив, что сам же упрятал ее от себя подальше, свернул кулек из бумаги и снова застыл, глядя в одну точку.

Профессор думал об ошибках... Сколько их было! Из ошибок соткана судьба. Не будь их, — менялись бы судьбы...

Леночка казалась ненужной ошибкой. Ошибкой не ко времени, а потому жестокой и печальной...

Откуда, впрочем, такая озлобленность, граничащая с ненавистью в этом богом отмеченном существе? Да и не характерны, не свойственны для красивых злоба и открытая неприязнь. Видимо, и у природы случаются огрехи, промахи, ошибки... Вот только безнаказанно... Безнаказанно... Безнаказанно?!

Профессор, вдруг оживившись, скинул шубу, — она застряла у спинки кресла, — и нагнулся к ящику, из которого полтора года назад извлек свои черновики. Возвращенные Леночкой, они были на прежнем месте. Профессор положил их перед собой. Потом достал несколько листов бумаги и ручку. Затем углубился в расчеты...

Он просидел до рассвета, когда посинело небо и повалил утренний редкий снежок, обещая опять потепление.

Всего семнадцать минут докладывала Леночка. Она была в темно-синем платье с белым тонким ремешком. Ничем больше, кроме этого скромного ремешка, не был украшен ее туалет. Да этого и не требовалось. Собравшиеся смотрели на нее с блуждающе-заискивающей улыбкой. Это были главным образом старые заслуженные профессора, приглашенные Самариным для пущей солидности и надежности защиты. Глядя на соискательницу, они, как и профессор Самарин, внезапно задумались над вопиющим алогизмом: Леночка и угол трения кулачкового механизма, Леночка — и грубое: температура околошовной зоны! Нелепо! Нелепо! Разве сами бы они не просчитали все эти передающие элементы, разве сами не ликвидировали бы все белые пятна в своей любимой науке! При чем тут Леночка? Богиня создана, а точнее планировалась и задумывалась для забвения от дел, забот, дум! Все эти леночки — успокоительный наркотик для глаз, мозга. То — эликсир жизни, музыка бытия! И просто кощунственно было профессору Самарину заставлять эту царицу торчать в лаборатории, дышать вредными продуктами пайки и сварки, вдобавок вечерами чертить эти листы со сложными математическими расчетами. Да будет ли конец этим стандартным вопросам... Все ждали завершения формальностей, той минуты, когда можно будет подойти, склониться к мраморной ручке... А почему, кстати сказать, нет самого Самарина? Удивительно: не изволит присутствовать в такую ответственную минуту! И все сошлись во мнении, что причиной тому, с одной стороны, скромность, нежелание как-то повлиять на объективное мнение своим авторитетом, а с другой, — безусловная уверенность в своей ассистентке. И не без основания, конечно же...

Но Леонид Романович появился. Все уже были готовы к голосованию, когда он тяжелой походкой вошел в зал и, смущаясь, что привлек к себе взгляды собравшихся, нагнулся к председателю, и лишь тот промямлил «Внимание, товарищи!», направился к одному листу, на котором увеличенно был повторен математический расчет, ткнул указкой во второй столбец цифр и негромко, хотя был услышан всеми, произнес:

— Здесь ошибка! Расчет неверен, а стало быть, неверны и общие выводы. Неудивительно, друзья мои, что экспериментальные опыты оказались неудачными. Работа несостоятельна, в этом и моя вина... Приношу самые искренние извинения перед диссертантом и перед всеми вами, уважаемые коллеги...

●

Еще в 1984 году, в год столетия Николая Алексеевича КЛЮЕВА на один из немногочисленных проводившихся тогда юбилейных вечеров в Малый зал Центрального Дома литераторов имени А. А. Фадеева допускали только членов Союза писателей, имеющих специальные *приглашения*, которые еще надо было *достать*. Остальные же (писатели и не писатели) узнали об этом вечере из небольшого отчета в «Московском литераторе», да из нескольких строк в «Литературной газете» и «Литературной России». Провести тот вечер п о з в о л и л и. Разрешили-таки поговорить о великом русском поэте, вспомнить о нем, почитать его стихи. А могли бы и н е п о з в о л и т ь. А чего! Вдумаемся — ведь и теперь нам лишь кажется, что мы — это мы. А скажут нет — и замолкнем!

И все же Клюев, много десятилетий записанный «отцом кулацкой литературы», расстрелянный в 1937 году, погруженный во тьму, воскрес, пришел к людям. Истинное — вечно. И какая поэзия, какая культура, какая личность, какой дух явились вдруг пробуждающемуся читателю!

И все же с того, 1984 года, на родине поэта, в Вытегре, ежегодно в октябре стали проводиться Клюевские чтения и праздник Клюевской поэзии. В минувшем году в них приняли участие писатели, литературоведы, искусствоведы из Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, Вологды, Череповца, Киева, Пскова, Томска. Готовится к открытию и музей поэта на его родине, издаются его книги. И становится ясно: чем решительнее будем мы выметать чертовщину, чем непреклоннее будем стремиться к тому, что дорого сердцу, тем труднее, тем невозможнее будет заставить нас снова «замолкнуть»...

«ГДЕ ЧОРТ ВАЛЯЕТСЯ, ТАМ ШЕРСТЬ ОСТАНЕТСЯ»

из публицистики Н. Клюева 1919-1923 годов

Стихи и поэмы Николая Клюева, сохранившиеся вопреки эпохе, приведшей его к гибели, теперь (большей частью) опубликованы у нас в отечестве. За последние два года обнародовано также многое из эпистолярного наследия поэта — это и письма А. Блоку и известному редактору-издателю В. С. Миролюбову, и обширный комплекс чудом уцелевших писем из сибирской ссылки (С. А. Клычкову, В. Н. Горбачевой, Н. Ф. Христофоровой-Садомовой и другим адресатам). С их страниц Клюев встает во весь свой громадный рост — и как великий поэт и оригинальный мыслитель, и как самобытная, неповторимая личность...

Ощущение неповторимости возникает и при чтении его послереволюционной публицистики, до сих пор практически не известной широкому читателю — ведь она никогда не входила в книги поэта... Абсолютное большинство его статей и заметок того времени появилось на страницах газеты «Звезда Вытегры» (с 1920 года — «Трудовое слово»). Она выпускалась на родине Клюева, в Вытегре — уездном городке тогдашней Олонецкой губернии, где он жил в 1919—1923 годах. Сейчас эта газета — библиографическая редкость: полных комплектов ее нет ни в одной из библиотек Союза.

Кроме того, при анализе содержания вытегорской газеты за 1919—1921 годы, проведенном мною, выяснилось, что поэт публиковал в ней свою прозу как за собственной подписью, так и под псевдонимами (либо анонимно). В результате было выявлено и атрибутировано Клюеву двенадцать газетных статей и заметок, тексты которых были опубликованы в 1984 году журналом «Русская литература»[1]. Что касается одиннадцати статей поэта 1919 года, вышедших под его именем, то лишь три из них — «Медвежья цифирь», «Красный набат» и «Порванный невод» — повторно (и без купюр) увидели свет в наше время[2]. Остальные еще ждут своего переиздания.

Между тем, в публицистике Клюева не менее ярко, чем в его поэзии 1918-1919 годов, отразился — зачастую мучительный — процесс осознания им не только действительных чаяний восставшего народа, но и кричащих противоречий революционной эпохи.

Позицию поэта очень точно охарактеризовал его младший современник Рюрик Ивнев:

«Клюев не скрывает, что многое из происходящего ему чуждо, многое даже враждебно — может быть, даже до невыносимости, и это его большая заслуга, что он об этом говорит, потому что, говоря так, он остается поэтом, он выносит свое страдание в свои стихи и сохраняет ту внутреннюю правдивость, которая является единственным мерилом подлинной художественности.

Николай Клюев переживает трагедию.

С одной стороны, он захлебывается от счастья, что произошла социальная революция, он здесь, с ней всей своей громадной душой ⟨...⟩, но, с другой стороны, он не официальный оптимист ⟨...⟩. Клюев слишком поэт для того, чтобы смотреть на происходящее глазами официального трубадура революции.

Кроме того, помимо гнили и мерзости, которой была полна прежняя Россия — Клюев видит в ней коечто и хорошее, светлое. И это светлое облако воспоминания как бы все время незримо присутствует в стихах Клюева.

И он разрывается душой, не могущей, несмотря на свою огромность, вместить все противоречия наших дней.

И уже одно то, что Клюев прямо и честно и, главное, беспристрастно подошел к переживаемым событиям, показывает, что он великий и прекрасный поэт. ⟨...⟩

Клюев не верещит о радостях рабочих, когда эти рабочие еще голодны, он не заверяет мир о том, что настал великий и радостный день освобождения, он знает, что это освобождение придет, но придет не в пестрых, шутовских урапатриотических навыворот одеждах, а придет в суровом крестьянском платье, пройдя через очищающий огонь физических и духовных страданий, противоречий, ошибок и, может быть, даже преступлений»[3].

И как бы в подтверждение этих слов Р. Ивнева, спустя немногим более месяца после появления их в симферопольской печати, Клюев публикует в «Звезде Вытегры» (9 июля 1919 года) статью «Сорок два гвоздя», впервые перепечатываемую здесь.

Читая ее теперь, убеждаешься, что в своей прозе (как и в поэзии) Клюев не расставался со «светлым облаком воспоминания» по Руси отлетающей («Руси родимой, колыбельной»), мучительно страдая от происходящих трагических событий:

«Жаворонки, жаворонки свирельные!

Принесите вы нам пропащим, осатанелым, почернелым от пороховой копоти, сукровицей да последом человеческим измазанным, хоть росинку меда звездного, кусочек песни херувимской, что от ребячества синеглазого под ложечкой у нас живет! ⟨...⟩

Ах, слеза моя горелая, ядовитая!

Не свирелят жаворонки над русской землей, только рыгает броневик свинцовой блевотиной...»

Это место из «Сорока двух гвоздей» перекликается с одним из стихотворений поэта, написанным примерно в то же время, но до сих пор не публиковавшимся:

Александр Добролюбов — пречистая свеченька
Перед ликом Руси, перед Брамой, Буддой,
Натрудили ему богоносные плеченьки
Коромысло миров с чернокрылой бедой.

Пули и солнце, в росинке и в цветике маковом,
У пеструшки яичко с кровавым белком,

И любимую полку с Минеей, Аксаковым,
Посребрило, как луг, паутинным снежком.

Сиротеет церквушка... Микола с Егорием
Обернулися тучкой — слезинкой небес,
Над израненной нивой, родимым поморием
Пулеметом стрекочет и каркает бес.

Оттого на крушиннике слезы свинцовые,
И задуло лампадку, и вопли в трубе...
Грезит кашей горшок, маслобойка коровою;
Постучалася Оторопь к черной Судьбе.

На лежанке две тени — зловещие саваны
Делят кус мертвечины не в час и не впрок.
Пулеметного беса не выкурят ладаны: —
Обронила Россия моленный платок.

И рассыпались косы грозою, пожарами,
Лебединую грудь взбороздил броневик.
Не ордой половецкой, не злыми татарами
Окровавлен священный родительский лик.

Александр Добролюбов — березынька белая
Плачет травной росою, лесным родником:
Ты катися, слеза, роковая, горелая,
Побратайся с былинкой, с ночным светляком!

Схоронись в буреломе с дремучим валежником,
Обернися алмазом, подземной струей,
Чтоб на братской могиле прозябнуть подснежником,
Сочетая поэзию с тайной живой[4].

И в стихотворении, и в статье «Сорок два гвоздя» звучит также другая, животрепещущая для поэта тема — «революция и религия». Как известно, он был последовательным противником официальной, «романовской» церкви: «Я не считаю себя православным 〈...〉, ненавижу казенного бога, пещь Ваалову Церковь, идолопоклонство «слепых», людоедство верующих — разве я не понимаю этого...» (из письма А. Блоку, апрель 1909 года). В то же время многие стихи Клюева 900-х годов, особенно из включенных в его второй сборник «Братские песни», проникнуты подлинно религиозным чувством — ведь поэт получил соответствующее воспитание: дома было много рукописных и старопечатных книг религиозного содержания, мать учила его грамоте по Псалтырю, а в ранней юности он некоторое время был послушником в Соловецком монастыре...

Понимая, что революции с религией не по пути, Клюев, действительно отдавший (говоря его словами) «свои искреннейшие песни революции», и сам пытался «презреть колыбельного Бога, жизнедательный отчий крест»[7], но не мог этого сделать, коря потом себя за отступничество: «Родина, я грешен, грешен, богохульствуя и кляня!..» Вот почему среди стихотворных и прозаических сочинений Клюева 1919—1920 годов немало таких, в которых он — вопреки доминировавшему тогда лозунгу: «Церкви и тюрьмы сравняем с землей» — ищет (и находит) общее между современными революционными идеями и идеалами, одушевлявшими первых христиан. К таким произведениям относятся и уже упоминавшиеся статьи «Красный набат» и «Порванный невод», и публикуемая статья «Сорок два гвоздя».

Эта позиция Клюева, естественно, вызывала негативное отношение к нему некоторых его товарищей по партии[5]. И когда в начале марта 1920 года в Вытегру из Олонецкого губкома РКП(б) пришел циркуляр «О непринятии в партию религиозных людей», на уездной партийной конференции был поставлен вопрос, может ли поэт далее оставаться членом партии. Ему было предложено разъяснить свою позицию. Клюев выступил перед коммунистами уезда с речью-«словом» «Лицо коммуиста», сохранившимся, к сожалению, лишь в изложении:

«С присущей ему образностью и силой оратор выявил цельный благородный тип идеального коммунара, в котором воплощаются все лучшие заветы гуманности и общечеловечности.

Любовь, как брак с жизнью, мужественные поступки, смелость мысли, ясность взора, бодрая жизнерадостность — таков лик коммуниста, сближающий его отчасти с мучениками и героями великих религий на заре их основания.

С другой стороны, в отличие от фанатиков религии, коммунар более смотрит на землю, чем на небеса, борется с житейской грязью, подхалимством и лицемерием.

При таких свойствах творческая работа коммунистов не останется втуне, и поэт, предчувствуя грядущее в мир царство свободы, где нет ни рабов, ни меча, ни позорных столбов, доказал собранию, что нельзя надсмехаться над религиозными чувствованиями, ибо слишком много точек соприкосновения в учении коммуны с народной верою в торжество лучших начал человеческой души»[6].

Двадцатью пятью голосами против двенадцати Клюев был оставлен в рядах партии. Губком РКП(б), однако, это решение отменил, и поэт был исключен из РКП(б) 28 апреля 1920 года, поскольку «религиозные убеждения его находятся в полном противоречии с материалистической идеологией партии и ее задачами в деле борьбы за освобождение рабочего класса»[8].

С этого момента возможности сотрудничества Клюева в уездной печати постепенно сужались и к 1922 году практически сошли на нет. Однако в сентябре того же года редактором вытегорской газеты стал Николай Ильич Архипов (1887—1967), друг поэта, которому Клюев посвятил несколько стихотворений и поэмы «Четвертый Рим» и «Мать Суббота». Примерно тогда же в центральной печати появилась статья Л. Троцкого о Клюеве, в которой поэт объявлялся «крепким стихотворным хозяином» и высокомерно отлучался от революции. Олонецкая губернская газета немедленно перепечатала эту статью[9], очевидно, для того, чтобы утвердить соответствующее отношение к поэту и на его родине. Тем не менее, Н. И. Архипов, вплоть до своего ухода с поста редактора, привлекает поэта к сотрудничеству в газете, хотя и в неявной форме: анонимно и под псевдонимами в «Трудовом слове» с сентября 1922 года по январь 1923 года Клюев напечатал семь прозаических миниатюр, что называется, «на злобу дня». Публикуемые ниже, почти все они, по существу, относятся к жанру фельетона: в них ярко раскрывается самобытный дар Клюева как сатирика-полемиста.

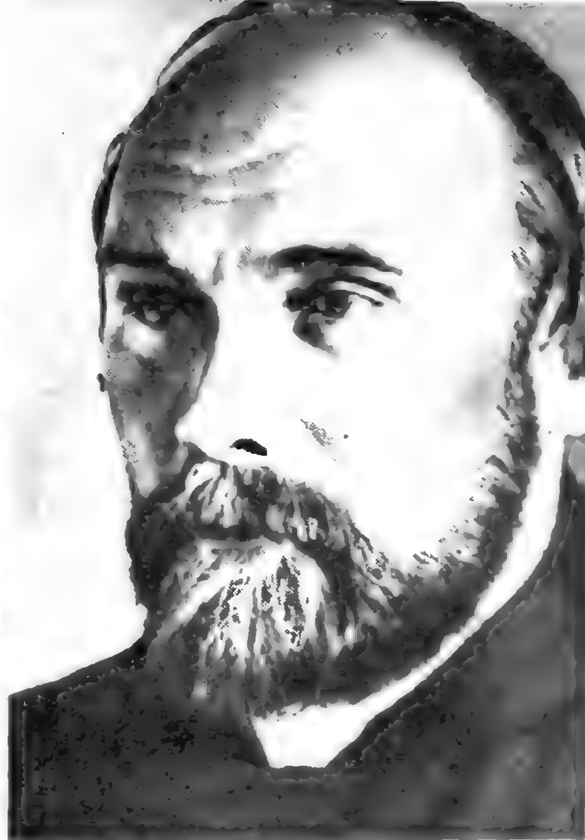
Шесть из этих семи заметок выявлены на страницах вытегорской газеты и атрибутированы Клюеву автором этих строк с помощью стилевого и языкового критериев атрибуции, выработанных ранее и изложенных в моей статье 1984 года (см. прим. 1). Атрибуция поэту рецензии на спектакль «Подснежник» проведена К. М. Азадовским[10].

СЕРГЕЙ СУББОТИН

СУББОТИН Сергей Иванович
родился в 1942 году в поселке
Усть-Кинельский Кинельского
района Куйбышевской области.
Окончил Московский
государственный университет
имени М. В. Ломоносова.
Кандидат химических наук.
С 1989 года — научный
сотрудник Института мировой
литературы имени А. М. Горького
АН СССР.
Ответственный секретарь
комиссии по литературному
наследию Н. А. Клюева
при СП СССР.
Автор ряда работ,
посвященных жизни и творчеству
новокрестьянских поэтов —
Клюева, Клычкова, Ширяевца.
Публиковался в журналах
«Русская литература», «Север»,
«Новый мир», «Наше наследие»,
«Огонек», «Советская литература»
и других.

Руины б. Верхне-Пятницкой церкви (с. Макачево Вытегорского района Вологодской области), взорванной в 30-е годы. На погосте у церкви похоронены родители Н. А. Клюева (точное место их захоронения установить невозможно). Октябрь 1989 года. Фото Сергея Моторина (Вытегра).

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

Сорок два гвоздя

Чистили золотари отхожее место, дух такой распустили, что не токмо окно открыть, — дохнуть в келье не мысленно.

Оговорка есть: мысленному дыханию и нужник не запрет, не помеха, не застава крепкая, но только досада: угораздило же граждан Российской Федеративной Советской республики с погаными черпаками да с червивой смрадной бочкой на зеленой, троицкой земле мертвое море разводить — ни живности, ни воздыхания чистого в сем помории не водится, а виляет в его мути смертной лишь один рак-бесенок, удавная клешня, пученый глаз, головастик треокаянный...

Большой черт не боязен.

Настоящего дьявола по духу хоша и не уличишь, зато пупом угадаешь: затолчет в пуп, и в ягодицы жар бросится, — знай, что большущий чертяга с тобой дело имеет.

Другое дело — бес-головастик, через ноздрю душу человеческую погубляющий, смородком мертвецким больше донимает он.

На отрока и на старицу с курицей похоть в тебя вселяет, а если языка человечьего коснется, — трус и мор, и червь неусыпающий по земле пойдут...

От большого черта крест с ладаном оборона, наипаче же ладан, что от образа Умиления злых сердец человеческих взят и воскурен — перед солнцем, перед Русью родимой, колыбельной, перед ласточками, которые на зиму в рай к Киприяну запечному улетают и по печуркам теплым, пренебесным гнезда вьют.

Ласточки, ластушки непорочные! Принесите хоть на перушке малом воздуха горнего, райского, — нам, мошенникам, золотарям вонючим! Загноили мы землю родительскую, кровями искупленную, от Соловков до потайных храмов индийских праведными, алчущими правды лапоточками измеренную!

Где ты, золотая тропиночка, — ось жизни народа русского, крепкая адамантовая верея, застава Святогорова?

Заросла ты кровяник-травой, лют-травой, лом-травой невылазной, липучей и по золоту, настилу твоему басменному, броневик-исчадье адово прогромыхал!

Смята, перекошена, изъязвлена тропа жизни русской. И не знаешь, куда, к кому и зачем идти.

Суешься, как слепой кутенок.

И нету титьки теплой, маткиной.

Издохла матка; остался хвост один, шкурка мокренькая, завалящая.

Хотя бы глазки скорей прорезались, — увидеть бы свет белый, травку-пеструшку, а может статься, и жаворонка в небе заливчатого, серебряного...

Жаворонки, жаворонки свирельные!

Принесите вы нам пропащим, осатанелым, почернелым от пороховой копоти, сукровицей да последом человеческим измазанным, хоть росинку меда звездного кусочек песни херувимской, что от ребячества синеглазого под ложечкой у нас живет!

И-и-и-же, хе-е-е-ру-у-ви-и-и-мы...

Помажем мы небесным медом свои запеклые губы болячки свои нестерпимые, прокаженные, смоем с лиц пороховую гарь, чистую рубаху наденем, как бывало перед пасхой, после трудной страстной недели.

Родители из гробов восстанут на Великое Розговенье убиенные братья наши: кто огнем опален, кто водою утоплеи; кто железом пронзен, кто на древо вознесен за грехи наши...

Ах, слеза моя горелая, ядовитая!

Не свирелят жаворонки над русской землей, только рыгает броневик свинцовой блевотиной... в золотую чашу жизни.

И звенит чаша тонким, комариным звоном, сердечным биением.

Кто слышит — чует струнного комара, жилку, что в печени матери-земли бьется... тикает?

Люди! Живы мы или мертвы?

Давно умерли. И похоронены без попа, без ладана. И крест уже над нами сто лет назад сгнил, трухой могильной рассыпался.

* * *

Выжил меня из кельи смертный дух, что золотари напустили.

Закутал я на исход чистым рушником свой любимый образ Софии-премудрости Божией, — крылата она и ликом багряна, восседает на престоле — яхонте, и Пречистая с Иваном-постителем ей предстоят главопреклонны.

А Спас золотой, в пламенных кружалиях, за плечьми ее вознесся, благословящие длани на все миры простирая.

Да еще Некая книга на этой же иконе превыше херувимов здынута.

Пречудное письмо!

Гадали гадатели высокомысленные, Филарет Московский, чернильные люди разные, которые рапсодии про голые ноги пишут, про мою икону: в чем ее мысль, в чем красная тайна ее? Так и не умыслили.

На девятую Пятницу летнюю забрела старушонка ко мне — про душу поговорить, и. глаз не крестя, разгадала:

«Нынешнее время — икона твоя. Красная правда на яхонте сидит, и Солнце с Луной предстоящие. С оболока Разум святодуховский воззрился»...

Закутал я, говорю, на исход из кельи чистым рушником сию всепетую икону и малыми стопами исшел на зеленую уличку городишка нашего. Гляжу, к забору бумага прилипла, и таково своим буквенным ртом звонко взвизгивает: «Отделение церкви от государства». А собраться христианам к городовой каланче, апостольствовать же будет... Савл из Тарса[11].

Ноги у меня удрученные соловецким тысячепоклонным правилом, и телеса верижные: вериги я девятифунтовые на рамах своих до Красного года носил; в них и в Питере бывал, и у разных, что ни на есть духобойных писателей и ученых чай пил.

Как раскумекал я подзаборную бумагу, понесли меня мои удрученные нози и телеса зело поспешно напрямки к каланче.

А когда хватился я сего указанного для сборища места, узрел видение елеонское: на зеленой мураве, разморенные троицким солнышком, стояли и возлежали алчущие правды. Все коперщики, тесовозы, с Кривого Колена да с Солдатской слободки беднота лачужная. И у всех у них такие церковные, православные лица.

Много детей и младенцев пазушных.

«Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря.

Тогда говорит ученикам своим: Жатвы много, а делателей мало, и так молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву свою». — припомнило ухо лист евангельский[12]. Стал я делателя выискивать. Стоит на помосте, в дикую краску крашенном, детина, годов этак под тридцать, с питерским пробором, задом же ядрен и сочен, с лица маслен, и с геенским уголькои на губах.

— Я, говорит, в Ерусалиме был и сам видел четыре гвоздя, да в Успенском соборе четыре, да в Казанском гвоздь, да в Киеве полтора, а всего-навсего двадцать с половиной — ими был прибит ко кресту Исус Христос. А товарищи мои насчитали таких крестных гвоздей в Крыму до десятка, да в Костроме пару, а если в плоть Христову все эти гвозди вбить, то счет им звериный — сорок два (666) .

Дрогнул я, дрогнул и мужик рядом меня, благовестнику внимающий, и ребеночек у женки сухонькой, бескровной, в беремени петушонком пискнул.

Больно ... больно стало народушку — пречистому телу Христову.

На небе же облачные персты начертали тонкий измарагдовый крест.

И крест осенил народ: копершиков, тесовозов, бедноту лачужную. В солнце же родимом, Олонецком, ясно узрелся серафим трепыхающии, певчий...

Христос воскресе из мертвых.
Смертию смерть поправ,
И сущим во гробех
Живот даровав[14]!

* * *

Обсчитался товарищ.

Не сорок два гвоздя крестных, а миллионы их в народно-Христовскую плоть вбито.

Знает это русский народ доточно без крикливой бумаги на заборе, без географии с арифметикой.

Обуян он жаждой гвоздиной, горит у него ретивое красным полымем. Потому и любо народушку, если чьи умственные руки гвоздь почтут; к примеру, в Успенском соборе, в ковчежце филигранном оберегают.

Христова плоть — плоть народная, всерусская, всечеловеческая.

Сорок же два гвоздя — это шило, которое в мешке не утаишь

И как ни вертись и языком ни блудословь, все равно никого не проведешь.

Слышит олонецкое солнышко, березка родимая, купальская, что не гвозди. а само железо на душу матери-земли походом идет.

Идолище поганое надвигается. По-ученому же индустрия, цивилизация пулеметная, проволочная Америка.

Больно народушку, нестерпимо тошно... Доходят проклятые гвозди до самой душеньки его.

Если же сие потайное народное чувство детиной с угольком на губах и с леворвертом у пояса удостоверить, то все до донушка станет понятно:

На младенца-березку.
На кузов лубяной, смиренный,
Идут Маховик и Домна
Самодержцы Железного царства.
Господи, отпусти грехи наши!
Зяблик-душа голодна и бездомна,
И нет деревца с сучком родимым,
И кузова с кормом-молитвой .

* * *

Христа-Спасителя последняя завалящая бабенка знает лучше, чем Толстой с Ренаном[16].

Носит Его язвы на себе[1] .

И гвозди Его.

Тайна сия велика есть .

Христос и завалящая бабенка — это сладчайший жених и невеста преукрашенная.

Да будут два — в плоть едину[19]. Христос — свете истинный совокупился с Россией, проспал ночь с нею, даже до часа девятого.

И забрюхатела Россия Емануилом. Умом Недоуменным, Огненным безумием, от пламени которого, как писано: «Старая земля и все дела ее сгорят».

И явится Новое небо и Новая земля[20].

И не будет ничего проклятого[21].

Спасенные народы будут ходить во свете[22]

Россия на сносях.

«Остатнюю четверть ходить», — как говорят мужики.

Уж начались «схватки» роженичные, ярые муки. По газетам же, Колчак с Деникиным наступают, Англичанка с Америкой злоумышляют...

Русский народ! Скоро бабка-пупорезка, повитуха Богоданная, добрым грубым голосом тебя с «Новорожденным» поздравит.

Зовут бабку Вселенная, по батюшке Саваофовна!

Родится Чадо посреди седми светильников стоящее, облеченное в подир, и по персям опоясанное золотым поясом.

Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его, как пламень огненныи.

И ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи, и голос Его, как шум вод многих.

Он держит в деснице Своей седьм звезд, и из уст Его выходит острый с обеих сторон меч, и лицо Его, как солнце, сияюшее в силе своей.

И когда ты, русский народ, увидишь Его, то падешь к ногам Его, как мертвый. И Он положит на тебя десницу Свою и скажет тебе: «Не бойся, Я есмь первый и последний, и живый, и был мертв, и се жив во веки веков!»

Сорок два гвоздя — шило в мешке, свидетельство ран воскресных.

Не ропщи — всё от бога…

Вытегоры перед отъездом в Питер вполне резонно запасаются хлебом на неделю. Путь нелегкий и долгий, исполненный всяких треволнений и сюрпризов от водного начальства.

Не так давно, во едину из суббот, на пристани появилось объявление, предлагавшее вытегорам, желающим в кратчайший срок прибыть в Питер, погрузиться на следующее утро со своими монатками. Загрузили пароход, довольные небывалым в наших краях вниманием к пассажирам.

В пятом часу дня сияющие подъехали к Вознесению. Через две минуты физиономии вытянулись, глаза помутились: пароход «Володарский» изволил отбыть в Питер за полчаса до их прибытия.

Возмущенные бросились к начальству, прося остановить пароход, а их доставить на буксирах. Но напрасно просили грозных Тритонов... Пришлось околачиваться на пристани до среды. Зато на вокзале служащие пристани благодушно потирали руки и посматривали, как проклинавшие вытегоры раскрывали кошельки у стойки их буфета[24].

В более теплые края…

В свое время отцы города и уезда приложили немало стараний, чтобы обзавестись гимназией и реальным училищем. Сумели построить даже лучшее каменное здание в городе, привезли квалифицированных педагогов с высшим и специальным образованием, словом, превратили городишко в северные Афины.

Сейчас из средних учебных заведений осталась одна школа II ступени, и это бы не беда, да вот загвоздка: педагоги, тщетно вопившие о своих нуждах, тишком да молчком покинули насиженные гнезда, разбрелись по теплым краям.

В результате не Афины, — а разбитое корыто.

И надеяться на солидный подбор педагогов не приходится: только дурак поедет теперь из Питера в тараканий городишко.

Папаши чешут в затылке и думают трудную думу о судьбе своих чад милых.

Ликвидированный олонецкий губоно[25] больше заботился о себе, мало вникая по заведенной традиции в нужды уездов, и при случае старался не помочь, а стянуть из уезда что-нибудь, либо надуть.

Вот и получилась картинка[26].

Вяземская академия

Пропад всегда остается пропадом и кобель резедой не пахнет.

Не пахнут букетом и вытегорские заведения, т. е. они и пахнут, но тем духом, в котором, как говорится, хоть топор вешай.

Если читатель не боится ни рвоты, ни чирьев, пусть он зайдет в просветительное заведение имени Цейгера[27]. Лекции в этой академии читаются на двенадцати языках, на тему «в рот и напролет» и усваиваются с необычайной легкостью. На зимний сезон предположено пригласить, по слухам, лучшие «художественные» силы: Ваську-Отмычку, Ваську Обуха с Машкой Рыжей, а также и работников по спиртовой кооперации.

Академия процветает, как маков цвет, и снискала заслуженное уважение и славу среди махровых носов и ночных студентов.

Советуем милиции ознакомиться поподробнее со знаменитой академией, которой нужна хорошая метла и ведро карболовой кислоты[28].

Челобитная

Караул! Сходим с ума!

На рынке плюшки да ситный, а уснуть целой улицей полгода не можем.

Едва наступает вечер, как со дна многоводной Вяньги[29] поднимается вся нечистая сила и собирается у кладовых отмесхоза[30] править шабаш.

Это так думалось нам, пока мы, не собрав для острастки всех бабушек и дедушек, не сходили на это заклятое место.

Оказалось, что это не черти, а просто-напросто рыжий детина здоровенным аншпугом[31] лупит по несчастной будке от сутемок до белого света.

Ни чертям, ни ворам от этого не страшно, а добрым людям покоя нет.

Весь квартал у местхоза валится в ноги начальству с челобитной: заменить свирепый аншпуг разумной колотушкой, какая и полагается ночным сторожам[32].

Где чорт валяется, там шерсть останется

Тьма в Вытегре большая, не только на улицах, но и в головах.

Уличная тьма фонаря боится, а мрак, что голову мутит, фонарем, даже если его и под глаз взбучишь, — не разгонишь.

Тьма и черти света боятся.

Помнит это крепко наш «Дом Просвещения»[33]: библиотекой и разными кружками с чертями борется.

Но уездный чорт увертлив, когтист, а главное — пакостник.

«Дом Просвещения» как в дуду дудит: «Нет, мол, ни бога, ни чорта!»

А обыватель на сие только в бороду ухмыляется.

Спроси его невзначай, как, мол, насчет нечистого?

Обыватель взъерошится, борода — мочалкой и очи — самые преподобные:

«Разные, говорит, бывают черти; и что они у нас под боком, тому резонов много.

К примеру, на шестовской мельнице[34] недавно мучной бес объявился.

В свое время его одернули, и он пакостить прекратил, а теперь опять началось озорство: и граждане и организации получают с мельницы муку с хорошей порцией дресвы.

Шестовскому чорту, может быть, и по зубам хлеб с песком (лукавому что ни дай — все слопает), а гражданам советской республики такая закуска не по нутру.

Это — чорт мучной.

А вот чорт масляный.

Сдавали вытегорские мужики в продком масляный налог, сдавали и пеняли: «Масло-то, что искра, как налимья майка[35]!»

И взаправду, масло, как говорится, духом кормило, кошелевским[36] ситным не подменишь.

Но за чистым делом завсегда нечистый сидит.

Попало это масло в Военком и при выдаче служащим оборотилось в чортовы потроха: и чего в нем только не обретается — плева коровья, сало, от которого душу воротит, добавком же на каждый фунт совок соли вбухан».

Слушаешь обывателя и поневоле в чортову веру перейдешь.

Прежних чертей крестом да ладаном пугали, а нынешние, видимо, и Исправдома не гораздо пужаются.

Зато живут мучнисто и масляно[37]!

«Лишь мы работники»…

Покой нашего уездного болота, где еще вольготно живется разным уголовным чертягам, вновь будет нарушен рядом судебных процессов строителей личного благополучия «в интересах и за счет Республики».

Наши следственные органы начинают вытаскивать из преисподней разжиревших на советских харчах леших, огневиков, оборотней и т. д.

Вся эта нечистая сила, напоказ орущая, где выгодно: «лишь мы работники всемирной...», на деле же когтями и зубами подрывающая корни советвластия, будет торжественно усажена на скамью подсудимых

О, долгожданный час, пробей скорей!

На последнем заседании исполкома делал доклад т. Яковлев[38], командированный в Андому[39] для ревизии вспомогательного пункта и заготконторы.

Обнаружены хищения... весь материал передан в уголовный розыск.

Желаем последнему твердости и неуклонности в борьбе с хищниками и бронированными мошенниками.

Эту, подлинно контрреволюционную, нечисть надо выжечь дотла[40].

«Подснежник»

Давно говорилось, что вытегорская молодежь дальше вонючей цыгарки, лихо задранной шапки и мордоворотов не пойдет. Пропала молодежь, загноилась она душевно. Так думалось, и совесть мучила.

Однако же «Подснежиик» на вытегорском снегу вырос воочию. Мы видели кусочек светлого чуда на подмостках нашего театра. Свыше пятидесяти человек подростков, почти детей, руководнмые любящей рукой, взволновали нас глубоко, изобразив в лицах сказку «Подснежник»[41].

Юные артисты свежи, трогательны, их игра и чистые голоса обновляют сердце. Драгоценны в жизни масс такие вечера!

Печально то, что наш Комсомол, пользующийся поддержкой и особым покровительством, не взрастил ни одного, хотя бы и худенького, цветочка искусства, не проявил себя как светлую силу в уездной тьме, силу насущную и ценную для юности.

Спектакль «Подснежник», прекрасно оборудованный совершенно сторонними руками — живой урок Комсомолу.

Взволнованными и просветленными разошлись посетившие театр 14 января.

Хорошее дело сделано: красиая молодая травка говорит нам о том, что где-то в глубинах жизни таииственно зреет весна красоты.

Талантливы и энергичны бр⟨атья⟩ Марковы, спасибо Любомирскому[42], спасибо Тамаре Ивановой за постановку танцев!

Неожиданно выдержана и стильна юная артистка — подснежник, прелестное дитя Михайлова в танце цветов...

Прекрасный святочный вечер[43].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Субботин С. И. Проза Николая Клюева в газетах «Звезда Вытегры» и «Трудовое слово» (1919—1921 годы). Вопросы стиля и атрибуцни // Русская литература, 1984, № 4, с. 136—150.

[2] День поэзии. 1981. М., 1981. с. 191—193 (публ. А. К. Грунтова и С. И. Субботина); Москва, 1987, № 11, с. 20—32.

[3] Рюрик Ивнев. Поэзия душевного конфликта: (О Николае Клюеве) // Борьба, Симферополь, 1919, 1 июня.

[4] Отдел рукописей Гос. лит. музея, ф. 99, ед. хр. 1 (№ Р79) Александр Михайлович Добролюбов (1876—1944?) начинал как поэт-снмволист. На рубеже веков решительно порвал с прошлым, странствовал по Олонецкой губернии, жил в Соловецком монастыре, а впоследствии основал в Поволжье религиозную секту «добролюбовцев». Клюев в молодости встречался с А. Добролюбовым, личность которого произвела на него очень сильное впечатление.

[5] Стихотворение, начинающееся этими словами, см. в журнале «Север», 1984, № 3, с. 106.

[6] Поэт не только был членом РКП(б), но в 1918—1919 годах избирался почетным председателем уездной партийной организации.

[7] Поэт и коммунизм // Звезда Вытегры, 1920, 25 марта. Без подписи.

[8] Партийная жизнь // Олонецкая коммуна, Петрозаводск, 1920, 4 мая. Без подписи.

[9] Троцкий Л. Олонецкий поэт Николай Клюев / Карельская коммуна, Петрозаводск, 1922, 15 окт.

[10] Русские советские писатели. Поэты. Биобиблиографический указатель. Т. 11.— М., Книжная палата, 1988, с. 52 (прим. 7).

[11] Клюев иронически называет вытегорского лектора именем библейского персонажа (см. Деян, 9, 11).

[12] Матф. 9, 36—38.

[13] Парафраз из «Откровения св. Иоанна Богослова» (ср. Отк. 13, 18).

[14] Тропарь Пасхи.

[15] Стихи принадлежат автору статьи — их черновой автограф находится в отделе рукописей Гос. лит. музея (ф. 99, ед. хр. 6 (№Р84), л. 1).

[16] Жозеф Эрнст Ренан (1823—1892) — французский писатель, автор «Истории происхождеиия христианства».

[17] Парафраз из «Послания Галатам св. Апостола Павла»: в исходном тексте (Гал. 6, 17): «...я ношу язвы Господа Иисуса на теле моем».

[18] Еф. 5, 32.

[19] Ср.: «...и будут двое одна плоть» (Еф. 5, 31).

[20] Парафраз из «Откровения св. Иоанна Богослова»: в исходном тексте (Отк. 21, 1): «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали».

[21] Ср.: «И ничего уже не будет проклятого» (Отк. 22, 3).

[22] Отк. 21, 24.

[23] Этот и четыре предыдущих абзаца являются несколько видоизмененной цитатой из «Откровения св. Иоанна Богослова» (1, 13—18).

[24] Трудовое слово, 1922, № 10, 13 сент., с. 2, в рубрике «Местная жизнь»; подпись: Проезжий.

[25] Ликвидация учреждений Олонецкой губернии состоялась в 1922 году вследствие изменения территориального деления, в результате которого Вытегра стала принадлежать Петроградской области.

[26] Трудовое слово, 1922, № 18, 16 окт., с. 4, в рубрике «Местная жизнь»; подпись: О.

[27] Речь идет о частной вытегорской чайной-столовой, владельцем которой был А. Цейгер. См. об этом также статью Семена Вечернего (А. В. Богданова) «Как нельзя хозяйничать!» («Трудовое слово», 1922, № 12, 21 сент., с. 2, рубрика «Судебные силуэты»).

[28] Трудовое слово, 1922, № 21, 28 окт., с. 2, в рубрике «Наш фельетон»; без подписи.

[29] Вяньга — ручей, приток р. Вытегры.

[30] Т. е. отдела местного хозяйства.

[31] Аншпуг — жердь, большая палка, кол (см.: Архангельский областной словарь. Вып. 1. М., 1980, с. 72).

[32] Трудовое слово, 1922, № 21, 28 окт., с. 2, в рубрике «Наш фельетон»; подпись: А.

[33] Это культурно-просветительное учреждение было открыто в Вытегре 5-го ноября 1922-го года («Трудовое слово», 1922, № 23, 11 ноября, с. 2, рубрика «Местная жизнь»).

[34] Мельница в селе Шестово под Вытегрой.

[35] Майка — рыбьи молоки.

[36] Кошелев И. Ф. — владелец мясной и хлебной лавок в Вытегре.

[37] Трудовое слово, 1922, № 31, 9 дек., с. 2, в рубрике «Наш фельетон»; без подписи. Позднее, в статье «От редакции» Н. И. Архипов писал по поводу этого материала: «Редакция не порицает упомянутого фельетона, так как он дал положительные результаты. Товарищи красноармейцы вполне это оценят» («Трудовое слово», 1922, № 35, 28 дек., с. 2).

[38] Яковлев А. А. — заведующий уездным здравотделом и член Вытегорского уисполкома («Трудовое слово», 1922, № 20, 25 окт., с. 2).

[39] Андома — село Вытегорского уезда.

[40] Трудовое слово, 1923, № 37, 6 янв., с. 2, в рубрике «Местная жизнь»; без подписи.

[41] Этот спектакль был анонсирован «Трудовым словом» 12 января 1923 года: «Группой учащихся школы II ступени будет поставлена сказка «Подснежник» с прологом, пением и танцами».

[42] Братья Марковы — участники струнного квартета. В. М. Любомирский — режиссер спектакля.

[43] Трудовое слово, 1923, № 39, 18 янв., с. 2, рубрика «Наш театр».

Подготовка текстов и примечания
С. Субботина.

ФРАНЦИСК СКОРИНА

В апреле этого года славянский мир отмечает 500-летие со дня рождения белорусского первопечатника, гуманиста и просветителя начала XVI века Франциска Скорины, уроженца Полоцка, сына купца. Первую книгу свою — перевод «Псалтыри» — он напечатал в Чешской Праге в 1517 году. В течение 1518—1519 годов в Праге же вышли и остальные известные нам сегодня 23 книги Библии, изданные Скориной. В 1522 году в Вильне его стараниями появилась «Малая подорожная книжка», в 1525 году — «Книга деяний апостольских».

Скорина был не только первопечатником, но и переводчиком Библии, автором предисловий и послесловий к отдельным ее частям. Некоторые исследователи творчества Ф. Скорины считают, что он причастен и к художественному оформлению изданных им книг — к созданию гравюр, заставок, виньеток, буквиц, самого узора букв, ставших своеобразным скорининским шрифтом. Скорине также принадлежат нравоучительные стихи и акафисты — тексты литургических песен. Он был одним из самых первых переводчиков литургических песнопений на старобелорусский язык. Возможно, Ф. Скорина создавал и музыку как к собственным, так и к переводимым им поэтическим творениям. Мощь скорининского таланта позволила ему стать дважды доктором наук — доктором наук «вызволенных», как тогда назывались науки гуманитарные, и доктором наук медицинских. В падуанском епископском дворце хранится протокольная запись о защите им ученой степени доктора лекарских наук.

Судьба «ученейшего и предприимчивейшего мужа» Франциска Скорины была связана с первыми лицами европейских держав начала XVI столетия. Он, как выдающийся деятель Возрождения, был принимаем польским королем Жигимонтом I на Вавеле, чешским Фердинандом I — в Кремсе, князем Альбрехтом Прусским — в Кёнигсберге. Князь Альбрехт Прусский готов был возвести Ф. Скорину в дворянское звание и относился к нему, как «к выдающемуся мужу несравненного ума и художественного дара, светлого лекарского таланта и славного опыта» (слова взяты из привилея 16 мая 1530 года). Под свое особое расположение брал Ф. Скорину грамотами от 21 и 25 ноября 1532 года король Жигимонт I, разрешая ему жить и трудиться в любом граде и местечке Великого княжества Литовского и Королевства Польского, заниматься в любом из них невозбранно своими делами, освобождая при сём «от общественных повинностей, а также из-под юрисдикции и власти всех и каждого в отдельности — воевод, старост и других сановников...». Будь Ф. Скорина заурядной личностью, никаких ни королевских, ни княжеских привилегий на руках у него не оказалось бы.

Ярким выражением патриотизма Ф. Скорины стали ныне его слова, широко известные не только в Белоруссии: «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знають ямы своя; птици, летающие по возъдуху, ведають гнезда своя; рибы, плывающие по морю и в реках, чують виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, — тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имеють». Любя родную землю, Ф. Скорина по-возрожденчески утверждал не культовый язык религии, а культ народного — родного языка, гордясь им, всегда подчеркивая, что свое дело первопечатника и переводчика он совершает «наболей с тое причины», что его «милостивый бог с того языка на свет пустил». Причем утверждение родного языка было понимаемо Ф. Скориной как возвеличение чего-то большего, нежели сам язык и собственно литературная, печатническая работа. «Тако ж и мы, братия, — писал он, — не можем ли во великих послужити посполитому люду русского языка, сие малые книжки праци нашее приносимо им!..» «Працей», то есть трудом называя свое подвижническое дело первопечатника, именно великому делу самоутверждения своего народа служил Ф. Скорина.

Больше двух столетий имя Франциска Скорины было предано забвению. К белорусам возвращение этого выдающегося деятеля средневековой культуры началось через исследования русских филологов историко-академической школы — через фундаментальные труды академиков П. В. Владимирова «Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные труды и язык» (1888) и Ф. Е. Карского «Белорусы» (1903—1922). Но даже на наивысшей волне национального возрождения в Белоруссии XX столетия в дооктябрьское время — после революции 1905 года — Ф. Скорина не возвратился еще к своим потомкам, как то подобало. Датой первого у нас скорининского праздника стал 1925 год — четырехсотлетний юбилей издания Ф. Скориной в Вильне «Апостола». Тогда об издании скорининской «Малой подорожной книжки» (1522) еще не было известно. И 1925 год стал действительно годом великого возвращения к народу его первопечатника, первогуманиста и просветителя. Возвращение было недолгим, ибо вновь исказили облик Скорины, дилетантски объявляя его как издателя Библии чернецом-монахом и как реакционного монаха отлучая от светлых сил истории народа.

Но уже в годы Великой Отечественной войны, белорусской поэзией прежде всего, лик Ф. Скорины как великого гуманиста, подвижника-первопечатника, человека с книгой был просветлен и возвеличен, а новое его научное открытие, начавшись в 50-е годы, идет неуклонно вперед.

Великий, вдохновенный опыт Ф. Скорины, который на заре восточно-славянского Возрождения, через утверждение права своего народа на книгу и язык, на культуру и историческое будущее обрел свое историческое место не только в общеславянском, но и в общемировом контексте, — этот опыт — с нами. С нами и с нашим будущим.

ОЛЕГ ЛОЙКО

ДАНИИЛ МОРДОВЦЕВ

ВЕЛИКІЙ РАСКОЛ

главы из романа

Морозова вступила, наконец, в открытую борьбу с царем Алексеем Михайловичем...

— Тяжко ей бороться со мною... Один кто из нас одолеет, — сказал царь глухо, когда ему доложили, что молодая боярыня осталась непреклонна.

Где же был тот, во имя которого русская женщина затеяла борьбу с силою, могущество которой не могли сокрушить ни татары, ни поляки? Где был учитель, во след которого пошла русская женщина, доселе безмолвно покорная «закону», от кого бы он ни исходил — в семье от мужа и отца — «грозен свекор батюшка», в государстве от предлежащей власти?..

Он был далеко, на глубоком, почти недосягаемом севере русской земли: он был в ссылке...

Вся жизнь этого необыкновенного человека была — ссылка, земляная тюрьма или сруб, кандалы и истязания, и везде при этом: проповедь, проповедь дерзкая, неустанная проповедь...

— Не почивая, аз грешный, прилежа в церквах и домех, и на распутиях, по градом и селом, еще же и в царствующем граде, и во стране сибирской, проповедуя и уча слову Божию годов с полтретьядцать, — рассказывал он о себе впоследствии.

А вот скорбный лист его истязаний, когда он был еще молодым попом, когда еще не попал в Москву в «справщики», то есть, в число редакторов новоиздаваемых церковных книг.

— У вдовы начальник отнял дочерь, — рассказывает он об этих истязаниях «правды ради»: — и аз молил его, да сиротинку возвратить к матери. И он, презрев моление наше, и воздвиг на мя бури — у церкви пришед сонм, до смерти меня задавили. И аз, лежа мертв полчаса и больше, и паки оживе божиим мановением, и он устрашися, отступился мне девицы. Потом научил его диавол: пришед в церковь, бил и волочил меня за ноги по земле в ризах, а я молитву в то время говорю...

Каково времячко!..

— Таже ин начальник во ино время на мя рассвирепел. Прибежал ко мне в дом, бил меня и у руки отгрыз персты, яко пес, зубами. И егда наполнилась гортань его крови, тогда руку мою испустил из зубов своих и, покиня меня, пошел в дом свой. Аз же поблагодаря Бога, завертев руку платом, пошел к вечерни. И егда шел путем, наскочил на меня он же паки с двема малыми пищалями и близ меня быв, запалил из пистоли, и Божиею волею порох на полке пыхнул, а пищаль не стрелила. Он же бросил ее на землю, и из другия паки запалил также, и божия воля учинила также: и та пищаль не стрелила. Аз прилежно идучи, молюсь Богу: единою рукою осенил его и поклонился ему. Он меня лает, и я ему рек: «благодать во устнех твоих, Иван Родионович, да будет!» Посем двор у меня отнял и меня выбил, все ограбя, и на дорогу хлеба не дал. В то же время родился сын мой Прокопий, который сидит с матерью в земле закопан (в земляной тюрьме). Аз же, взяв клюшку, а мати — некрещеннаго младенца, побрели аможе Бог наставит, и на пути крестили, яко же Филиин каженика древле...

Каковы люди! Воеводы, отгрызающие пальцы у попов!

— Таже ин начальник на мя рассвирепел: приехал с людьми ко двору моему, стрелял из луков и из пищалей с приступом. И аз в то время молился с воплем ко Владыке: «Господи! укроти его и примири ими же веси судьбами». И побежал от двора, гоним святым духом. Тоже в нощь ту прибежали от него и зовут меня со многими слезами: «Батюшко Евфимий Степанович при кончине и кричит неудобно, бьет себя и охает, и сам говорит: дайте мне батьки Аввакума — за него Бог меня наказует». И я чаял меня обманывают... Ужасеся дух мой во мне, и се помолил Бога сице: «Ты, Господи, изведый мя из чрева матери моея и от небытия в бытие устроил; аще меня задушат — и ты причти мя с Филиппом митрополитом московским; аще зарезут — и ты причти мя с Захариею пророком; аще в воду посадят — и ты яко Стефана пермскаго паки освободиши мя!»

«Задушат...» «зарежут...» «в воду посадят...»

— По мале паки инии изгнаша мя от места того вдругоредь. Аз же совлекся в Москве, и Божиею волею государь меня велел в протопопы поставить в Юрьевце-Повольском. И тут пожил немного, только посемь недель. Диавол научил попов и мужиков, и баб: пришли к патриархову приказу, где я дела духовныя делал, и вытаща меня из приказа — собранием человек с тысячу и полторы их было — среди улицы били батожьем и топтали, и бабы были с рычагами. Грех ради моих замертво убили и бросили под избной угол. Воевода с пушкарями прибежали и, ухватя меня, на лошади умчали в мой дворишко; а пушкарей воевода около двора поставил. Людие же ко двору приступают и по граду молва велика, наипаче же попы и бабы, которых я унимал от блудни, вопят: убить вора б...а сына, да и тело собакам в ров кинем!

Каковы иллюстрации людей и порядков!

А истязания, которым его подвергали в Москве, в Сибири, в Даурии, в Мезени!

Собр. соч. Д. Л. Мордовцева. Санкт-Петербург, Издание Н. Ф. Мертца, 1901 г., т. 12. Великий раскол

П Р И М Е Ч А Н И Е

Постоянные наши читатели, наверняка, обратили внимание, что мы несколько пристрастны к протопопу Аввакуму и его творчеству. Секрета в том никакого нет, мы уже писали («Слово» № 7, 1989 г. и № 2, 1990 г.) и еще раз повторим: Аввакум, великий писатель Древней Руси, был долгие годы незаслуженно изъят из духовного наследия русского народа. Его могучая страстоборческая деятельность в устах партийных идеологов служила синонимом темного упрямства и бескультурья русского народа. Но все возвращается на круги своя, и отходит, не без сопротивления, лживая патетика русофобствующих оракулов

Мы намерены познакомить наших читателей с главами из романа Даниила Лукича Мордовцева (1830—1905) «Великий раскол». Еще совсем недавно было немыслимо опубликовать это очень интересное, глубоко правдивое произведение. В романе три главных героя, на отношениях между ними складывается сюжет. Царь Алексей Михайлович, патриарх Никон и протопоп Аввакум. Мы возьмем частично только сюжетную линию Аввакума, предоставив читателям возможность познакомиться с незаурядной личностью протопопа и открыть для себя талантливого русского писателя Д. Л. Мордовцева — беллетриста, публициста, историка. До 1917 года этот писатель был очень популярен, его произведения несколько раз издавались в собраниях сочинений до 24 томов.

Но вместе с запрещением русской истории «табу» было распространено и на исторических писателей. Теперь процесс «возвращения» коснулся и этих запретных тем и имен.

Читателей наших, кому придется по душе сочинение Д. Л. Мордовцева, просим следить за серией книг, выходящих в 1990 году в обмен на макулатуру. Там должен быть и «Великий раскол». Не сомневаемся, что вы узнаете много нового, интересного и весьма полезного из отечественной истории. А главное, воочию увидите, переживете и перестрадаете один из сложных и трудных периодов в жизни русского народа.

О Т Р Е Д А К Ц И И

И, между тем, чем больше его мучили, чем больше надругались над ним, тем шире росла его слава, и тем более увеличивалось число его последователей. Да оно и понятно.

В то время государственные люди еще не дошли до той простой, но глубоко философской истины (да и откуда им было, при тогдашнем повальном невежестве, набраться этой государственной мудрости?), что система репрессалий — система жестоких наказаний, преследований, запрещений и угроз, — приводит всегда к результатам, совершенно противоположным тем, которых этой системой думают достигнуть: на место одного жестоко наказанного встают сотни и тысячи озлобленных, которые кончают тем же и увлекают за собою сотни тысяч; за преследуемыми, по их стонам, идут тысячи последователей, и эти увлекают за собою массы; запрещения изощряют ум и изворотливость — опрокинуть запретную стену, разорвать связывающие их путы... Публичные казни, вместо того, чтобы устрашить зрителей, становятся аудиторнями, деморализующими университетами страны.

При Алексее Михайловиче не понимали этих простых истин, и создали государству такие затруднения, которые оно не в силах побороть вот уже третье столетие...

Единомышленников Аввакума жгли в срубах и на кострах, публично вешали, задавливали в темницах, жарили в печах, как инока Авраамия, о котором Аввакум говорит: «яко хлеб сладок принесся святий Троице». Другим, чтобы не проповедовали, отрезали языки, как дьякону Федору и попу Лазарю — и они с гугнявыми языками и немые казались народу еще могущественнее в своем немом красноречии...

И что же вышло, наконец? Русская баба, самое безответное, самое покорное в мире животное, немая раба мужа и попа — и та в первый раз заговорила при Алексее Михайловиче, пошла на казнь и увлекла за собою полрусской земли...

А Аввакум хорошо знал, как велика сила бабы. В Даурии он однажды попал в руки «иноземных орд». Орда ожидала русских, чтобы напасть и разграбить их. «А я, — говорит Аввакум, — не ведаючи, и приехав, к берегу пристал. Они с луками, и обскочили нас, а я-су, вышед, и ну обниматься с ними, что с чернцами, а сам говорю: «Христос со мною и с вами той же!» И они до меня добры стали и жены своя к моей жене привели. Жена моя также с ними лицемерится, как в мире лесть совершается — и бабы удобрилися. А мы то уже знаем: *как бабы бывают добры, так и все о Христе бывает добро.* Спрятали мужики луки и стрелы своя».

В то время, когда русская баба, в лице Морозовой, в первый раз возвысила голос против системы насилий, Аввакум уже шестой год томился в земляной тюрьме на самом дальнем севере — в Пустозерске.

В последний раз мы видели его на суде пред лицом вселенского собора.

В пять лет он еще постарел, но ни телом ни духом не упал, не сломился и не зачах в той преждевременной могиле, в которую его заживо похоронили: то же сухое, жилистое и упругое, как у юноши, тело; те же живые молодые глаза, которые, казалось стали еще добрее; волосы и борода, уродливо обстриженные в Москве, снова отросли и вились белыми курчавыми прядями. Только матовая бледность лица выдавала его: видно было, что и в своей подземной жизни он в течение пяти лет почти не видал солнца и живительные лучи его не окрашивали ни цветом здорового загара, ни краскою крови его впалых щек и белого, как мрамор, лба.

Темница, в которой он сидел, представляла собою обширный, если можно так выразиться, колодезь без воды: в земле была вырыта просторная квадратная яма, около сажени глубиною; в яму врыт был деревянный сруб, который выходил из земли четверти на две; в одной стороне сруба прорублена была дверка, в которую сверху вели земляные ступени с положенными на них досками; в другой стороне прорублены были два маленьких оконца, которые пропускали слабый свет в мрачный колодезь, а зимою, вместо стекол, обтягивались пузырями. В одном углу подземелья складена была из необтесанных камней печка, которая топилась «по-черному»: дым, за неимением трубы, выходил в самое подземелье, и из подземелья медленно вытягивался дверью, а летом — и оконцами. Сверху сруб был заложен хворостом и соломой и засыпан кругом землею... Снаружи, таким образом, темница представляла подобие могилы, и подобие это было тем более поразительно, что над этой земляной насыпью торчал восьмиконечный деревянный крест, сколоченный стрельцами-тюремщиками по просьбе Аввакума. Перед непогодью на вершину креста обыкновенно садилась ворона и каркала, а Аввакум всякий раз, когда слышал это, по справедливому народному воззрению, зловещее карканье, с задумчивой улыбкой всегда говорил...

— Что, воронушка, мясца мово ждешь? Да полносу надрываться: не клевать тебе мово мясца грешнова... не для тебя оно... Я-су баран у Господа Бога: моя баранинка припасена на всесожжение... Каркай не каркай, миленькая, и тебе мово мясца не едать...

В подземелье хранилось и все хозяйство и богатство Аввакума: два горшка для варки пищи, сковорода, кадка с водою, глиняная миска, такая же кружка, деревянная ложка, солоница, нож; в переднем углу, как святыня, сохранялись: образки медные складные, несколько богослужебных книг старого изводу, деревянное масло, ладан, крест и жалкие, ветхие принадлежности богослужения. Тяжелые четки из сибирских камней, подаренные ему «добренькою бабою», женою воеводы и мучителя Пашкова, всегда были намотаны у него на руку.

Рядом с этой могилой-тюрьмой находилось еще три таких же насыпи, под которыми в земляных же срубах заключены были согласники Аввакумовы — поп Лазарь, дьякон Федор и инок Епифаний. Каждая из этих темниц обнесена была снаружи особым срубом, а вокруг всех высилась общая ограда с четырьмя замками. У каждой темничной двери помещалась стража...

— Осыпали нас землею, — говорил Аввакум в рукописной исповеди своей иноку Епифанию: — сруб в земле, и паки около земли другой сруб, и паки около всех общая ограда за четырьмя замками. Стражие же перед дверьми стрежаху темницы... Таковы те наши земныя царства — живыя могилки: живи-су не тужи да чепьми погромыхивай, что пес... Патмос, воистину Патмос!

Цепи на них были ножные с железными поворозками с железным же поясом на случай приковывания к стене или к колоде...

В Аввакумово подземелье, в тюремное оконце глянуло летнее солнышко... Аввакум молился, стоя на коленях перед распятием... Солнечные лучи упали на распятие... дрогнули веки узника, и лицо осветилось детской радостью...

— Глянул ко мне Господь, глянул, Всевидец, — бормочут губы узника, и умиленное лицо его обращается к солнцу. — Гляди, гляди, милое, — дай и мне на тебя поглядеть...

Узник крестится и кланяется солнцу до земли...

— Иш ты — такое ж ласковое, как и в те поры было, в молодые — те годы — и там, на Волге, и на Москве, и в Даурах, и в Байкале... А поди с Москвы глядят на него, как я вот ноне гляжу, и царь глядит, и Никонко пес... И детки мои глядят, и Федосьюшка свет-Морозова... Ох, миленькая моя дочушка!...

Он задумчиво опускает голову. Косые лучи серебрят его седину... Голова вновь подымается...

Что же я молчу? Семь-ко погуторю сам с собой — не с кем-су, а то ин разучусь говорить в темнице-ту... Пятый год вить гласу человеческаго не слышу. О-о-хо-хо!.. Вот дни божьи уже не различаю — счет потерял им: не вем среда, не вем суббота, не вем пост, не знай розговенье... Э-эх! А уж о праздниках божьих и не загадывай — ни Спас, ни Петров день...

Что-то пропискнуло за оконцем. Узник радостно улыбнулся...

— А! прилетел, милый... ну, поклюй, поклюй... Ах, воробышек воробышек миленькой! По миру, по воле летаешь, и нет-нет и меня навестишь во узах... Добро! Бог и тебе зачтет это... А что, миленькой врабышек, все также ли зелень зелена на миру, как и бывало? а?

И ласточки в зеленом бору разговаривают? и травка с травкой шепотком переговаривается?.. Ах, мир божий! колико красен ты и грешен! Да полно!

Воробей на оконце опять чирикнул. К нему подсели другие, махая крылышками...

— А, милой, деток привел... Ах, они махоньки! естушки просят, крылышками трепыхаются... Ах, детки, детки!.. А мои-то где? Живы ли, полно? А может и их повесили, либо так удавили, либо сожгли... Ох, люди зверие, люди аспиды и василиски! А еще зверя зверем называете! Вы озверели пуще льва и пардуса, окаменели сердца ваши, озлобнели помыслы ваши... Ох, да что я! али проклинаю! Нет, Господи, благословн их и умягчи, открой очеса их... А улетели врабяточки мои, поклевали крох узника — ну, и Господь с вами...

В углу, в соломе, что-то зашуршало. Аввакум глянул в угол.

— А! и ты, союзник мой, пришел?.. Ах ты дикой, дикой.

Из-под соломы вынырнул мышонок и, поводя усикаси, испуганно глядел на старика своими черненькими глазками...

— Что дикой — а? Все боишься меня? Бойся, миленькой, бойся человека... О! он страшнее кошки... Кошка тело токмо съест, а человек и душу выпьет, аки паук головку мухи... Ну-ну, дурачек! ступай, ступай, не бойся — там крошки и тебе припас...

Мышонок заскрипел зубами о сухарь...

Аввакум приподнялся с земли. Цепи загремели на нем. Мышонок вздрогнул всем своим маленьким тельцем и юркнул под солому.

— А — испужался, дурачок! Ах дикой, дикой!

Он направился к переднему углу, гремя кандалами...

— Вот и это железцо весело гремит... все же разговоры оно говорит со мной, железцо-то, дружок мой неразлучный... Ну, звени, звени, говоря со мной... Спасибо вам, Пилаты, мучители мои, что друга со мной посадили в темницу — узы мои драгия, многоценныя... Благо есть с кем погуторить...

И он нагнулся, приподнял железный поворозок кандалов и поцеловал его...

— А ржаветь, друже, начал; да и не диво: скоро пять годков обнявшись спим... Да что ты, железцо милое! — и душа моя ржаветь стала и сердце, сдается, проржавело... О-о-хо-хо!

Он взял в переднем уголку своей мрачной кельи книгу и вынул из нее тетрадку...

— А семь-кось погуторю еще сам с собою... Прочту маленько, что я написал ноне в своей душевной грамотке...

И он развернул тетрадку, поднес ее к светлой полосе против оконца, покачал над ней головой, говоря — «по смерти моей прочтут детки», — сел на землю и приготовился читать.

— От сих мест... протопопа Аввакума чтение...

Он улыбнулся и снова покачал головой...

— В те же поры, — начал он медленно, — и сынов моих родных двоих, Ивана и Прокопия, велено же повесить; да они бедные оплошали и не догадались венцов победных ухватити: испугався смерти, повинились; так их и с материю троих в землю живых закопали. Вот вам и без смерти-те смерть! Кайтеся, сидя, донде же диавол иное что умыслит. Страшна смерть, не диво! Некогда и друг ближний Петр отрекся и, исшед вон, плакася горько, и слез ради прощен бысть. А на робят и дивить нечего: моего ради согрешения попущено им изнеможение. Да уже добро! быть тому так. Силен Христос всех спасти и помиловати... Ох, детки, детки!

Он остановился, по лицу его текли слезы и стучали, разбиваясь брызгами о тетрадку...

— Не вижу-су — слезы застилают... Эки хляби-те слезныя!.. Плачь, плачь, душе моя! Ох!.. плачь: слезы пуще мыла моют душу грешную...

Выплакавшись, он перекрестился и продолжал чтение.

— По сем той же полуголова Иван Елагин был и у нас в Пустозерье, приехав с Мезени, и взял у нас сказку, сице речено: год и месяц, и паки: «мы святых отец предания держим неотменно, и палестинскаго патриарха с товарищи еретическое соборище проклинаем», и иное там говорено многонько, и Никону, заводчику ересем, досталось небольшое место. По сем привели нас к плахе и, прочет, назад меня отвели, не казня, в темницу. Чли в законе: «Аввакума посадить в землю в срубе и давать ему воды и хлеба». И я супротив того плюнул и умереть хотел не ядше, и не ел дней с осмь и больше.

Он остановился и что-то наблюдал, тихонько позвякивая кольцом от кандалов...

— Ишь ты, лядин сын, — заговорил он, поднимая глаза кверху, на просвет: — а! любишь, дурачок, всякую мусикию... На-на — слушай, немец ты этакий!

Это он говорил к пауку, который на тонкой нити своей спускался с потолка темницы на просвет. Сидя пятый год в одиночном заключении и боясь разучиться говорить, забыть свой собственный голос, Аввакум постоянно разговаривал сам с собою или обращал речь к воробью, прилетавшему к нему на оконце, к вороне, каркавшей на кресте, к приученному и прикормленному им мышонку и даже к пауку, которого привычки он изучил в совершенстве...

— А? любишь мусикию, шельмец!.. Тоже союзник мой, паучок, только мушек ловить горазд, что твой Павел краснощекой, митрополит крутицкой. Да добро!

За дверью темницы кто-то тяжело вздохнул, словно застонал.

— А, Кириллушко, тюремщик мой, по деткам да по жене тоскует... тоже невольный человек.

Стон повторился. Аввакум горько махнул рукой и опять нагнулся к тетрадке.

— По сем Лазаря священника взяли, — продолжалось тихое чтение, — и язык весь вырезали из горла. Мало пошло крови, да и перестала. Он же и паки говорит без языка. Таже, положа правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, на земли лежа, сложила сама персты по преданию и долго лежала так пред народы, — исповедала, бедная, и по смерти знамение Спасителево неизменно. Мне-су и самому сие чудно! — бездушная одушевленных обличает. Я на третий день у него во рте рукою моею щупал и гладил: гладко все, без языка, и не болит. Дал Бог по временне часе исцелело. На Москве у него резали — тогда осталось языка малость, а ноне весь без остатку резан. А говорил два года чисто, яко и с языком. Егда исполнилнся два года — иное чудо: в три дня у него язык вырос совершенной, лишь маленько тупенек, паки и говорит беспрестанно, хваля Бога и отступников порицая.

За темничной дверью что-то звякнуло и словно собака зарычала. Аввакум прислушался...

— Ноли пес? Откуда бы собаке быть?

За дверью снова тихо. Где-то, должно быть на насыпи или на кресте, чирикали воробьи. Мышонок усердно грыз свой сухарь.

— Ох, могилка, могилка моя тихая! — вздохнул узник, и опять начал читать.

— По сем взяли священника пустынника, инока схимника, Епифания старца, и язык вырезали весь же. У руки отсекли четыре перста. И сперва говорил гугниво: по сем молил Пречистую Богоматерь, и показаны ему обя языка — московский, что на Москве резали, и здешний, на воздухе. Он же, один взяв, положил в рот свой, и с тех мест стал говорить чисто и ясно, а язык совершен обретеся во рте. Дивна дела Господня и неизреченны судьбы Владыки! И казнить попускает, и паки целит и милует! Да что много говорить! Бог старый чудотворец, от небытия в бытие приводит, вовсе ведь в день последний всю плоть человечу в мгновении ока воскресит. Да кто о том разсудити может? Бог бо то есть: новое творит и старое поновляет. Слава Ему о всем.

Аввакум широко размахнул рукою, перекрестился и поклонился в землю.

— По сем взяли диакона Феодора, — продолжал он: — язык вырезали весь же, оставили кусочек небольшой во рте, в горле накось резан. Тогда на той мере и зажил, и после и опять со старой вырос, из-за губы выходит, притуп маленько. У него же отсекли руку поперек ла-

дони, и все дал Бог стало здорово, и говорит ясно и чисто против прежняго. Таже осыпали нас землею, сруб в земле, и паки около земли другой сруб, и паки около всех общая ограда за четырьмя замками; стражие же пред дверьми стражаху темницы. Мы же здесь и везде; сидящии в темницах, после пред Владыкою Христом, Сыном Божиим, песнями, их же Соломон воспе, зря на матерь Вирсавию...

И Аввакум, подняв голову и руки, словно в алтаре пред жертвенником, запел старческим, дрожащим голосом:

— Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая моя! Очи твоя горят яко пламень огня! Зубы твои белы паче млека! Зрак лица твоего паче солнечных луч и вся в красоте сияешь, яко день в силе своей...

Вдруг быстро заскрипел засов тюремной двери. Кто-то страшно зарычал — не то зверь, не то человек. Дверь с шумом распахнулась... На пороге стояло что-то страшное... Аввакум испуганно попятился назад, осеняя себя крестным знамением...

То, что стояло на пороге темницы, действительно, могло поразить ужасом всякого, даже Аввакума, который, кажется, ничего еще не боялся в жизни, а, напротив, искал ужасов, и смерти самой мучительной.

На пороге стоял человек-не-человек, с выражением на искаженном лице такого безумия, которое, казалось, согнало с этого лица все человеческое. Сбившиеся в войлок, беспорядочные пасмы волос падали на лоб и на виски, и из-за этих прядей безумием и бешенством горели глубоко запавшие глаза. Искаженное лицо было бледно-зеленоватого цвета с налетом загара и пыли. Из-под усов белелись широкие зубы и щелкали, как у огрызающейся собаки. Он и рычал по-собачьи...

— Кириллушко! что с тобой? — едва опомнился Аввакум.

— Гам! гам! гам!.. гррр! — залаял и зарычал бешеный человек, подступая к Аввакуму тихими шагами, понурив голову.

— Господи Исусе! Господи Исусе! — бормотал, крестясь, Аввакум. — Кириллушко!

— Я Полкан, не Кириллушко! гам-гам-гам! — залаял вновь бешеный.

Аввакум торопливо схватил лежавшее в переднем углу распятие и замахал им перед собою.

— Свят-свят-свят Господь Саваоф! Изыди, душе лукавый! Именем распятаго запрещаю ти!

Бешеный попятился от креста. Аввакум продолжил его крестить.

— Перекстись, раб Божий Кирилл! — закричал он. Бесноватый замотал головой.

— Крестись, Кириллушко! — настаивал Аввакум.

— Я Полкашка-пес... Я человечью кровь лизал, человечину ел... у черкас еще лизал кровь, — бормотал безумный.

— Опамятуйся! Ты бредишь...

— Хохлы убили етмана Ивашку Брюховецково... ребра перебиты... торчат с-под рубахи... глаз выскочил... на ниточке висит... кровь... кровь... а я лижу кровь... а етманша волосы на себе рвет... У! косищи какия! Пасмами рвет... А я лаю на нее... В Чигирин повезли ее... «Московка! московка!» кричат ребятишки... а я на них лаю — гам-гам-гам!.. И в меня каменьем бросали... «москаль!» кричат... Трава высокая... высокая, а на ей кровь... и в Днепре кровь... и Петрушко Дорошонок весь в крови!..

Аввакум приблизился к несчастному и, продолжая держать перед ним крест, шептал участливо:

— Господь с тобой, Кириллушко! перекстись, прогони беса, одержащаго тя...

Продолжение следует.

МИКРОРЕЦЕНЗИИ

А ЖИЗНЬ ТЕЧЕТ...

Современный город, современный дом; на верхнем этаже — молодые муж и жена, этажом ниже — одинокая старуха. У молодых родился ребенок, старуха померла, — вот и весь рассказ, давший название сборнику. Впрочем, не весь рассказ. Старухину смерть не заметили, прозевали. Прозевали все — и жильцы дома, занятые лишь собственными заботами и переживаниями, и трое старухиных сыновей, покинувших мать и навещавших ее от случая к случаю. «Тут и мы виноваты, все виноваты, — говорит соседка. — Заметили же — не появляется... Кто-нибудь обеспокоился? Куда там! А шутить — так все: жениха нашла, к жениху ушла. А чтобы подняться к ней, узнать в чем дело — нет. Это же надо подниматься, лишние шаги делать. А кто будет лишние шаги делать? Кому это нужно?»

Совершенно замечательно, с какой простотой и откровенностью журит себя соседка. Пожурила, посокрушалась — совершенно искренне! — и забыла. И жизнь течет дальше. «А-а, — оправдывается герой рассказа Василий, — умирает тот, кому суждено умереть. И не нам судить природу».

Несчастные люди. Узнаваемые наши соседи.

В еще одном сильном рассказе — «Встреча» — видим другую старуху со стариком. Когда-то были они мужем и женой, в годы репрессий сначала его посадили, потом ее. Оба прошли сквозь лагеря, пытки, немыслимые унижения и страдания. Уцелели. И теперь вот встретились, вспоминают прошлое, жалеют друг дружку. «Он потянулся к ней, хотел поцеловать ее, и она подалась к нему»... Трогательная сцена, которая через минуту превратится в фантасмагорию, потому что... именно он, этот старик, накатал донос на бывшую свою супругу. И опять-таки совершенно замечательно, что старуха не чувствует себя оскорбленной, обиженной. Простила своего Николеньку. «Жива, здорова, солнышко светит для нее. И завтра, если всё будет хорошо, вновь оно поднимется для нее. Поднимется солнышко, и всё сущее возрадуется»...

Померкло солнце для другого персонажа — мальчика Мити из рассказа «Щенок и голубь». Сломали его, поставили на колени перед торжествующим хамством и жестокостью, и теперь Митя смотрит на мир «спокойными, равнодушными ко всему глазами».

Несчастные, несчастные люди Наши сыновья, наши дочери.

Что с нами делается? Отчего мы такие? Куда идем? Истинный писатель снова и снова задает эти вопросы, ибо все трагедии минувшего, все теперешние междоусобицы, кровавые столкновения и природные катаклизмы, вся тревога и оторопь перед завтрашним днем упираются в эти простые вопросы.

И что там ни говори про литературу, все-таки хорошо, что не все сочинители скопом бросились ошарашивать нас, околпачивать и охмурять, а находятся и такие, кто может побеседовать по душам.

Л. ГУСЬКОВА

Чернов Е. НА УЗКОЙ ЛЕСТНИЦЕ: Рассказы и повести. — М.: Современник, 1989.

КНИГОЧЕЮ НА ЗАМЕТКУ

Ахматова А. СОЧИНЕНИЯ: В. 2 т. / Вступ. ст. М. Дудина; Сост., подгот. текста, коммент. В. А. Черных: — 2-е изд., испр., доп. — М.: Худож. лит., 1990. 100 000 экз.
Т. 1. Стихотворения и поэмы. 526 с. 5 р.
Т. 2. Проза; Переводы. 494 с. 5 р.

Булгаков М. А. БЕЛАЯ ГВАРДИЯ; ЖИЗНЬ ГОСПОДИНА ДЕ МОЛЬЕРА; Рассказы / Сост. И. Ф. Бэлза. — М.: Правда, 1989. — 575 с. — 2 р. 80 к. 500 000 экз.

Волков О. ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ. — М.: Мол. гвардия; Товарищество рус. художников. 1989 — 462 с., фотоил. — (Белая книга России. Вып. 4). — 4 р. 20 к. 200 000 экз. — При содействии МПК «Вече».

Высоцкий В. НЕРВ: Стихи. — 3-е изд. — М.: Современик, 1989. — 239 с. — 5 р. 50 000 экз.

Крупин В. БУДЕМ КАК ДЕТИ: Рассказы, повести, роман. — М.: Худож. лит., 1989. — 318 с. — 1 р. 20 к. 150 000 экз.

Платонов А. КОТЛОВАН; ВПРОК; **Можаев Б.** ЖИВОЙ; **Гущин Е.** БАБЬЕ ПОЛЕ; ПО СХОДНОЙ ЦЕНЕ: Повести / Ред.-сост. В. Казаков. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. — 526 с. — 3 р. 50 к. 105 000 экз.

Шефнер В. СКАЗКИ ДЛЯ УМНЫХ. — Л.: Лениздат, 1990. — 621 с. — 2 р. 40 к. 100 000 экз.

ИСТОРИЯ

Очерки. Мемуары. Документы.

ОТ ФЕВРАЛЯ

ДО ОКТЯБРЯ

Рубрику ведут Андрей Кочетов и Алексей Тимофеев

Летопись в рассказах лидеров, участников и очевидцев революционных дней.

Продолжение. Начало в № 11, 1989, №№ 2—3, 1990.

Нельзя не заметить появившийся в последнее время интерес к изучению истоков и развития того кризиса, который поразил в предреволюционные годы правящие круги России, к заключительным месяцам и дням царствования Николая II. В различных изданиях появляются публикации о казни царской семьи, о деятельности П. А. Столыпина и С. В. Зубатова, интервью с белоэмигрантами и их потомками. На страницах ряда журналов печатается «повествованье в отмеренных строках» А. И. Солженицына.

Свой вклад в это исследование вносит и редакция журнала «Слово»: впервые у нас в стране публикуются (с № 5, 1989 г.) записки А. Симановича «Рассказывает секретарь Распутина», а с № 9 — воспоминания фрейлины А. Вырубовой; в №№ 7—8 за прошлый год помещены фрагменты дневника Николая II, дополненные выдержками из архивных документов и редких книг о последних днях в Екатеринбурге.

Все больше и больше узнаем мы о том, что так долго от нас было скрыто. Многим неизвестно и о бурном потоке статей, монографий, теле- и радиопостановок «зарубежных фальсификаторов истории», посвященных судьбе русского царя и его семьи. В США, например, давно уже сняты полнометражный документальный фильм и голливудская двухсерийная лента «Николай и Александра», фильм «Я убил Распутина» режиссера Р. Оссейна... Нам же приходится черпать информацию лишь из романа В. Пикуля «Нечистая сила», картины Э. Климова «Агония» да монографии М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», в которой использована литература, доступная лишь завсегдатаям «спецхранов». В подобной ситуации неизбежными стали окружающая эту тему нездоровая сенсационность, неточности, искажения и тенденциозность, а порой и просто фальсификации.

«Кругом измена и трусость и обман!» Этой фразой завершается запись от 2 марта в очень сдержанном на эмоции дневнике Николая II. Манифест об отречении подписан... В считанные дни рухнула могущественная династия, незадолго до этого отметившая свое 300-летие. Событие это «положило конец громадному периоду русской истории и поставило крест над целой эпохой исторического развития русского народа», — пишет автор предисловия к сборнику воспоминаний очевидцев «Отречение Николая II», выпущенному издательством «Красная газета» в 1927 году. В тот роковой день рядом с царем не оказалось деятелей, подобных П. А. Столыпину, достигшему «успокоения страны» от потрясений первой революции.

Наиболее подробен в своих записях генерал Д. Н. Дубенский. Это и понятно, поскольку с 1914-го он был прикомандирован для «высочайшего сопровождения», т. е. для описания поездок царя по фронту. Даже столь приближенное лицо признавало в то время «неотложным... переход к парламентарному строю...». Отрицательно отзывался генерал и об императрице Александре Федоровне. В воспоминаниях же, отрывок из которых мы предлагаем читателям, достаточно объективное описание событий окрашено тонами эмигрантской ностальгии и запоздавших сожалений...

Тем более был далек — в своих политических комбинациях — от предвидения грядущих событий А. И. Гучков, столь настойчиво стремившийся избежать «кровавых счетов» гражданской войны и явно утопически желавший направить пути развития России по английскому варианту. Похоже, рассказывая о своей поездке в Псков — на отречение, Александру Ивановичу присутствие при этом историческом акте виделось достойным продолжением прежних рискованных предприятий, сделавших его знаменитым, таких как поездка в Тибет к Далай-Ламе, участие в англо-бурской войне, в боевых действиях против турок в Македонии и против японцев при Мукдене... Да и генерал В. Н. Воейков, как сообщает Д. Н. Дубенский, в преддверии революции «занимался личными, пустыми делами...». Что, правда, не помешало ему впоследствии издать монархическую по духу книгу «С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта» (Гельсингфорс, 1936).

Надеялись спасти монархию отречением Николая II и командующие фронтами, в первую очередь генерал Н. В. Рузский, названный в письме Александры Федоровны («Красный архив», т. 4, М., Пг. 1923) «Иудой» и который, по мнению Воейкова, был наказан свыше в 1918 г. в Ессентуках, где бывший командующий Северным фронтом был расстрелян по приговору советского суда.

Безусловно, ценным свидетельством являются мемуары В. В. Шульгина «Дни». Учитывая, однако, их недавнее переиздание, мы отсылаем читателя к книге «Дни. 1920», выпущенной в прошлом году издательством «Современник». Даже монархист Шульгин полагал, что «в случае отречения... революции как бы не будет...». В сопровождающей наши публикации хронике читатель может проследить стремительный разворот событий Семнадцатого года, событий, зачастую не получивших позднейшего должного осмысления и освещения в учебных пособиях и монографиях. В следующем выпуске рубрики «От Февраля до Октября» — свидетельствуют большевик Ф. Раскольников, эсер В. Чернов, кадет В. Д. Набоков, а также посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен.

6-го марта государь прощался с чинами Ставки. Это был единственный случай, когда он после отречения находился в среде своих бывших верноподданных.

Картина, по словам очевидцев, была потрясающая... Слышались рыдания. Несколько офицеров упали в обморок... Государь не мог договорить своей речн из-за поднявшихся истернк... было раздирающее душу проявление преданности царю со стороны присутствовавших солдат.

8-го марта, перед своим отъездом из Могилева, государь обратился к войскам с написанным им прощальным словом, которое передал генерал-адъютанту Алексееву:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия.

Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага.

В продолжение двух с половиною лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу; много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противнка.

Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его, тот — изменник отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Свят. великомученик и Победоносец Георгий.

НИКОЛАЙ.

8-го марта, 1917 года, Ставка.»

Генерал-адъютант Алексеев, вместо того, чтобы исполнить волю отрекшегося императора опубликованием этого приказа, в тот же день объявил ему, что он должен считать себя арестованным. Таким образом завершился арест царской четы, и из уст членов Совета рабочих и солдатских депутатов стали исходить слова: «Суд над царем и царицею».

Государь сел в императорский поезд, к хвосту которого был прицеплен вагон, занятый 4-мя делегатами Государственной думы, долженствовавшими доставить отрекшегося и уже арестованного генералом Алексеевым императора в Царское Село. Из лиц, обыкновенно сопровождавших государя в поездках, генералом Алексеевым были удалены министр Двора и дворцовый комендант, а делегатами Государственной думы — флаг-капитан Нилов. Бывший командир собственного его величества конвоя граф Граббе и флигель-адъютант полковник Мордвинов приняли новые назначения в Ставке Верховного Главнокомандующего, где и остались. При возвращении в Царское Село, его велнчество сопровождали только гофмаршал князь Долгоруков, свиты генерал Нарышкин, флнгель-адъютант герцог Лейхтенбергский и лейб-хирург Федоров.

После очень трогательного прощания с императрицею-матерью, государь, пройдя среди со слезами провожавших его чинов Ставки, вошел в вагон. Императорский поезд в последний раз отошел от места нахождения штаба Российской армии... Генерал-адьютант Алексеев, стоявший во главе провожавших, по-солдатски отдал честь государю; и при прохождении хвоста поезда, снял шапку и поясным поклоном засвидетельствовал свое глубокое уважение и преданность новому правительству в лице четырех сидевших в вагоне делегатов Государственной думы.

В Царском Селе государя ожидало еше одно разочарование: он увидел, что за ннм в Александровскнй дворец на добровольное заключение последовал лишь гофмаршал князь В. А. Долгоруков...

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

1—14 — среда. Соединенное заседание Вр. И. К. Гос. Думы с представителями Совета по вопросу о создании революционного правительства, о характере власти и ее программе. — Обращение Врем. Ком. Гос. Думы к армии и флоту с призывом сохранять полное спокойствие и питать уверенность, что «общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено». — Объявление председателя военной комиссии Временного Комитета Гос. Думы Б. А. Энгельгардта о недопущении отобрания оружия у солдат с заявлением принять самые решительные меры против виновных в этом офицеров, «вплоть до расстрела». — Приказ члена Вр. Ком. Гос. Думы М. А. Караулова о немедленном аресте всех чинов наружной и тайной полиции и корпуса жандармов. — Приказ № 1 Петроградского Совета Раб. и Солдат. Деп.

2—15 — четверг. Отречение Николая II в городе Пскове в пользу Михаила Романова. — Указ бывшего царя о назначении Николая Николаевича Романова верховным главнокомандующим и князя Львова председателем совета министров. — Речь Керенского в Исп. Комитете Совета Раб. Деп., в которой он просит дать ему полномочие на участие во Временном Правительстве. — Окончательное сформирование Временного Правительства. — Приказ Временного Исполнительного Комитета Гос. Думы о восстановлении в стране порядка, о смещении ген. Хабалова и назначении на его место ген. Корнилова. — Дополнение к приказу Караулова от 1-го Марта: «чины штаба корпуса жандармов аресту не подлежат». — Заявление министра П. Н. Милюкова в Екатерининском зале Таврического дворца, что Временное Правительство представляет себе новую форму государственного строя в России как «парламентарную и конституционную монархию, что власть от Николая Романова перейдет к регенту Михаилу Романову, а наследником будет Алексей Романов».

3—16 — пятница. Отречение от престола Михаила Романова в Петрограде. — Радиотелеграмма Временного Правительства всему миру о перевороте. — Постановление И. К. С. Р. и С. Д. об аресте династии Романовых с предложением Временному Правительству произвести арест совместно с С. Р. Д.; в случае же отказа запросить, как отнесется Врем. Прав., если И. К. С. Р. и С. Д. сам произведет арест. По отношению к Михаилу Романову произвести фактический арест, но формально объявить его подвергнутым фактическому надзору революционной армии. По отношению к Ник. Ник. Романову, «ввиду опасности ареста его на Кавказе,

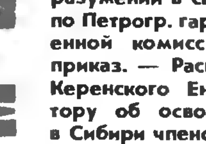

...Для меня было ясно, что со старой властью мы расстались и сделали именно то, что должна была сделать Россия. Но для меня были не безразличны те формы, в которых происходил разрыв, и те формы, в которые облекалась новая власть. Я имел в виду этот переход от старого строя к новому произвести с возможным смягчением, мне хотелось поменьше жертв, поменьше кровавых счетов, во избежание смут и обострений на всю нашу последующую жизнь. К вопросу об отречении государя я стал близок не только в дни переворота, а задолго до этого. Когда я и некоторые мои друзья в предшествовавшие перевороту месяцы искали выхода из положения, мы полагали, что в каких-нибудь нормальных условиях, в смене состава правительства и обновлении его общественными деятелями, обладающими доверием страны, в этих условиях выхода найти нельзя, что надо идти решительно и круто, идти в сторону смены носителя верховной власти. На государе и государыне и тех, кто неразрывно был связан с ними, на этих головах накопилось так много вины перед Россией, свойства их характеров не давали никакой надежды на возможность ввести их в здоровую политическую комбинацию; из всего этого для меня стало ясно, что государь должен покинуть престол. В этом направлении кое-что делалось до переворота, при помощи других сил и не тем путем, каким в конце концов пошли события, но эти попытки успеха не имели или, вернее, они настолько затянулись, что не привели ни к каким реальным результатам. Во всяком случае, самая мысль об отречении была мне настолько близка и родственна, что с первого момента, когда только что выяснилось это шатание и потом развал власти, я и мои друзья сочли этот выход именно тем, чего следовало искать. Другое соображение, которое заставило меня на этом остановиться, состояло в том, что при учете сил, имевшихся на фронте и в стране, в случае, если бы не состоялось добровольного отречения, можно было опасаться гражданской войны или, по крайней мере, некоторых ее вспышек, новых жертв и затем всего того, что гражданская война несет за собой в последующей истории народов, — тех взаимных счетов, которые не скоро прекращаются. Гражданская война, сама по себе, — страшная вещь, а при условиях внешней войны, когда тем несомненным параличом, которым будет охвачен государственный организм, и, главным образом, организм армии, этим параличом пользуются наши противники для нанесения нам удара, при таких условиях гражданская война еще более опасна. Все эти соображения с самого первого момента с 27-го, 28-го февраля, привели меня к убеждению, что нужно, во что бы то ни стало, добиться отречения государя, и тогда же, в думском комитете, я поднял этот вопрос и настаивал на том, чтобы председатель думы Родзянко взял на себя эту задачу; мне казалось, что ему это как раз по силам, потому что он своей персоной и авторитетом председателя государственной думы, мог произвести впечатление, в результате которого явилось бы добровольное сложение с себя верховной власти. Был момент, когда решено было, что Родзянко примет на себя эту миссию, но затем некоторые обстоятельства помешали. Тогда, 1-го марта в думском комитете, я заявил, что, будучи убежден в необходимости этого шага, я решил его предпринять во что бы то ни стало, и, если мне не будут даны полномочия от думского комитета, я готов сделать это за свой страх и риск, поеду как политический деятель, как русский человек, и буду советовать и настаивать, чтобы этот шаг был сделан. Полномочия были мне даны, причем вы знаете, как обрисовалась дальнейшая комбинация: государь отречется в пользу своего сына Алексея с регентом одного из великих князей, скорее всего, Михаила Александровича. Эта комбинация считалась людьми совещания благоприятной для России, как способ укрепления народного представительства в том смысле, что при малолетнем государе и при регенте, который, конечно бы, не пользовался, если не юридически, то морально всей властностью и авторитетом настоящего держателя верховной власти, народное представительство могло окрепнуть, и, как это было в Англии, в конце XVIII ст., так глубоко пустило бы свои корни, что дальнейшие бури были бы для него не опасны. Я знал, что со стороны некоторых кругов, стоящих на более крайнем фланге, чем думский комитет, вопрос о добровольном отречении, вопрос о тех новых формах, в которые вылилась бы верховная власть в будущем, и вопрос о попытках воздействия на верховную власть встретят отрицательное отношение. Тем не менее, я и Шульгин, о котором я просил думский комитет, прося командировать его вместе со мной, чтобы он был свидетелем всех последующих событий, — мы выехали в Псков. В это время были получены сведения, что какие-то эшелоны двигаются к Петрограду. Это могло быть связано с именем генерала Иванова, но меня это не особенно смущало, потому что я знал состояние и настроение армии, и был убежден, что какие-нибудь карательные экспедиции могли, конечно, привести к некоторому кровопролитию, но к восстановлению старой власти они уже не могли привести. В первые дни переворота я был глубоко убежден в том, что старой власти ничего другого не остается, как капитулировать, и что всякие попытки борьбы повели бы только к тяжелым жертвам. Я телеграфировал в Псков генералу Рузскому, о том, что еду; но чтобы на телеграфе не знали цели моей поездки, я пояснил, что еду для переговоров по важному делу, не упоминая, с кем эти переговоры должны были вестись. Затем послал по дороге телеграмму генералу Иванову, так как желал встретить его по пути и уговорить не принимать никаких попыток к приводу войск в Петроград. Генерала Иванова мне не удалось тогда увидеть, хотя дорогой пришлось несколько раз обмениваться телеграммами; он хотел где-то меня перехватить, но не успел, а вечером, 2-го марта, мы приехали в Псков. На вокзале меня встретил какой-то полковник и попросил в вагон государя. Я хотел сначала повидать генерала Рузского, для того, чтобы немножко ознакомиться с настроением, которое господствовало в Пскове, узнать, какого рода аргументацию следовало успешнее применить, но полковник очень настойчиво передал желание государя, чтобы я непосредственно прошел к нему. Мы с Шульгиным направились в царский поезд.

Там я застал гр. Фредерикса, затем был состоящий при государе ген. Нарышкин, через некоторое время пришел ген. Рузский, которого вызвали из его поезда, а через несколько минут вошел и государь. Государь сел за маленький столик и сделал жест, чтобы я садился рядом. Остальные уселись вдоль стен. Ген. Нарышкин вынул записную книжку и стал записывать. Так что, по-видимому, там имеется точный протокол. Я к государю обратился с такими словами: я сказал, что приехал от имени временного думского комитета, чтобы осветить ему положение дел и дать ему те советы,

которые мы находим нужным для того, чтобы вывести страну из тяжелого положения. Я сказал, что Петроград уже совершенно в руках этого движения, что всякая борьба с этим движением безнадежна и поведет только к тяжелым жертвам, что всякие попытки со стороны фронта насильственным путем подавить это движение ни к чему не приведут, что, по моему глубокому убеждению, ни одна воинская часть не возьмет на себя выполнение этой задачи, что как бы ни казалась та или другая воинская часть лояльна в руках своего начальника, как только она соприкоснется с Петроградским гарнизоном и подышит тем общим воздухом, которым дышит Петроград, эта часть перейдет неминуемо на сторону движения, и «поэтому, — прибавил я, — всякая борьба для вас бесполезна». Затем я рассказал государю тот эпизод, который имел место накануне вечером в Таврическом дворце. Эпизод заключался в следующем: я был председателем военной комиссии, и мне заявили, что пришли представители царскосельского гарнизона и желают сделать заявление. Я вышел к ним. Кажется, там были представители конвоя, представители сводного гвардейского полка, железнодорожного полка, несущего охрану поездов и ветки, и представители царскосельской дворцовой полиции, — человек 25—30. Все они заявили, что всецело присоединяются к новой власти, что будут по-прежнему охранять имущество и жизнь, которые им доверены, но просят выдать им документы с удостоверением, что они находятся на стороне движения. Я сказал государю: «Видите, вы ни на что рассчитывать не можете. Остается вам только одно — исполнить тот совет, который мы вам даем, и совет заключается в том, что вы должны отречься от престола. Большинство тех лиц, которые уполномочили меня на приезд к вам, стоят за укрепление у нас конституционной монархии, и мы советуем вам отречься в пользу вашего сына, с назначением в качестве регента кого-нибудь из великих князей, например, Михаила Александровича». На это государь сказал, что он сам в эти дни по этому вопросу думал (выслушал он очень спокойно), что он сам приходит к решению об отречении, но одно время думал отречься в пользу сына, а теперь решил, что не может расстаться с сыном, и потому решил отречься в пользу великого князя Михаила Александровича. Я лично ту комбинацию, на которой я, по поручению некоторых членов думского комитета настаивал, находил более удачной, потому, что, как я уже говорил, эта комбинация малолетнего государя с регентом представляла для дальнейшего развития нашей политической жизни большие гарантии, но, настаивая на прежней комбинации, я прибавил, что, конечно, государю не придется рассчитывать при этих условиях на то, чтобы сын остался при нем и при матери, потому, что никто, конечно, не решится доверить судьбу и воспитание будущего государя тем, кто довел страну до настоящего положения. Государь сказал, что он не может расстаться с сыном и передаст престол своему брату. Тут оставалось только подчиниться, но я прибавил, что в таком случае необходимо сейчас же составить акт об отречении, что должно быть сделано немедленно, что я остаюсь всего час или полтора в Пскове, и что мне нужно быть на другой день в Петрограде, но я должен уехать, имея акт отречения в руках. Накануне был набросан проект акта отречения Шульгиным, кажется, он тоже был показан и в комитете (не смею этого точно утверждать), я тоже его просмотрел, внес некоторые поправки и сказал, что, не навязывая ему определенного текста, в качестве материала, передаю ему этот акт. Он взял документ и ушел, а мы остались. Час или полтора мы пробыли в вагоне. К тем собеседникам, которых я перечислил, присоединился еще Воейков, и мы ждали, пока акт будет составлен. Затем, через час или полтора, государь вернулся и передал мне бумажку, где на машинке был написан акт отречения, и внизу подписано им «Николай». Этот акт я прочел вслух присутствующим. Шульгин сделал два-три замечания, нашел нужным внести некоторые второстепенные поправки, затем в одном месте государь сам сказал: «не лучше ли так выразить», и какое-то незначительное слово вставил. Все эти поправки были сейчас же внесены и оговорены, и таким образом, акт отречения был готов. Тогда я сказал государю, что этот акт я повезу с собой в Петроград, но так как в дороге возможны всякие случайности, по-моему, следует, составить второй акт, и не в виде копии, а в виде дубликата, и пусть он остается в распоряжении штаба главнокомандующего ген. Рузского. Государь нашел это правильным и сказал, что так и будет сделано. Затем, ввиду отречения государя, надлежало решить второй вопрос, который отсюда вытекал: в то время государь был верховным главнокомандующим, и надлежало кого-нибудь назначить. Государь сказал, что он останавливается на великом князе Николае Николаевиче. Мы не возражали, быть может, даже подтвердили, не помню; и тогда была составлена телеграмма на имя Николая Николаевича. Его извещали о том, что он назначается верховным главнокомандующим. Затем надо было организовать правительство. Я государю сказал, что думский комитет называет князя Львова. Государь ответил, что он его знает и согласен; он присел и написал указ, кажется сенату, не помню в какой форме, о назначении князя Львова председателем совета министров...

предварительно вызвать его в Петроград и установить в пути строгое над ним наблюдение». Арест женщин дома Романовых производить постепенно в зависимости от роли каждой в деятельности старой власти. — Испол. Ком. С. Р. и С. Д. постановил, ввиду возникших недоразумений в связи с приказом № 1 по Петрогр. гарнизону, поручить военной комиссии разъяснить этот приказ. — Распоряжение министра Керенского Енисейскому губернатору об освобождении ссыльных в Сибири членов с.-д. фракции 4-ой Гос. Думы и об обеспечении им почетного возвращения в Петроград.

4—17 — суббота. Обращение Временного Правительства к народу с воззванием по поводу происшедшего государственного переворота. — Назначение комиссаров в правительственные учреждения. — Поручение Временного Правительства министру юстиции об учреждении высшего суда для расследования противозаконных действий высших представителей прежней власти. — Постановление Временного Правительства о повсеместном устранении от должностей губернаторов и вице-губернаторов, о возложении их обязанностей на председателей и тов. председателей губернских земских управ. — Заседание Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ов), на котором была принята резолюция о недопустимости соглашений с Временн. Правительством, «по существу контрреволюционным», и о необходимости создания Врем. Революционного Правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства). — Назначение члена Гос. Думы Ф. И. Родичева министром по делам Финляндии.

5—18 — воскресенье. Вышел № 1-й центрального органа Р. С.-Д. Р. П. (б-ов) «Правда». — Приказ Врем. Правит. о переформировании полиции в милицию. — Постановление Исп. Ком. Сов. Раб. и Солд. Деп. о воспрещении выхода черносотенных изданий: «Земщины», «Голоса Руси», «Колокола», «Грозы», «Русского Знамени» и пр. и приостановка вышедшей без предварительного разрешения Сов. Раб. и Солд. Деп. газеты «Новое время».

6—19 — понедельник. Указ Временного Правительства об общей политической амнистии. — Прекращение забастовок в Петрограде по постановлению Сов. Раб. Деп. — Требование Исполнительного Комитета Петроградского Совета Раб. Деп. и Московского Комитета общественных организаций немедленного ареста Николая Романова и увольнения от должности верховного главнокомандующего Николая Николаевича. — Постановление И. К. С. Р. и С. Д. об издании

Уже с утра в Ставке стало известно, что волнения в Петрограде приняли широкие размеры. Толпы появились уже на Невском у Николаевского вокзала, а в рабочих районах, как и вчера, народ требовал хлеба и стремился производить насилия над полицией. Были вызваны войска, занявшие площади, некоторые улицы. Революционное настроение масс росло. Государственная Дума, с Родзянко во главе, предъявляла правительству новые настойчивые требования о реорганизации власти. Все эти тревожные сведения достигли Могилева отрывочно, и определенных сообщений о мероприятиях, принятых властями для подавления беспорядков в столице, — не было...

Весь мой вечер прошел в продолжительных беседах с С. П. Федоровым, К. Д. Ниловым и бароном Штакельбергом. Грустное сознание, что ничего не делается для восстановления порядка, что все как-то опустили руки и словно боятся проявить необходимую твердость власти, — это чувство слабости и беспомощности, — охватывало и нас.

Любопытно отметить, что безусловно, вся свита и состоящие при государе признавали в это время неотложным согласие государя на ответственное министерство и переход к парламентарному строю.

Генерал-адъютант Нилов, князь Долгорукий, граф Фредерикс и другие находили, что эта мера упрочила бы положение царской фамилии в России и могла бы внести успокоение в страну.

Внешняя жизнь Могилева — прежняя. Спокойно и тихо на улицах. Государь выезжал на прогулку, были высочайшие завтраки и обеды; и все остальное время его величество занимался в своем кабинете, принимал графа Фредерикса, генерала Воейкова, генерал-адъютанта Алексеева; утром того же дня происходил обычный доклад по генерал-квартирмейстерской части.

Государь внимательно следил за сведениями, полученными с фронта за истекшие сутки, и удивлял всех своей памятливостью и вниманием к делам.

В субботу легли все поздно и заснули неспокойно. Его величество еще долго не ложился, занимался в своем кабинете...

Государь, окруженный своей свитой, своим штабом, находившимся здесь в царской Ставке, великими князьями: Борисом Владимировичем, Сергием и Александром Михайловичами, был страшно все-таки одинок. У него не было людей, которые понимали бы сложную, чистую его душу. Не было людей, которые имели бы особый вес в глазах государя. Ко всем «своим» его величество относился ласково, внимательно, ценил их преданность, но при большом уме государя он ясно понимал окружавших его ближайших лиц и сознавал, что они не советчики ему...

Для государя было величайшее горе, что с ним в эти страшные дни не было его истинного и единственного друга — императрицы Александры Федоровны. Продолжительная тяжелая политическая обстановка, волнение за семью произвели в государе в эти дни положительный переворот в его душевных силах. Он стал как бы придавлен событиями и словно не отдавал себе отчета в обстановке и как-то безразлично стал относиться к происходившему.

«Неужели уже ничего нельзя сделать», — говорил я С. П. Федорову, — «неужели нельзя найти человека, которого мог бы послать государь в Петроград для водворения порядка и обеспечения от случайностей царской семьи. Мне кажется, такой человек есть в Ставке, это генерал-адъютант Иванов, герой настоящей войны. Его имя известно всей России, и если Николай Иудович немедля отправится в Петроград и Царское, то, может быть, еще спасет положение». С. П. согласился, и мы на завтра, 27-е февраля, решили отправиться к Иванову сообщить наши мысли, и, если он их одобрит, то просить его доложить государю о его желании отправиться в Петроград и принять командование над войсками столицы для водворения порядка...

Удивлялись, что генерал Хабалов не воспользовался такими твердыми частями, как Петроградские юнкерские училища, в которых в это время сосредоточивалось несколько тысяч юнкеров.

Мне передавал генерал Клембовский, что Родзянко прислал телеграмму государю, где он настойчиво просит образовать новое правительство из лиц, пользующихся доверием общества. Клембовский не знал, и потому не мог мне сообщить, какой ответ послан на эту телеграмму. Обо всем этом я узнал до завтрака, к которому государь прибыл после обычного, но на этот раз короткого, доклада генерал-адъютанта Алексеева в генерал-квартирмейстерской части.

Государь сегодня заметно более сумрачен и очень мало разговорчив. Граф Фредерикс, Нилов и другие не скрывают своих опасений и боятся революционных переворотов. К. Д. Нилов все повторял свою обычную фразу: «Все будем висеть на фонарях, у нас будет такая революция, какой еще нигде не было».

Генерал Воейков держится бодро, но видимо все-таки волнуется, хотя все же очень занят устройством своей новой квартиры...

После 12 часов ночи с понедельника на вторник государь переехал в поезд, и к его величеству тотчас прибыл генерал-адъютант Иванов и остался на аудиенции почти 2 часа. Государь, как мне передал потом Николай Иудович, по душе, сердечно и глубоко искренне говорил с ним. Измученный, боящийся за участь России и свою семью, взволнованный озлобленными требованиями бунтующей Государственной Думы, царь сказал генералу Иванову свои грустные и тяжелые соображения.

«Я берег не самодержавную власть, а Россию. Я не убежден, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу.» Так выразился государь о своей сокровенной мысли, почему он упорно отказывался дать парламентский строй. Затем государь указал, что теперь он считает необходимым согласиться на это требование Думы, так как волнения дошли до бунта и противодействовать он не в силах. Государь говорил о той упорной агитации, которая давно ведется против императрицы и его самого, и скорбел о том, что их лучшим стремлениям никогда не верили, и злобные слухи доходили до того, что высказывались подозрения о возможности сношений между ними и врагом России императором Вильгельмом.

Слова царя трогали генерала Иванова, по его рассказу, настолько, что ему трудно было иногда отвечать от спазм в горле. Государь, расставаясь с Николаем Иудовичем, поцеловался с ним, перекрестил его, и в свою очередь Иванов перекрестил царя...

Мы ехали в Псков к генерал-адъютанту Рузскому, надеясь, что главнокомандующий Северным фронтом поможет царю в эти тревожные часы, когда зашаталась власть, устранить революционные крайности и даст возможность его величеству провести в жизнь народа спешные преобразования правления России, по возможности, более тихо, по намеченной уже программе, о чем сообщено было днем 27 февраля из Ставки в Петроград. В пути на Псков мы готовили манифест, в котором государь призывал народ к спокойствию,

указывая на необходимость единодушно с ним — царем — продолжать войну с немцами. Казалось, старый, считавшийся умным, спокойным Рузский сумеет поддержать государя в это страшное время. Верил в это и сам государь, почему и выбрал путь на Псков, а не в другое место...

Днем мы подходили к Старой Руссе. Огромная толпа заполняла всю станцию. Около часовни, которая имеется на платформе, сгруппировались монахини местного монастыря. Все смотрели с большим вниманием на наш поезд, снимали шапки, кланялись. Настроение глубоко сочувственное к царю, поезд которого только что прошел Руссу, и я сам слышал, как монахини говорили: «Слава богу, удалось хотя в окошко увидать батюшку-царя, а то ведь некоторые никогда не видали его».

Всюду господствовал полный порядок и оживление. Местной полиции, кроме двух-трех урядников, станционных жандармов, исправника, никого и не было на станции. Я не знаю, было ли уже известно всему народу о создании «временного правительства», но железнодорожная администрация из телеграммы Бубликова должна была знать о переменах и распоряжениях Государственной Думы, тем не менее все было попрежнему, и внимание к поезду особого назначения полное.

Невольно думалось об этой разнице в отношении к царю среди простого народа в глубине провинции, здесь в Ст. Руссе, и теми революционными массами Петрограда с солдатскими бунтами, благодаря которым государь принужден вернуться с своего пути на Царское Село...

Первое марта, проклятый и позорный день для России, уже кончался, когда мы после 7 часов вечера стали подходить к древнему Пскову. Станция темноватая, народу немного, на платформе находился псковский губернатор, несколько чинов местной администрации, пограничной стражи, генерал-лейтенант Ушаков и еще небольшая группа лиц служебного персонала. Никаких официальных встреч, вероятно, не будет и почетного караула не видно. Поджидая подход императорского поезда, многие из нас говорили с теми людьми, которые прибыли на вокзал для встречи государя, но ничего нового мы не узнали здесь о событиях в Петрограде, да и все были очень сдержанны в своих речах. Губернатор сообщил только, что Псков пока равнодушно отнесся к событиям и в городе тихо. «Впрочем, мы на театре военных действий и у нас трудно было ожидать волнений», — добавил начальник губернии.

На вокзале народа мало, так как из Петрограда после революционных дней конца февраля поезда не приходили и пассажирское движение еще не установилось.

Около 8 часов вечера прибыл «собственный» поезд. Я и барон Штакельберг прошли в вагон лиц свиты. Мы застали всех в коридоре: тут был граф Фредерикс, К. Д. Нилов, князь Долгорукий, граф Граббе, С. П. Федоров, герцог Лейхтенбергский. Уже знали, что почетного караула не будет и его величество на платформу не выйдет. Спросили нас, что слышно в городе, спокойно ли там.

Государь на очень короткое время принял губернатора. Все ждали прибытия главнокомандующего Северным фронтом генерала-адъютанта Николая Владимировича Рузского. Через несколько минут он показался на платформе в сопровождении начальника штаба фронта генерала Юрия Никифоровича Данилова (бывший генерал-квартирмейстер при великом князе Николае Николаевиче) и своего адъютанта графа Шереметьева. Рузский шел согбенный, седой, старый, в резиновых галошах; он был в форме генерального штаба. Лицо у него бледное, болезненное, и глаза из-под очков смотрели неприветливо. Небольшой, с сильной проседью брюнет генерал Данилов, известный в армии и штабах под именем «черный», следовал за главнокомандующим. Они вошли в вагон свиты, где все собрались, и Рузский прошел в одно из отделений, кажется, князя Долгорукого, поздоровался со всеми нами и сел в угол дивана около двери. Мы все обступили его. Волнение среди нас царило большое. Все хотели говорить. Рузский, отвалившись в угол дивана, смотрел как-то саркастически на всех. Граф Фредерикс, когда немного успокоились и восклицания в роде того, что «ваше высокопревосходительство должны помочь, к вам направился его величество, когда узнал о событиях в Петрограде», прекратились, обратился к Рузскому, примерно, со следующими словами: «Николай Владимирович, вы знаете, что его величество дает ответственное министерство. Государь едет в Царское. Там находится императрица и вся семья, наследник болен корью, а в столице восстание. Когда стало известно, что уже проехать прямо в Царское нельзя, его величество в М. Вишере приказал следовать в Псков к вам и вы должны помочь государю наладить дела».

«Теперь уже поздно», — сказал Рузский. — «Я много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Государственной Думой и давать те реформы, которые требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имел большее значение. Им управлялась Россия. Потом появился Протопопов и сформировано ничтожное министерство князя Голицына. Все говорят о сепаратном мире»... и т. д. и т. д., с яростью и злобой говорил генерал-адъютант Рузский.

Ему начали возражать, указывали, что он сгущает краски и многое в его словах неверно. Граф Фредерикс вновь заговорил:

— «Я никогда не был сторонни-

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

приказа № 2 в целях разъяснения и подтверждения основных положений приказа № 1; признано необходимым приказ издать за подписью И. К. и военного министра. Постановление И. К. С. Р. и С. Д. о посылке делегации к военному министру А. И. Гучкову для переговоров об издании приказа № 2, о необходимости выборного начала офицерского состава и создания третейского суда для урегулирования отношений между офицерами и солдатами.

7—20 — вторник. Постановление Временного Правительства об аресте Николая II и его жены. — Манифест об утверждении конституции Великого Княжества Финляндского. — Утверждение Временным Правительством новой формы присяги. — Заявление министра юстиции Керенского в Московском Совете Раб. Деп., что Николай Романов будет отправлен в Англию. — Исп. Ком. Сов. Р. Д. избрал комиссию («Контактная Комиссия») в составе М. И. Скобелева, Ю. Стеклова, Н. Суханова, Филипповского и Н. С. Чхеидзе для сношений с Временным Правительством в «целях осведомления Совета о намерениях и действиях Временного Правительства, осведомления последнего о требованиях революционного народа, воздействия на правительство для удовлетворения этих требований и непрерывного контроля над их осуществлением». — Постановление Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. (б-ов) предложить Исп. Ком. Сов. Раб. и Солд. Деп. немедленно ввести 8-ми-часовой рабочий день во всех областях наемного труда. — Приглашение Петербургского Комитета С.-Д. (б-ов) организовать профессиональные союзы явочным порядком. — Вышел № 1-ый газеты Московского Бюро Центрального Комитета С.-Д. большевиков «Социал-Демократ».

8—21 — среда. Постановление И. К. С. Р. и С. Д. об аресте всех членов семьи Н. Романова, о немедленной конфискации их имущества и лишении их права гражданства. — Арест в Могилеве Николая Романова и его жены в Царском Селе. — Постановление Временного Правительства об образовании Чрезвычайной Следственной Комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и др. должностных лиц царского правительства, как гражданского, так и военного и морского ведомств. — Постановление Вр. Пр. об увольнении сенаторов, не получивших высшего образования.

9—22 — четверг. Признание Америкой Временного Правительства. — Заседание Исполнительного Комитета о принятии мер к задержанию Николая Романова, вызванное слухами о намерении Временного Правительства отправить бывшего царя

ком Распутина, я его не знал, и кроме того вы ошибаетесь, он вовсе не имел такого влияния на все дела»...

— «О вас, граф, никто не говорит. Вы в стороне стоите», — ответил Рузский, и в этих словах чувствовалось указание, что ты, дескать, стар и не в счет.

— «Но, однако, что же делать. Вы видите, что мы стоим над пропастью. На вас только и надежда», — спросили разом несколько человек Рузского.

В век не забуду ответа генерал-адъютанта Рузского на этот крик души всех нас, не меньше его любивших Россию и беззаветно преданных государю императору.

«Теперь надо сдаться на милость победителя», — сказал он.

Опять начались возражения, негодования, споры, требования, наконец, просто просьбы помочь царю в эти минуты и не губить отечества. Говорили все. Генерал Воейков предложил переговорить лично по прямому проводу с Родзянко, на что Рузский ответил:

— «Он не подойдет к аппарату, когда узнает, что вы хотите с ним беседовать». Дворцовый комендант сконфузился, замолчал и отошел в сторону.

— «Я сам буду говорить с Михаилом Владимировичем (Родзянко)», — сказал Рузский.

Я стал убеждать своего бывшего сослуживца по мобилизационному отделу генерального штаба генерала Данилова повлиять на Рузского.

«Я ничего не могу сделать, меня не послушают. Дело зашло слишком далеко», — ответил Юрий Никифорович.

В это время флигель-адъютант полковник Мордвинов пришел и доложил генерал-адъютанту Рузскому, что его величество его может принять. Главнокомандующий и его начальник штаба поднялись и направились к выходу.

— «Вы после аудиенции у его величества вернитесь к нам сюда и сообщите о своей беседе с государем», — говорили ему все.

— «Хорошо, я зайду», — нехотя ответил Рузский.

После разговора с Рузским мы стояли потрясенные и как в воду опущенные. Последняя наша надежда, что ближайший главнокомандующий Северным фронтом поддержит своего императора, по-видимому, не осуществится. С цинизмом и грубою определенностью сказанная Рузским фраза: «надо сдаваться на милость победителя», все уясняла и с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот. Мы только недоумевали, когда же это произошло. Прошло менее двух суток, т. е. 28 февраля и день 1 марта, как государь выехал из Ставки, а там остался его генерал-адъютант начальник штаба Алексеев, и он знал, зачем едет царь в столицу, и оказывается, что все уже сейчас предрешено и другой генерал-адъютант Рузский признает «победителей» и советует сдаваться на их милость.

Чувство глубочайшего негодования, оскорбления испытывали все. Более быстрой, более сознательной предательской измены своему государю представить себе трудно. Думать, что его величество сможет поколебать убеждение Рузского и найти в нем опору для своего противодействия начавшемуся уже перевороту — едва ли можно было. Ведь государь очутился отрезанным от всех. Вблизи находились только войска Северного фронта, под командой того же генерала Рузского, признающего «победителей».

Генерал-адъютант К. Д. Нилов был особенно возбужден, и когда я вошел к нему в купе, он задыхаясь говорил, что этого предателя Рузского надо арестовать и убить, что погибнет государь и вся Россия. К. Д. Нилов не надеялся на какой-либо благоприятный переворот в начавшемся ходе событий.

«Только самые решительные меры по отношению к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь, но на решительные действия государь не пойдет», — сказал Нилов. К. Д. весь вечер не выходил из купе и сидел мрачный, не желая никого видеть.

Я пошел к нему. Нилов прерывающимся голосом стал говорить мне:

«Царь не может согласиться на оставление трона. Это погубит всю Россию, всех нас, весь народ. Государь обязан противодействовать этой подлой измене Ставки и всех предателей генерал-адьютантов. Кучка людей не может этого делать. Есть верные люди, войска и не все предатели в России».

К. Д. стал убеждать меня пойти к государю и еще раз доложить, что оставление трона невозможно.

Мы долго ждали возвращения главнокомандующего Северным фронтом от государя, желая узнать, чем кончилась беседа их между собою. Однако, свита не дождалась Рузского. Он в 12-м часу прямо прошел от его величества к себе для переговоров по прямому проводу с Петроградом и Ставкой.

При этом первом продолжительном свидании Рузского с государем сразу же определилось создавшееся положение. Рузский в настойчивой, даже резкой форме доказывал, что для спокойствия России, для удачного продолжения войны, государь должен передать престол наследнику при регентстве брата своего великого князя Михаила Александровича. Ответственное министерство, которое обещал царь, теперь уже не удовлетворяет Государственную Думу и образовавшееся «временное правительство», и уже требуют оставления трона его величеством. Главнокомандующий Северного фронта сообщил о согласии всех остальных главнокомандующих с этим мнением Думы и «временного правительства». По этому вопросу через генерала Алексеева достигнуто уже соглашение по прямому проводу между Ставкой Верховного и ставками главнокомандующих. Верховное командование всеми российскими силами необходимо передать прежнему верховному, великому князю Николаю Николаевичу. Рузский опять повторил то, что сказал ранее всем нам — «о сдаче на милость победителя» и недопустимости борьбы, которая, по его словам, была бесполезна, так как и высшее командование, стоящее во главе всех войск, против императора. Государь редко перебивал Рузского. Он слушал внимательно, видимо сдерживая себя. Его величество указал, между прочим, что он обо всем переговорил перед своим отъездом из Ставки с генералом Алексеевым, послал Иванова в Петроград. «Когда же мог произойти весь этот переворот», — сказал государь. Рузский ответил, что это готовилось давно, но осуществилось после 27 февраля, т. е. после отъезда государя из Ставки.

Перед царем встала картина полного разрушения его власти и престижа, полная его обособленность, и у него пропала всякая уверенность в поддержке со стороны армии, если главы ее в несколько дней перешли на сторону врагов императора.

Зная государя и все особенности его сложного характера, его искреннюю непритворную любовь к родине, к семье своей, его полное понимание этого неблагоприятного к нему отношения, которое в данный момент охватило «прогрессивную» Россию, а главное боясь, что все это бедственно отразится на продолжении войны, многие из нас предполагали, что его величество может согласиться на требование отречения от престола, о котором говорил Рузский. Государь не начнет борьбу, думали мы, боясь не за себя, а за судьбу своего отечества.

«Если я помеха счастью России и меня все стоящие ныне во главе ее общественных сил просят оставить трон и передать его сыну и брату своему, то я готов это сделать, готов даже не только царство, но и жизнь отдать за родину. Я думаю, в этом никто не сомневается из тех, кто меня знает», — говорил государь...

Весь день 2-го марта прошел в тяжелых ожиданиях окончательного решения величайших событий.

Вся свита государя и все сопровождающие его величество переживали эти часы напряженно и в глубокой грусти и волнении. Мы обсуждали вопрос, как предотвратить назревающее событие.

Прежде всего мы мало верили, что великий князь Михаил Александрович примет престол. Некоторые говорили об этом сдержанно, только намеками, но генерал-адъю-

тант Нилов определенно высказал: «Как можно этому верить. Ведь знал же этот предатель Алексеев, зачем едет государь в Царское Село. Знали же все деятели и пособники происходящего переворота, что это будет 1 марта, и все-таки, спустя только одни сутки, т. е. за одно 28 февраля, уже спелись и сделали так, что его величеству приходится отрекаться от престола. Михаил Александрович — человек слабый и безвольный, и вряд ли он останется на престоле. Эта измена давно подготовлялась и в Ставке и в Петрограде. Думать теперь, что разными уступками можно помочь делу и спасти родину, по-моему, безумие. Давно идет ясная борьба за свержение государя, огромная масонская партия захватила власть, и с ней можно только открыто бороться, а не входить в компромиссы».

Нилов говорил все это с убеждением, и я совершенно уверен, что К. Д. смело пошел бы лично на все решительные меры и конечно не постеснялся арестовать Рузского, если бы получил приказание его величества.

Кое-кто возражал Константину Дмитриевичу и выражал надежду, что Михаил Александрович останется, что может быть, уладится дело. Но никто не выражал сомнения в необходимости конституционного строя, на который согласился ныне государь.

Князь В. А. Долгорукий, как всегда, понуро ходил по вагону, наклонив голову, и постоянно повторял, слегка грассируя: «Главное, всякий из нас должен исполнить свой долг перед государем. Не нужно преследовать своих личных интересов, а беречь его интересы»...

В эти исторические дни много души и сердца проявил лейб-хирург профессор Сергей Петрович Федоров. Этот умный, талантливый и живой человек, он близок царскому дому, так как много лет лечил наследника, спас его от смерти, и государь и императрица ценили Сергея Петровича и как превосходного врача и отличного человека. В эти дни переворота Сергей Петрович принимал близко к сердцу события.

2-го марта Сергей Петрович днем пошел к государю в вагон и говорил с ним, указывая на опасность оставления трона для России, говорил о наследнике и сказал, что Алексей Николаевич, хотя и может прожить долго, но все же по науке он неизлечим. Разговор этот очень знаменателен, так как после того, как государь узнал, что наследник неизлечим, его величество решил отказаться от престола не только за себя, но и за сына.

По этому вопросу государь сказал следующее:

«Мне и императрица тоже говорила, что у них в семье та болезнь, которою страдает Алексей, считается неизлечимой. В Гессенском доме болезнь эта идет по мужской линии. Я не могу при таких обстоятельствах оставить одного больного сына и расстаться с ним».

«Да, ваше величество. Алексей Николаевич может прожить долго, но его болезнь неизлечима», — ответил Сергей Петрович.

Затем разговор перешел на вопросы положения России после того, как государь оставит царство.

«Я буду благодарить бога, если Россия без меня будет счастлива», — сказал государь. «Я останусь около своего сына и вместе с императрицей займусь его воспитанием, устраняясь от всякой политической жизни, но мне очень тяжело оставлять родину, Россию», — продолжал его величество.

«Да», — ответил Федоров, — «но вашему величеству никогда не разрешат жить в России, как бывшему императору».

«Я это сознаю, но неужели могут думать, что я буду принимать когда-либо участие в какой-либо политической деятельности после того, как оставлю трон. Надеюсь, вы, Сергей Петрович, этому верите».

После этого разговора Сергей Петрович вышел от государя.

Вот в таких беседах, разговорах проходил у нас день 2-го марта в Пскове...

Часов около 10 вечера флигель-адъютант полковник Мордвинов, полковник герцог Лейхтенбергский и я вышли на платформу, к которой должен был прибыть депутатский поезд. Через несколько минут он подошел. Из ярко освещенного вагона-салона выскочили два солдата с красными бантами и винтовками и стали по бокам входной лестницы вагона. По-видимому, это были не солдаты, а вероятно рабочие в солдатской форме, так неумело они держали ружья, отдавая честь «депутатам», так не похожи были также на молодых солдат. Затем из вагона стали спускаться сначала Гучков, за ним Шульгин, оба в зимних пальто. Гучков обратился к нам с вопросом, как пройти к генералу Рузскому, но ему, кажется, полковник Мордвинов сказал, что им надлежит следовать прямо в вагон его величества.

Мы все двинулись к царскому поезду, который находился тут же, шагах в 15-20. Впереди шел, наклонив голову и косолапо ступая, Гучков, за ним, подняв голову вверх, в котиковой шапочке Шульгин. Они поднялись в вагон государя, разделись и прошли в салон. При этом свидании его величества с депутатами присутствовали министр императорского двора генерал-адъютант граф Фредерикс, генерал-адъютант Рузский, его начальник штаба генерал Данилов, кажется начальник снабжения Северного фронта генерал Саввич, дворцовый комендант генерал Воейков и начальник военно-походной канцелярии генерал Нарышкин.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

в Англию. Решение И. К. С. Р. и С. Д. произвести арест Николая Романова во что бы то ни стало, хотя бы это грозило разрывом сношений с Временным Правительством. — Отказ Временного Правительства от своего первоначального решения отправить Николая Романова в Англию.

10—23 — пятница. Соглашение между Петроградским Советом Раб. и Солд. Деп. и петроградским обществом фабрикантов и заводчиков о введении на фабриках и заводах 8-часового рабочего дня, фабрично-заводских комитетов и примирительных камер. Предложение И. К. С. Р. и С. Д. Временному Правительству издать указ о введении 8-мичасового рабочего дня по всей России. — Приезд Л. Б. Каменева в Россию.

11—24 — суббота. Отрешение от должности верховного главнокомандующего Николая Николаевича Романова. — Официальное признание Временного Правительства со стороны Франции, Англии и Италии.

12—25 — воскресенье. Постановление Вр. Пр. об отмене смертной казни. — Постановление Временного Правительства о передаче в казну земель и доходов кабинета Николая Романова.

13—26 — понедельник. Заявление представителей Всероссийского Крестьянского Союза, поданное Временному Правит. и Петрогр. Сов. Р. и С. Д., о том, что необходимо немедленно приступить к созыву Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов. — Забастовки рабочих на некоторых фабриках и заводах в Москве, вследствие отказа владельцев уплатить рабочим за простой во время революционных дней.

14—27 — вторник. Манифест П. С. Р. и С. Д. к народам всего мира, в котором С. Р. и С. Д. призывает к восстановлению и укреплению международного единства пролетариата и к совместному решительному выступлению в пользу мира. — Назначение члена Гос. Думы I созыва В. Д. Набокова управляющим делами Временного Правительства.

15—28 — среда. Принесение присяги Временным Правительством на верность новому государственному строю. — Временное Правительство утвердило ликвидационную комиссию по делам Царства Польского.

16—29 — четверг. Воззвание Временного Правительства к полякам о происшедшем перевороте и о предоставлении права Польше самостоятельно определить свой государственный строй. — Опубликование циркулярной телеграммы министра иностранных дел П. Н. Милюкова о политике Врем. Правительства с указанием на то, что русская революция имеет своей целью довести войну до оконча-

Приезд депутатом А. И. Гучкова никого не удивил. Деятельность его давно была направлена против государя, и он определенно являлся всегда упорным и злобным врагом императора. Будучи еще председателем Думы, затем с 1915 года председателем военно-промышленного комитета и находясь в постоянной связи со своим другом, генералом Алексеем Андреевичем Поливановым, бывшим военным министром, Гучков много лет всюду, где мог, интриговал и сеял недоверие к царю.

Другое дело В. В. Шульгин, много лет крайний правый член Государственной Думы, друг В. М. Пуришкевича, издатель «Киевлянина», наследник Пихно. Как он мог решиться вместе с Гучковым приехать просить царя оставить престол? Шульгин бойкий, неглупый человек. Вероятно, честолюбивые мечты заставили его сделаться националистом, затем войти в прогрессивный блок, играя всюду видную роль. Он постепенно забывал свои «правые» убеждения, исповедовавшие, что православный царь на Руси от бога. Государю очень тяжело было узнать, что Шульгин едет депутатом сюда в Псков. Лично я знал Шульгина по его деятельности среди правых партий, мне нравились его речи в Думе, и потому трудно было мне поверить в приезд сюда Шульгина и в его деятельное участие в перевороте.

По виду Шульгин, да и Гучков казались смущенными и конфузливо держались в ожидании выхода государя.

Через несколько минут появился его величество, поздоровался со всеми, пригласил сесть всех за стол у углового дивана. Государь спросил депутатов, как они доехали. Гучков ответил, что отбытие их из Петрограда, ввиду волнений среди рабочих, было затруднительно. Затем само заседание продолжалось недолго.

Его величество, как было упомянуто, еще днем решил оставить престол, и теперь государь желал лично подтвердить акт отречения депутатам и передать им манифест для обнародования. Никаких речей поэтому не приходилось произносить депутатам.

Его величество спокойно и твердо сказал, что он исполнил то, что ему подсказывает его совесть, и отказывается от престола за себя и за сына, с которым, ввиду болезненного состояния, расстаться не может.

Гучков доложил, что обратное возвращение депутатов сопряжено с риском, а посему он просил подписать манифест на всякий случай не в одном экземпляре. Государь на это согласился.

В это же время верховным главнокомандующим всеми российскими силами был назначен государем великий князь Николай Николаевич — наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией, о чем была послана телеграмма в Тифлис его величеством.

Затем государь ушел к себе в отделение, а все оставшиеся стали ждать изготовления копии манифеста.

Вот собственно с формальной стороны и все, что произошло на свидании депутатов Думы Гучкова и Шульгина с его величеством 2-го марта в Пскове...

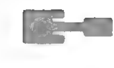
Днем 3-го марта с пути его величество послал телеграмму Михаилу Александровичу уже как новому царю, в которой просил его простить, что принужден передать ему тяжелую ношу правления Россией, и желал брату своему успеха в этом трудном деле. Телеграмма простая, сердечная и она так отражала государя и всю его духовную жизнь. Нет ни малейшей рисовки, ни малейшей позы, а высказан только душевный порыв человека.

Эта телеграмма, может быть, объясняет в значительной степени то сравнительно спокойное отношение к событиям, которое замечалось у государя последние два дня. Его величество надеялся, что брат его, который принимает царство, при том сочувствии со стороны деятелей переворота, успокоит страну, а назначенный государем верховным главнокомандующим великий князь Николай Николаевич сбережет армию от революционного развала, и воина будет закончена победоносно...

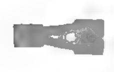
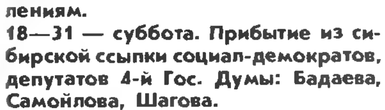
В настроении его величества заметна перемена. Он по-прежнему хотя ровен, спокоен, но задумчив и сосредоточен. Видимо, он уходит в себя, молчит. Иногда с особой грустью смотрели его глаза, и в них, в этих особенных чистых, правдивых и красивых глазах, особенно грустный вопрос: как все это совершилось, и сможет ли брат справиться с государством, и имел ли он, законный царь, право передать ему Россию.

Все эти дни с 1-го марта государь был в кубанской пластунской форме, выходил на воздух, несмотря на свежую ветреную погоду, без пальто в одной черкеске и башлыке. Он такой моложавый, бодрый и так легко и скоро ходит...

После известия об отказе Михаила Александровича не только среди лиц, окружавших государя, но и среди всей Ставки не было уже почти никаких надежд на то, что Россия сможет вести войну и продолжать сколько-нибудь правильную государственную жизнь. Надежда, что «учредительное собрание» будет правильно созвано и утвердит царем Михаила Александровича, была очень слаба, и в нее почти никто не верил. Прав был К. Д. Нилов, говоря, что Михаил Александрович не удержится и за сим наступит всеобщий развал.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

тельной победы. — Постановление Временного Правительства об отмене празднования «царских дней».

17—30 — пятница. Постановление Временного Правительства об отмене установленных в действующих законах для ссыльно-поселенцев и арестантов наказаний розгами, наложением оков и надеванием смирительной рубашки. — Амнистия по уголовным и воинским преступлениям.

18—31 — суббота. Прибытие из сибирской ссылки социал-демократов, депутатов 4-й Гос. Думы: Бадаева, Самойлова, Шагова.

21—3 — вторник. Первая статья Н. Ленина в «Правде»: «Первый этап первой революции» (Письма издалека).

23—5 — четверг. Похороны в Петрограде жертв старого режима: борцов за революцию. (В дни революции в Петрограде пострадало: 1.382 человека; воинских чинов 869, рабочих 237, других граждан 276.)

26—8 — воскресенье. Резолюция Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков), констатирующая неспособность Временного Правительства разрешить задачи революции и призывающая к сплочению революционных сил вокруг Советов Р. и С. Депутатов, как зачатков революционной власти. — Резолюция Б. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ов) о войне и мире.

29—11 — среда. Открытие Всероссийского Совещания делегатов от Советов Р. и С. Деп.

30—12 — четверг. Резолюция Л. Б. Каменева о войне от имени Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (б-ов) на Всероссийском Совещании Советов получила 57 голосов против 325, поданных за резолюцию с.-д. меньшевиков, внесенную И. Г. Церетели.

31—13 — пятница. Возвращение в Россию Г. В. Плеханова.

Печатается с сокращениями по книге В. Максакова и Н. Нелидова «Хроника революции», выпуск I, 1917 год. Госиздат, М.-Пг., 1923 год.

РЕДКИЕ КНИГИ ОБ ЭТИХ ДНЯХ:

ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II. Воспоминания очевидцев. Изд. «Красная газета», Л., 1927.

ПАДЕНИЕ ЦАРСКОГО РЕЖИМА. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. т. I—VII. М.-Л., 1924—1927.

ПОСЛЕДНИЙ ЦАРЬ. КОНЕЦ РОМАНОВЫХ. (История революционного движения в России по неопубликованным немецким источникам). П., типография «Единение», 1918.

Быков П. М. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РОМАНОВЫХ. 2-е издание. Свердловск, Уралкнига, 1926.

Данилов Ю. Н. МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О НИКОЛАЕ II. — «Архив русской революции», т. XIX. Берлин, 1928.

ПЕРЕПИСКА НИКОЛАЯ И АЛЕКСАНДРЫ РОМАНОВЫХ. 1914—1917 гг., т. I—V. М.-Л., 1923—1927.

Жильяр П. ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ. Воспоминания бывшего воспитателя наследника цесаревича. Ревель, 1921.

Василевский И. (Не-Буква). НИКОЛАЙ II. Русское универсальное издательство. Берлин, 1923.

АРОН СИМАНОВИЧ

РАССКАЗЫВАЕТ СЕКРЕТАРЬ РАСПУТИНА

— Если он думает, что он оседлает меня потому, что у него длинные усы, и он умеет развлекать наследника, и поэтому он творит разные глупости, то он весьма ошибается. Я ему покажу... Уж помянет он меня.

Он подсел к своему письменному столу и написал министру следующее письмо:

«Слушай, министр. Ты думаешь, что потому, что царь привез тебя из Чернигова вследствие твоей длинной бороды и потому, что ты комедиант, ты можешь делать все, что ты хочешь. Когда ты приехал из Чернигова, твои усы были напущены, но я их тебе сорву. Ты закрыл мой клуб, и за это ты получишь щелчок от меня. Благодари Бога и отца Григория, что я ограничусь лишь щелчком. Ты был дураком и дураком останешься. Ты можешь на меня жаловаться, мне начхать на тебя».

Распутин передал мне письмо, вызвал по телефону начальника охранного отделения и потребовал подать ему автомобиль. В нем он немедленно отправился в Царское Село, чтобы жаловаться на Маклакова царю. Перед отъездом он просил Николая освободиться от других занятий, так как он имеет к нему важное дело.

Министра внутренних дел немедленно уволили. Распутин сообщил мне результат своих переговоров по телефону, и я просил членов нашего клуба отправиться к Маклакову, чтобы передать ему письмо Распутина.

— Почему Вы не передали мне письма Распутина до моего увольнения? — воскликнул в отчаянии Маклаков. — Я закрыл клуб потому, что Распутин творил там разные безобразия.

— Распутин знал, что вы безобразничаете в других местах, но ничего против Вас не предпринимал, — ответил один из членов нашего клуба.

Приведенный выше поступок Распутина поднял сильно его популярность в обществе. Все чиновники старались ему понравиться и услужить. Стремление заискивать у Распутина принимало иногда весьма некрасивые формы. Мне приходилось часто наблюдать, как высокопоставленные лица, миллионеры и духовные лица унижались перед этим неотесанным мужиком. Одного слова его было достаточно, чтобы решить судьбу человека. Стремление получить при посредстве всемогущего Распутина всякие выгоды являлось поводом к выявлению всевозможных низменных страстей.

ЧТО МОЖЕТ НАТВОРИТЬ МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В первые годы после появления Распутина в свете, на него имела большое влияние графиня Клейнмихель. Она имела салон, находилась в прекрасных отношениях со всеми кругами высшего Петербургского общества, и с нею считались даже при дворе. В ее салоне вращались дипломаты и высшие государственные сановники, финансисты и множество дам высшего общества. Старая графиня была ловка и умна, и также умела со всеми ладить. Она была очень дружна с графиней Игнатьевой, которая была председательницей реакционного общества «Звездная Палата». Обе дамы занялись Распутиным, чтобы использовать его влияние на царя в своих интересах, но скоро должны были прийти к заключению, что Распутин не допускает себя использовать в качестве слепого орудия. После этого он стал им казаться подозрительным. Они начали натравлять монаха Илиодора против Распутина. До тех пор Распутин и Илиодор были друзьями. Теперь Илиодор сделался злейшим врагом Распутина и начал строить всевозможные козни против Распутина.

В то время — я уже не могу припомнить, в каком это было году — Распутин находился в своем родном селе Покровском в Сибири. Его старый друг, епископ Варнава, который ему был обязан своим епископским посохом, направился туда и старался его уверить, что было бы лучше помириться с Илиодором. Далее он рассказывал, что друг Илиодора, бывший нижегородский губернатор Хвостов, очень охотно взял бы на себя посредничество между обоими. Вследствие этой услуги Хвостов надеялся попасть в министры внутренних дел.

Когда Распутин собирался возвращаться в Петербург, Варнава просил его разрешения познакомить с Хвостовым и получил его согласие. Дорогу в Петербург Распутин вместе с Варнавой частью проделал на одном из Волжских пароходов. Телеграфно извещенный Варнавой, Хвостов выехал им навстречу. Его друг, князь Андронников, сопровождал его.

Варнава познакомил Распутина с Хвостовым следующим словами:

— Вот толстяк, которому я послал телеграмму.

Между Распутиным и Варнавой завязался разговор, который главным образом вращался около предполагаемого назначения Хвостова министром внутренних дел.

— Тебе придется выступить из Союза Русского Народа, — сказал Распутин.

— Я совсем не принадлежу к этому Союзу, — ответил Хвостов. — Но его членами являются монархисты, и поэтому я должен их поддержать.

— В каких отношениях ты находишься с Илиодором? — спросил Распутин.

— Он все делает по моей указке, — пояснил Хвостов.

— И если я потребую, чтобы Илиодор был сослан? — спросил Распутин. — Исполнишь ли ты это?

— Если Илиодор узнает, что я против него, то он сам исчезнет. Тебе не придется тогда его бояться.

Распутин был очевидно успокоен заверениями Хвостова. После возвращения в Петербург он предложил царю назначить Хвостова министром внутренних дел. Царь согласился с этим предложением, и назначение Хвостова состоялось. Таким образом исполнилась мечта Хвостова.

Скоро Распутин стал замечать, что Хвостов действительно произвел на Илиодора какое-то давление. Наконец Монах бежал в Норвегию и уже оттуда продолжал свои нападки на Распутина.

В действительности же побег Илиодора в Норвегию был условлен с Хвостовым. Илиодор получил даже из секретных сумм министерства внутренних дел шестьдесят тысяч рублей. Эта сумма была ему уплачена будто бы за то, что он не станет опубликовывать своих разоблачений против императрицы.

Из Христиании Илиодор вел переписку с Хвостовым по поводу организации покушения на Распутина. Илиодор предполагал произвести покушение при посредстве одного из своих фанатических приверженцев. В этот момент на сцену выплыло еще третье лицо. Это был товарищ министра внутренних дел Белецкий, который сам мечтал о должности министра. Белецкий хотел услужить Распутину и для этого шпионил за перепиской Хвостова с Илиодором. Хвостов назначил своим секретарем мелкого журналиста Ржевского. Его товарищ Белецкий сумел перетянуть Ржевского на свою сторону.

Однажды Ржевский просил через моего друга инженера Гейна передать мне, что он получил от Хвостова поручение свезти в Христианию письма для Илиодора, а также передать последнему нужную для подготовки покушения на Распутина сумму денег. После этого сообщения я немедленно встретился со Ржевским. Он показал мне письмо Хвостова к Илиодору и просил меня его свести с Распутиным. Он хотел раскрыть большой заговор, который был направлен не только против Распутина, но и против царицы. Я полагаю, что Ржевский немного хвастался. Я думаю, что в то время против императрицы ничего не предполагалось, а только против Распутина. Я поспешил к нему. Увидев письмо Хвостова, он очень заволновался. Мы обсудили, что делать. Я предложил ему поручить жандармскому полковнику Комиссарову проследить это дело. Распутин согласился, и я поспешил к Комиссарову и изложил ему все обстоятельства.

— Что я заслужу за раскрытие всего дела? — спросил он.

— Что Вы хотите? — был мой встречный вопрос.

— Я хочу быть произведенным в генералы и назначенным градоначальником одного из бывших городов.

Распутин согласился исполнить его желание. Я считал нужным привлечь к раскрытию дела также Белецкого, так как в его руках находились все нити.

На другой день я привел Ржевского к Распутину, который его обнял.

— Никому не верь, отец Григорий, — пояснил Ржевский. — ни Комиссарову, ни Белецкому. Они продадут тебя и, может быть, поступят так же, как поступил с Гапоном Мануйлов. Тебе известно, что Гапон был предан и в Озерках повешен.

— Что мне теперь делать? — спросил Распутин.

Продолжение. Начало в №№ 5, 6, 9, 10/1989, 2/1990.

— Продолжай спокойно переговоры с ними. Обещай их вознаградить, но не верь им. Разбор дела царь должен поручить совершенно непричастному лицу.

На другой день мы с Распутиным поехали в Царское Село к Вырубовой, куда скоро явилась царица. Мы показали ей письмо Хвостова Илиодору, в котором сообщалось, что все приготовлено и убийцы ждут только письменного распоряжения Илиодора о приступлении к исполнению заговора.

Я предложил поручить товарищу военного министра Беляеву расследовать дело о покушении. Беляев согласился на мое предложение, но просил письменного распоряжения царя. Его просьба была исполнена.

С его же согласия Ржевский был по дороге в Христианию, на финляндской границе задержан и обыскан. После сфотографирования письма Хвостова был освобожден и мог продолжать свой путь. Все телеграммы Илиодора к Хвостову проверялись военной разведкой. На обратной дороге из Христиании Ржевского вновь задержали. Он вез письмо Илиодора к Хвостову, в котором назывались трое согласных на произведение покушения царицынских крестьян. Этих людей задержали, а потом, вследствие просьбы Распутина, они были высланы генералом Беляевым в Царицын.

Хвостов каким-то путем разузнал о нашем расследовании и моем участии в этом деле и решил мне отомстить. К этому ему скоро подвернулся подходящий случай.

Я уже говорил, что царь не исполнил своего обещания объявить в Государственной Думе о своем решении ввести конституционную форму правления и уравнять в правах инородцев. Распутин поехал к нему и настаивал на том, чтобы предполагаемая реформа была проведена. Это было 6 января. Но царя нельзя было убедить исполнить его обещание. Распутин был очень огорчен и поехал к митрополиту Питириму. По телефону туда же был вызван председатель совета министров Штюрмер. В Александрово-Невском монастыре, на квартире Питирима, состоялось совещание. Было решено, что Питирим должен написать царю очень убедительное письмо и в нем умолять царя склониться перед требованием времени и объявить ожидаемые новшества. Письмо подписали Питирим, Штюрмер и Распутин. Мне было поручено доставить письмо царю, и я повез этот исторический документ в Царское Село.

К сожалению, я теперь уже не могу передать его содержание. У меня имелась копия этого письма, но она осталась среди моих бумаг в Петербурге. В свое время письмо на всех, его читавших, оставляло очень сильное впечатление.

Я лично передал письмо Николаю при входе в Александровский дворец и мог наблюдать, что царь очень озабочен. Он просил меня передать Распутину, что он исполнит просьбу подписавших письмо. Этот ответ я сообщил Распутину, Питириму и Штюрмеру, которые были им очень довольны. Мы ждали, что 9-ого января будет объявлен Государственной Думе манифест. Но ничего подобного не случилось. В этот день царь посетил Государственную Думу, но ни словом не обмолвился о предполагаемых реформах.

В ту же ночь по распоряжению министра внутренних дел у меня на квартире был произведен обыск. Меня арестовали. Какими-то путями Хвостов разузнал, что я передавал письмо Распутина, Питирима и Штюрмера царю. Узнав об этом, я много думал, не царь ли сам рассказал Хвостову об этом.

Меня заключили в отдельную камеру при Петербургском охранном отделении. Шестнадцать дней никто не знал, где я нахожусь. Мои родные также были в полной неизвестности. Охранная полиция передала мне предложение Хвостова в борьбе с Распутиным перейти на его сторону. Об этом я и слышать не хотел. Мой старший сын посетил императрицу и сообщил ей о моем аресте. Она была возмущена и заявила:

— Это революция! Хвостов позволил себе действовать против царя.

Председатель совета министров Штюрмер и его секретарь Манасевич-Мануйлов тоже были очень озабочены. Мануйлов ночью вскочил с кровати и воскликнул:

— Тогда они и меня могут арестовать!

Хвостов свои меры предпринял совершенно неожиданно. Распутин был взбешен и не мог себе простить, что он провел Хвостова в министры. Мое положение было довольно угрожающим. Хвостов собирался легальным образом отправить меня на тот свет. Он достал подложные документы, которые должны были меня изобличить, как шпиона. Документы были переданы военному суду, и без малого приговор состоялся бы. К счастью я сумел доказать, что приписываемую мне переписку с вражескими агентами я не мог вести. Вследствие этого обвинение отпало.

Через шестнадцать дней я был освобожден, но получил распоряжение в двадцать четыре часа оставить Петербург и выехать в Нарымский край в ссылку. Днем позднее моей семье также было предписано следовать за мною в Сибирь. К счастью, царица могла еще заблаговременно заступиться за мою семью, и ссылка моей семьи была отменена. Царь в это время находился в ставке.

После его возвращения в Петербург, Хвостов поспешил представить ему совершенно извращенный доклад по делу Илиодора и моего ареста. Он старался всю ответственность свалить на Белецкого и Ржевского; между тем Распутин уже успел ознакомить царя с действительным положением этих дел. Он делал вид, что верит Хвостову, и последний был уже убежден в своей победе. Между тем царь отдал распоряжение о моем возвращении, которое меня застало в Твери. Сосланному же одновременно со мной брату с его сыном пришлось проделать всю дальнюю дорогу в Сибирь. Меня сопровождала в дороге моя собственная, состоящая из десяти человек, охрана, так как я опасался, что Хвостов мог распорядиться покончить по дороге со мной.

После моей ссылки в Сибирь я по распоряжению царя был причислен ко двору! Николай II считал меня секретарем Распутина. Он не желал, чтобы кто-нибудь помимо его воли наблюдал бы за моею деятельностью. Это знал Хвостов. Что, несмотря на это, Хвостов все же счел возможным меня арестовать и сослать, царь считал возмутительным.

Все же во время разговора с Хвостовым, царь держал себя в высшей степени любезно. Хвостов понятия не имел о недовольстве им царя. Прием его царем продолжался два часа. Но когда Хвостов вернулся домой, он нашел уже там его ожидающий, запечатанный пакет с распоряжением царя об его отставке. Он сомневался даже в подлинности приказа, так как только что царь был так любезен с ним. Хвостов немедленно поехал в Царское Село, чтобы говорить с царем, но не был им принят.

Дома его ждала новая неприятность. Его вызывал к себе председатель совета министров Штюрмер. Хвостов направился немедленно к нему. Здесь он узнал, что царь велел отнять у него все его ордена и сослать на шесть месяцев в его имение. В тот же вечер Хвостов* оставил Петербург. Еще до его отъезда на его квартире был произведен обыск, при котором по желанию Штюрмера присутствовал также я. Мы нашли много документов, важных бумаг и переписки. Среди них находились также письма царя, царицы и Распутина. Они были все сожжены.

Ржевский был одновременно со мной сослан в Нарымский край. До его отъезда Хвостов велел его доставить в свой рабочий кабинет и там надавал ему несколько оплеух.

По совету Распутина Штюрмер был назначен также министром внутренних дел. Распутин потребовал от Штюрмера новой должности для полковника Комиссарова. Его назначили градоначальником в Ростов-на-Дону. Белецкий надеялся получить должность генерал-губернатора в Иркутске, но Распутин уговорил его оставаться в Петербурге, обещав ему устроить специальное министерство полиции. Пока Белецкий был назначен сенатором. Что же касается генерала Беляева, то в исполнение данного ему Распутиным обещания он был назначен военным министром. Но в это время Распутин уже не был в живых.

Я еще должен заметить, что Хвостов имел особую причину быть мною недовольным. В 1915 году я вручил члену Государственной Думы, князю Геловани документы, из которых усматривалось, что Хвостов занимался организацией еврейских погромов. Эти документы я получил от Белецкого за обещание устроить его министром внутренних дел. Геловани передал полученные от меня документы члену Государственной Думы Керенскому, который озаботился о их распубликовании. Эти документы вызвали большой шум.

Керенский вел в Думе ожесточенную борьбу против реакционных партий и не упускал ни одного случая, чтобы выступить против них. О событиях в Государственной Думе нас регулярно информировал член Думы Караулов.

БОРЬБА ПРОТИВ АНТИСЕМИТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Долголетний министр юстиции Щегловитов имел очень вредное влияние на царя. Он старался с особенной настойчивостью доказывать ему, что все евреи заражены социализмом. По его мнению, их следовало поставить в такое положение, чтобы у них пропала всякая вера в социализм. Убийство мальчика Ющинского дало повод Щегловитову и другим врагам евреев начать против Бейлиса знаменитый ритуальный процесс. Но этот процесс не дал ожидавшихся последствий, а, наоборот, они были весьма неприятны для самих зачинщиков процесса.

Распутин ненавидел Щегловитова и нападал на него, где только мог. Щегловитову, знавшему влияние Распутина на царя, приходилось нападки и обиды со стороны Распутина молча проглатывать. Распутин упрекал Щегловитова в бессердечно

---

* Впоследствии арестован Керенским; посажен в «Кресты»; позднее переведен в Москву, где большевики его расстреляли совместно с Белецким.

сти и язвил над тем, что он теперь состоял членом «Союза Архангела Михаила», между тем, как он раньше был социалистом.

Когда затевался процесс Бейлиса, то Распутин открыто заявил Щегловитову: «Ты проиграешь процесс, и ничего из него не выйдет».

Еще до окончания процесса Распутин уже предсказывал оправдание Бейлису. — Евреи не нуждаются в крови христиан, это я знаю лучше, чем ты, — уверял он министра юстиции.

После своего увольнения Щегловитов обратился к Распутину помочь ему снова стать министром. Распутин ответил ему довольно грубо, что только после его смерти он может рассчитывать на министерский пост. После смерти Распутина Щегловитов, действительно, сделался на короткое время председателем Государственного Совета.

Когда по случаю процесса Бейлиса началась страшная травля на евреев, я просил Распутина повлиять на царя о прекращении этой ужасной травли. Он неоднократно старался заговорить с царем по поводу процесса Бейлиса, но всегда получал ответ не затрагивать этого вопроса. Такое отношение царя сильно не нравилось Распутину. Он предполагал, что царь имел особые причины обращать большое внимание на науськивания Щегловитова

Во время переговоров с министрами относительно необходимости облегчения положения евреев, приходилось часто выслушивать ответ: — «Гурлянд этого не хочет».

Этот господин Гурлянд играл странную роль. По рождению своему еврей, сын раввина в Одессе, перешедший уже взрослым в христианство, он сделался страшным юдофобом и сумел завязать хорошие отношения с министрами. Как раз в то время он был главным редактором правительственной газеты «Россия». Он поддерживал открыто партию старого двора и агитировал против молодого двора.

Несмотря на это он имел сильное влияние на царя в еврейском вопросе. Я подозреваю даже, что фактическим застрельщиком процесса Бейлиса был Гурлянд. Во всяком случае, он был неофициальным руководителем по этому поводу проводимой антиеврейской пропаганды. Совещания о том, как использовать этот ритуальный процесс вообще в борьбе с еврейством, состоялись на его квартире.

Единственный обвиняемый Бейлис был оправдан, но в связи с этим процессом были привлечены к ответственности за превышение власти и другие противозаконные деяния начальник Киевской уголовной полиции и другие полицейские чины. Их приговорили к довольно суровым наказаниям

Делегация, состоявшая из Московского раввина Мазо, киевского сахарозаводчика Льва Бродского и петербургского финансиста Герасима Шалита обратилась ко мне с просьбой об исходатайствовании помилования осужденных. Я добился этого

При этом случае я должен отметить, что не только сам Герасим Шалит, но остальные члены его семьи всегда охотно отзывались на обращаемые к ним просьбы о помощи нуждающимся своим единоверцам.

Непостоянство царя отзывалось очень неприятным образом также в еврейском вопросе. Хотя он и был преданным другом Распутина, врага реакционных союзов, он все же одновременно был беспрекословным последователем этих же союзов. Поэтому Распутин не осмеливался открыто нападать на эти организации, хотя он при каждом удобном случае старался им вредить. По моему совету он уговорил царя прекратить выдачу сумм для поддержки известного реакционного деятеля Пуришкевича. Когда Пуришкевич узнал, что виновником прекращения этих ассигнований являюсь я, он стал моим злейшим врагом.

Впрочем, Пуришкевич имел еще другую причину ненавидеть меня и Распутина. В руководимом им «Союзе Архангела Михаила» играл большую роль дружественный мне прокурор Розен. Все поступающие в Союз жалобы на евреев поручались ему для проверки. Я добился того, что эти жалобы Розеном передавались сперва мне. Могущие иметь для евреев нежелательные последствия жалобы мною сжигались и только самые безобидные передавались обратно в союз.

Пуришкевич начал подозревать Розена. С большим портфелем, набитым жалобами на евреев, его проследили около моей квартиры. После этого он был смещен с должности секретаря «Союза Архангела Михаила». Для него это была потеря небольшая, так как он от меня получал в месяц две тысячи рублей и имел еще другие доходы.

Розен объяснил мне секрет успеха у царя реакционных провинциальных губернаторов. Если губернатором назначался ставленник «Союза Русского Народа», то со всех сторон России от отделов союза поступали царю благодарственные телеграммы. Я сблизился с председателем московского отделения союза Орловым. За приличное вознаграждение он согласился распорядиться посылать благодарственные телеграммы царю также по случаю назначения рекомендованных Распутиным министров. Все расходы, конечно, покрывались мною.

РАСПУТИНСКИЙ СОВЕТ МИНИСТРОВ

Друзья Распутина часто шутили, что Распутин имеет свой собственный совет министров, значительно дельнее и положительнее царского совета. Но этот «совет министров» имел ту особенность, что он состоял исключительно из дам.

Старая Головина была, так сказать, президентом. Она поддерживала Распутина своим именем и авторитетом среди петербургского высшего общества. Ее дочь, Маня, служила посредницей между Распутиным и высшим духовенством. Вырубова в исключительной мере способствовала при назначениях министров. Придворная дама Никитина поддерживала связь с председателем совета министров. Одна из сестер Воскобойниковых работала во дворце, а другая поддерживала важные знакомства в руководящих военных кругах. Акулина Лаптинская служила сыщиком Распутина. Она снабжала его всеми новейшими сплетнями и секретами: единственный ее недостаток был тот, что она не была достаточно надежна и работала также на врагов Распутина. Прочие дамы исполняли самым добросовестным образом все поручения Распутина и служили ему душой и телом.

К кружку его влиятельных поклонниц принадлежала также красивая фрейлина императрицы, госпожа фон Ден, по рождению немка и замужем за немцем, русским морским офицером. Особенно она почитала Распутина за его пропаганду мира, но была и так ему очень предана.

При встречах во дворце Распутин и госпожа фон Ден совершенно не разговаривали, но часто виделись на квартире его подруги Кушиной, которую он называл «красавицей». Там же часто устраивались веселые интимные вечера, на которые иногда приглашали и меня.

Однажды один из гостей обратился к Распутину с вопросом, почему он больше симпатизирует немцам, а ненавидит англичан и французов. Изрядно выпивший Распутин дал совершенно неожиданный ответ:

— Не могу я любить французов, — пояснил он, — потому что я знаю, что они не могут полюбить меня. Они республиканцы и революционеры, и я им кажусь смешным. Я могу работать только с монархистами. Но монархисты не должны никогда воевать между собой и всегда хорошо между собой уживаться. Поэтому Россия должна, как можно скорее, помириться с Германией.

Это, конечно, не был исчерпывающий ответ Распутина по поводу его враждебности к войне. Но он ясно показал, что Распутин сознавал не только свою власть, но и ее пределы.

КАК СОСТОЯЛИСЬ НАЗНАЧЕНИЯ МИНИСТРОВ

С тех пор, как Распутин возымел решающее значение при назначении министров, он постоянно искал подходящих кандидатов. Так как личные качества протеже ему было мало известны, то выбор кандидатов для него был очень затруднительным. Поэтому он постоянно обращался ко мне с просьбами указать подходящих лиц для одного или другого министерского поста. Часто это была весьма затруднительно. Наша задача осложнялась еще тем, что многие из намеченных нами кандидатов, зная колеблющийся характер царя, сами отказывались от предлагаемых им назначений.

Особенно сложным становилось дело в последние годы царствования Николая II. Часто случалось, что царь телефонировал Распутину, требуя немедленно указать кандидата для какого-либо освобождающегося поста министра. В таких случаях Распутин просил царя обождать несколько минут. Возвращаясь к нам, он требовал назвать необходимого кандидата.

— Нам нужен министр, — восклицал он взволнованно. Недалеко от телефона происходила тогда конференция, на которой иногда участвовали даже племянницы Распутина, между тем как царь ждал у телефонной трубки. Однажды Распутин во время разговора с царем сказал нам:

— Нам требуется генерал. — Случайно присутствовавший при этом мой сын Семен назвал фамилию Волконского, хотя тот и не генералом, а товарищем председателя Государственной Думы был. Распутин назвал фамилию царю. Вскоре после этого Волконский был назначен товарищем министра внутренних дел.

Если выбор был особенно затруднительным, то нам приходил на помощь Манасевич-Мануйлов. Он, конечно, старался проводить своих людей. По его совету был назначен Штюрмер председателем совета министров. Манасевич-Мануйлов рекомендовал нам Штюрмера как «старого вора и жулика» и ручался за то, что Штюрмер исполнит все наши пожелания

В первую очередь мы искали людей, согласных на заключение сепаратного мира с Германией. Со Штюрмером мы долго торговались. Только тогда, когда нам казалось, что он достаточно подготовлен, последовало его назначение. Я выступал за него, потому что он был еврейского происхождения. Его отец воспитывался в первой школе раввинов в Вильно,

потом крестился и сделался преподавателем гимназий. Потом он получил дворянство. Первоначально он имел другую фамилию и только потом стал называться Штюрмером. Я предполагал, что председатель совета министров не станет возражать против уравнения в правах евреев, и не ошибся.

Однажды царю понадобился в срочном порядке кандидат для должности обер-прокурора синода. Мы предложили профессора высших женских курсов, Раева, старого и совершенно незаметного человека, носившего парик и очень комичного. Он был председателем учрежденного мною «Научно-коммерческого объединения». Несмотря на громкое название, это был обыкновенный игорный клуб, где днем и ночью шла крупная игра.

Я должен заметить, что в то время царь говорил каждому вновь назначенному министру, что Распутин единственный человек, которому он доверяет. Его указание должно было служить в некотором роде направляющей рукои.

— Распутин — посланец Бога, — говорил в таких случаях Николай. — Я никогда в моей жизни не питал такой любви и доверия к человеку, как к Распутину.

Посылаемые Распутиным к министрам записки обычно содержали оборот: «Расскажу любящему». Это означало, что Распутин по данному делу собирался говорить с царем. Соответствующий министр в таких случаях считал просьбу Распутина как приказ царя и ставил на записке надлежащую резолюцию.

Незадолго до своеи смерти, Распутин сообщил мне, что царь решил принять меры к улучшению положения евреев. Все министры получили указания пересмотреть постановления прежних министров по поводу ограничений мест жительства для евреев. Из архивов были извлечены старые дела о черте оседлости.

Сообщение Распутина было также подтверждено мне Протопоповым, который к этому добавил, что желание царя — провести эти мероприятия без лишней огласки. Протопопов выразил желание, чтобы к нему явилась делегация евреев. Его желание было исполнено. Адвокаты Слиозберг и Варшавский, если я не ошибаюсь, были делегатами. Протопопов подтвердил им, что приняты уже меры к расширению еврейских прав. Он просил только считать это сообщение доверительным, чтобы избежать лишней огласки. На приеме еврейских депутатов присутствовал также генерал Курлов, занимавший тогда высокую должность в министерстве внутренних дел. Убийство Распутина прекратило все подготовительные работы. После убийства Распутина царь распорядился в первую очередь обратить внимание на борьбу с революционным движением. Еврейский вопрос был снят с очереди.

РАСПУТИН — ПОЛИТИК

Каким представляли себе Распутина современники? Как пьяного, грязного мужика, который проник в царскую семью, назначал и увольнял министров, епископов и генералов, и целое десятилетие был героем петербургской скандальной хроники. К тому еще дикие оргии в «Вилле Родэ», похотливые танцы среди аристократических поклонниц, высокопоставленных приспешников и пьяных цыган, а одновременно непонятная власть над царем и его семьей, гипнотическая сила и вера в свое особое назначение.

Это было все!

Только немногим было суждено познакомиться с другим Распутиным и увидеть за всем известной маской всесильного мужика и чудотворца его более глубокие душевные качества.

Люди, которые могли бы использовать его особое влияние и сугестивную силу для более высоких целей, не вникли в его душу и остались ей чуждыми и далекими. Почти все, кто искал его близости, стремились лишь к достижению своих личных, обычно весьма грязных целей. Для них он был только простым орудием для достижений их. У них не было охоты вдаваться в более глубокие размышления над его характером. Да и другой Распутин был им и не нужен.

Но за грубой маской мужика скрывался сильный дух, напряженно задумывающийся над государственными проблемами.

Распутин явился в Петербург готовым человеком. Образования он не имел, но он принадлежал к тем людям, которые только собственными силами и своим разумом пробивают себе жизненную дорогу, стараются разгадать тайну жизни. Он был мечтатель, беззаботный странник, прошедший вдоль и поперек всю Россию и дважды побывавший в Иерусалиме. Во время своих странствований он встречался с людьми из всех классов и вел с ними долгие разговоры. При его огромной памяти он из этих разговоров мог многому научиться. Он наблюдал, как жили люди разных классов, и над многим мог задуматься. Таким образом во время его долгих паломничеств созрел его особенный философский характер.

Продолжение следует.

МИКРОРЕЦЕНЗИИ

МОСКВА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Ее творчество необычайно своеобразно и всегда стоит особняком. Войдя в этот удивительный мир, нельзя оставаться бесстрастным. И в центральных, и в местных издательствах каждый год выходят новые книги поэта. Одна из них — «Поклонись Москве...», выпущенная «Московским рабочим». Отличительная черта этого сборника — подбор стихотворений и прозы, связанных прежде всего с жизнью М. Цветаевой в Москве. В него вошли циклы «Стихи о Москве», «Бессонница», «Стихи к Блоку», а также автобиографическая проза, воспоминания о поэтах (К. Бальмонте, В. Брюсове), дневниковые записи и письма.

Читая страницу за страницей, мы видим Москву такой, какая она была в пору детства и юности поэта: существующие и поныне Патриаршие пруды, Арбат, Тверской бульвар и, увы, не сохранившиеся Храм Христа Спасителя, церковь Бориса и Глеба... «...свою Москву, живую, дышащую, чувствующую, — она сотворила сама Свои отношения с нею», — пишет во вступительной статье составитель сборника А. А. Саакянц. И то, как и какие подобраны произведения, дает нам возможность открыть для себя, как непросто складывались эти отношения.

«Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси — бездомный.
Мы все к тебе придем», —

написала 24-летняя Марина Цветаева, словно предвидя свою судьбу. Стихотворения и письма 1939-41 годов открывают нам трагическую страницу последних лет жизни поэта, на чью долю выпало столько испытаний. И это тоже происходило в Москве — «колокольном семихолмии» ее юности... Стихи дополняются дневниковыми записями и письмами, полными трагической безысходности («...Москва меня не вмещает... она меня вышвыривает: извергает.») и в то же время внутренней гордости поэта и человека («Я не могу вытравить из себя чувства — права.»). И невольно обращаешь внимание на дату под последним из опубликованных здесь писем: 10-го июня 1941 г.

Марина Цветаева и Москва... Одно имя без другого непредставимо. «Что «я-то сама» дала Москве? ... Я дала Москве то, что я в ней родилась.»

М. АСАЛИЕВА

Цветаева М. И. ПОКЛОНИСЬ МОСКВЕ... — М.: Моск. рабочий, 1989.

КНИГОЧЕЮ НА ЗАМЕТКУ

Евгеньева М. ЛЮБОВНИКИ ЕКАТЕРИНЫ. — М.: Внешторгиздат, Кооп. «Ядро», 1989. — 62 с. — 3 р. 100 000 экз.

Жукова Е. НА ПОЛКАХ СТАРИННОГО ШКАФА: СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА. — М.: Политиздат, 1990. — 319 с., ил. — 75 к. 75 000 экз.

РОССИЯ XVIII СТОЛЕТИЯ В ИЗДАНИЯХ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ А. И. ГЕРЦЕНА И Н. П. ОГАРЕВА. Записки сенатора И. В. Лопухина: Репринт. воспроизведение изд. 1860 г. (Лондон) — М.: Наука, 1990. — 212 с. — 8 р. 100 000 экз.

Чаадаев П. Я. СОЧИНЕНИЯ / Сост., подгот текста, примеч В. Ю. Проскуриной. — М.: Правда, 1989. — 655 с. — (Из истории отеч. филос. мысли). — 2 р. 50 к. 35 000 экз. — Прил. к журн. «Вопр. философии».

Бланк А., Хавкин Б. ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ФЕЛЬДМАРШАЛА ПАУЛЮСА. — М.: Патриот, 1990. — 208 с., ил. — 65 к. 100 000 экз.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ: Т. 38. Радзивиловская летопись / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. — Л.: Наука, 1989 — 178 с., ил. — 1 р 80 к. 7 900 экз.

ВЕНОК СЛАВЫ: В 12 т. — 2-е изд. — М.. Современник, 1990. Т. 10. Освобождение Европы / Сост. А. И. Кондратович. — 622 с., ил. 3 р. 250 000 экз.

КОЛУМБЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ. Сб. / Сост., предисл., коммент., словарь К. В. Цеханской. — Хабаровск: Кн. изд-во, 1989. — 461 с. — (Под полярными созвездиями). — 1 р. 30 к. 75 000 экз

Петелин В. ФЕЛЬДМАРШАЛ РУМЯНЦЕВ: Докум. повествование. — М.: Воениздат, 1989. — 464 с. — 1 р. 80 к. 100 000 экз.

Симонов К. ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ: Размышления о И. В. Сталине / Сост. Л. Лазарев. — М.: Правда, 1990. — 428 с. — (Б-ка журн. «Знамя»). — 95 к. 700 000 экз.

М У Л Ь Т И М Е Д И А

Рижский Видеоцентр Фонда Культуры Латвии совместно с Бюро мультимедиа при Министерстве Иностранных дел Франции в феврале 1990 года выпустили русский вариант мультимедиа «Ледокол» (Brise-Glace), созданного французским философом и эссеистом Паскалем Эммануэлем Галле.

Выпуск производится с разрешения и с участием самого автора.

В комплекте: **видеокассета** (90 мин.) с 3 фильмами;

компактассета (60 мин.) с музыкой и монтажом записей документального звука;

книга «Белый пейзаж» с богатой подборкой текстового и иллюстративного материала; (текст параллельно на русском и французском языках).

Цена комплекта: **189 руб.**

Если Вас заинтересовало наше издание мультимедиа «Ледокол» и Вы желаете его приобрести, просим учесть:

1. Как организации, так и индивидуальные заказчики должны обратиться по адресу: 226047, Латвийская ССР, г. Рига, а. я. 541, Рижский Видеоцентр, Бюро мультимедиа.

2. Оплату произвести в течение двух недель после получения нашего счета. **Организации** производят перевод на счет № 000609919 в Октябрьском отделении Жилсоцбанка г. Риги, **индивидуальные заказчики** — почтовым переводом по вышеуказанному адресу. Дополнительные справки по телефону в Риге: **8-0132-210398.**

JVC DYNAREC HR

E-180 HR 3

Ледокол

HR DYNAREC

МУЛЬТИМЕДИА — ЭТО КОМПЛЕКСНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЯВЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВСЕХ ВОЗМОЖНЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ. МУЛЬТИМЕДИА — ЭТО АССОЦИАТИВНО БОГАТОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЗРИТЕЛЯ И СЛУШАТЕЛЯ. МУЛЬТИМЕДИА — ЭТО ТОТАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ.

НАМ ПИШУТ

«Мое письмо вряд ли увидит кто-нибудь из членов редакции, в лучшем случае — сотрудник отдела писем, а в худшем — стажер с «журфака», — таким предположением заключил свое обращение к нам рабочий из города Гатчина А. Демьянов. Он не одинок в своем скептицизме, поэтому хочется, чтобы этот очередной обзор убедил читателей журнала в обратном.

Начну с письма москвички В. А. Епифановой: «Не могу понять, почему журнал «Слово» почти неизвестен нашему читателю, судя по его тиражу за октябрь месяц, — 156 662 экземпляра. У меня даже дух захватило, когда я узнала, что́ печатается в этом журнале. Тотчас попросила сына подписать меня на «Слово» на весь 1990 год, хотя мне 75 лет и я вот-вот могу умереть».

Ну как не поблагодарить нашу новую подписчицу за теплые, трогательные слова. Желаем ей оставаться другом журнала еще многие годы, так же как и тысячам других новых друзей журнала, которые впервые выписали «Слово», отдав ему предпочтение в ряду множества других не похожих на него, как мы надеемся, изданий.

Итак, тираж первого номера — 233 130 экземпляров. И что особенно радует — среди наших читателей прибавилось, как о том говорит редакционная почта, немало жителей малых городов и сельской местности. А радует потому, что одно из главных устремлений редакции — повсеместно дойти до глубинки, тем самым делая «Слово» вестником духовности для все большего числа людей, живущих вдали от культурных центров.

На нашем титуле указано: литературно-художественный журнал. Однако вполне можно согласиться и с супругами В. Н. и Л. И. Терентьевыми из Москвы, которые шлют нам «большое русское спасибо» за «историко-художественно-публицистический журнал». Действительно, нас в первую очередь интересуют проза, поэзия, публицистика, история, философия, то есть основные пласты гуманистической мысли. И наш коллектив вдохновляют слова поддержки такой концепции, содержащиеся во многих письмах. Например, Г. Р. Аношенко из Магадана восклицает: «„Афиша" журнала на 1990 год отличная, одно пожелание — выполните ее, пожалуйста, полностью!»

Вообще, надо сказать, что в нашей редакционной почте появляется все больше писем читателей, разделяющих гражданскую, нравственную, патриотическую позицию, которую мы стремимся отразить выбором тематики и содержанием своих публикаций. Остались позади споры вокруг правомерности присутствия на страницах литературно-художественного журнала «Рок-энциклопедии», и мы искренне удовлетворены, что немало ее поклонников (а это преимущественно молодые люди) сохранили свою приверженность «Слову». Множество откликов, главным образом одобрительных, приходит на литературные и исторические публикации, на статьи критиков и публицистов. Но достаточно писем и с обыденным житейским вопросом — где достать примеченную книгу, просьбами напечатать перечень произведений того или иного автора. Мы стремимся отвечать на подобные вопросы, хотя ради экономии времени обеих сторон хочется напомнить авторам таких писем, что быстрее они могут узнать интересующие их сведения в местной библиотеке или книжном магазине.

Но о чем особенно нельзя не сожалеть, так это о том, что вскрывая очередной конверт, чрезвычайно редко извлекаешь из него письмо-откровение, читательскую исповедь. А ведь сейчас отношения каждого из нас с окружающим миром и друг с другом складываются очень непросто — сколько неразрешенных проблем, сколько вокруг неустроенности, безнравственности! И сколь часто утихают душевные боли и сомнения, жизнь приобретает иной, радостный и одухотворенный смысл, если вдруг соприкасаешься с мудрым, озаряющим сознание и просветляющим душу словом мыслителя, писателя, творца. Мы с надеждой ждем писем об этом, ибо у каждого навсегда остается в жизни заветная книга, заветное имя...

Правда, житель города Калинина А. В. Макаров считает, что «журнал должен вводить в мир всех книг». К сожалению, выполнение такой просьбы на страницах литературно-художественного ежемесячника невозможно. Эта функция по плечу еженедельной газете «Книжное обозрение», о чем, собственно, и говорит ее название. Более созвучно нашим устремлениям другое предложение — Н. Рыбиной из Братска: «Журнал читаем всей семьей, но есть одно «но»: хочется видеть в нем информацию о новинках». Читатели «Слова», наверняка, заметили появившиеся в конце прошлого года наши новые рубрики «Микрорецензии» и «Книгочею на заметку», которые должны объединить небольшие сообщения о примечательных, на наш взгляд, новинках. Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что их тематика не всегда будет сообразовываться со всеми вкусами. Однако надеемся, что диалог с вами поможет направить эти публикации в нужное русло.

При этом напоминаем читателям: отрывками из забытых или неизвестных широкой публике произведений мы не только стремимся привлечь к ним внимание подписчиков, но и проинформировать, заинтересовать издателей — пусть выпустят массовым тиражом. Эту необходимость подчеркивает характерное для нашей почты письмо электромеханика Р. В. Горчакова из Игарки: «Уважаемый редактор! Откликаясь на Ваше предложение подвести новогодние итоги чтения «Слова», начну с главного: я подписался на него на 1990 год. Более всего меня привлек в журнале хороший вкус его редакции, который сказывается как в выборе публикуемых материалов, так и в комментариях к ним. И Беломорье-то я люблю, и Федор Крюков мне по душе, и против писем Троцкого ничего не имею, и Эрмитаж, слов нет, хорош, но уж больно всего понемногу. Ну, ладно, москвич, ленинградец, тбилисец сможет (если сможет) прочесть в своих библиотеках целиком то, что «Слово» дарит читателям в виде — пользуясь выражением Вашей «Афиши» — «лакомых кусочков». А каково сибирякам, уральцам, дальновосточникам?»

Однако и мы, в свою очередь, не отказываемся помочь таким читателям — от заявки, обнародованной в № 9 за прошлый год, в которой говорилось о намерении начать издание сборника-приложения к «Слову». «Постарайтесь сообщить, в каком издательстве и примерно когда будет выходить литературное приложение к журналу. Умоляю Вас осуществить этот проект от имени более двух десятков моих товарищей по работе, которые вслед за мной подписались на «Слово», — просит москвич, ветеран партии и труда Н. Ф. Смолин. Мы бы слукавили, заявив, что все идет как хочется. До сих пор редакция, руководство Госкомпечати СССР и издательство «Книжная палата» продолжают прорабатывать вопрос о регулярном выпуске сборников-приложений к «Слову», в которых бы литературно-художественные, философские,

исторические и другие произведения, увидевшие свет на наших страницах в отрывках, предстали бы в полном объеме.

Мы также разделяем пожелание кокчетавца Ю. Брагина «не становиться стариками» и полностью присоединяемся к мнению М. П. Табакина из Днепропетровска: «Считаю, журнал «Слово», имея большую молодежную аудиторию, должен вести воспитательную работу, приобщать ее к литературе, вести диалог с личностями, и не только с писателями. Давайте обсудим проблемы личной библиотеки — какая она должна быть, проблему «черного рынка» и книжных аукционов». Подтверждение нашей позиции — новый раздел «Молодежь», который впервые появился в данном номере. Что касается других предложений — их осуществление в планах редакций, но мы напоминаем читателям: ждем ваших размышлений по волнующим проблемам.

Конечно, было бы неправдоподобным, если бы обзор редакционной почты создавал впечатление единодушного одобрения содержания журнала. Встречаются письма и прямо противоположного толка. Вот одно из них, пожалуй, самое резкое: «Ваш журнал вне литературы. К своему стыду оформил подписку — буду возвращать «Слово» по мере поступления. Ваши авторы не заслуживают внимания. Беспомощно, бездарно, с неуважением. М. В. Анкиндинов, Москва».

К сожалению, этот читатель не обосновал столь категорического неприятия нашей работы. Быть может, смысл претензий содержится в другом письме — М. А. Захарова из Ленинградской области? «Подписался на Ваше издание и в 1990 году. Судя по Вашей «Афише», кажется, не ошибся. Смущает только одно обстоятельство: как-то много тех, кого любят журналы «Молодая гвардия» и «Наш современник», но как-то не видно тех, кто печатается, скажем, в «Огоньке» и других изданиях, стоящих на его позициях. Предлагаемые Вами писатели, безусловно, хорошие писатели и принципиальные люди. Но не кажется ли Вам, что хорошие и порядочные писатели есть и с другой стороны баррикад, возведенных Вашими коллегами? Вы говорите о культуре, духовности, достоинстве. Будьте такими! Будьте объективны и беспристрастны. Дайте слово противной стороне».

Жаль, что наш корреспондент загодя определил, о чем же и как будут писать эти авторы в «Слове», предполагая, видимо, их нападки на тех, кто находится «с другой стороны баррикад». Между тем наша редакция не вынашивает таких намерений.

В этой связи нашим устремлениям созвучны строки другого письма — рижанина Г. Г. Лисиченко: «В Вашем журнале чувствуется большое желание редакции помочь в возрождении русского народного духа».

Значит ли, что концепция журнала окончательно определена и мнение читателей нами уже не берется в расчет? Конечно же, нет. Например, «коммунист и участник Великой Отечественной войны» А. С. Омаров, житель Караганды, пишет: «Мне и моим товарищам непонятна позиция журнала — публикация статей о расстреле Романовых и дневника Николая II. Какое они имеют воспитательное значение для современной молодежи?» Ответом нашему уважаемому корреспонденту может послужить другое письмо, В. Озерова из села Славянка Омской области, которое созвучно точке зрения большинства читателей: «Особенно заинтересовала рубрика «От Февраля до Октября». Это история нашей страны, а мы так мало знаем об этом коротком периоде. Хотелось бы лучше и полнее узнать о тех, кто стоял в то время по разные стороны баррикад».

Теперь о другом. Читатели с похвалой отзываются о внешнем виде «Слова», его иллюстрациях и фотографиях, нередко уникальных. Тем не менее редакция продолжает поиск еще большего своеобразия, большей содержательности и красочности оформления журнала. Но и в этой работе мы не отделяем себя от соучастия читателей, поэтому с благодарностью примем указания на интересные сюжеты, конкретные книжные, архивные и другие иллюстративне материалы, рисующие жизнь Отечества. Более того — будем признательны за присылку таких материалов. Разумеется, по желанию их владельцев они после использования будут возвращены.

Есть читатели, особенно среди людей преклонного возраста, которые в своих письмах сетуют на чересчур, по их мнению, мелкий шрифт некоторых наших публикаций. Понимаем их трудности, но что делать, если каждый номер журнала мог бы быть вдвое толще — столько лежит и ждет очереди интересных, подготовленных к печати материалов. Вот и приходится прибегать к мелкому шрифту. Конечно, понимаем, это слабый довод для людей со слабым зрением. Однако можем сказать в свое оправдание, что качество печати «Слова», ее четкость лучше, чем у многих толстых журналов. А ведь и они не могут отказаться от мелкого шрифта...

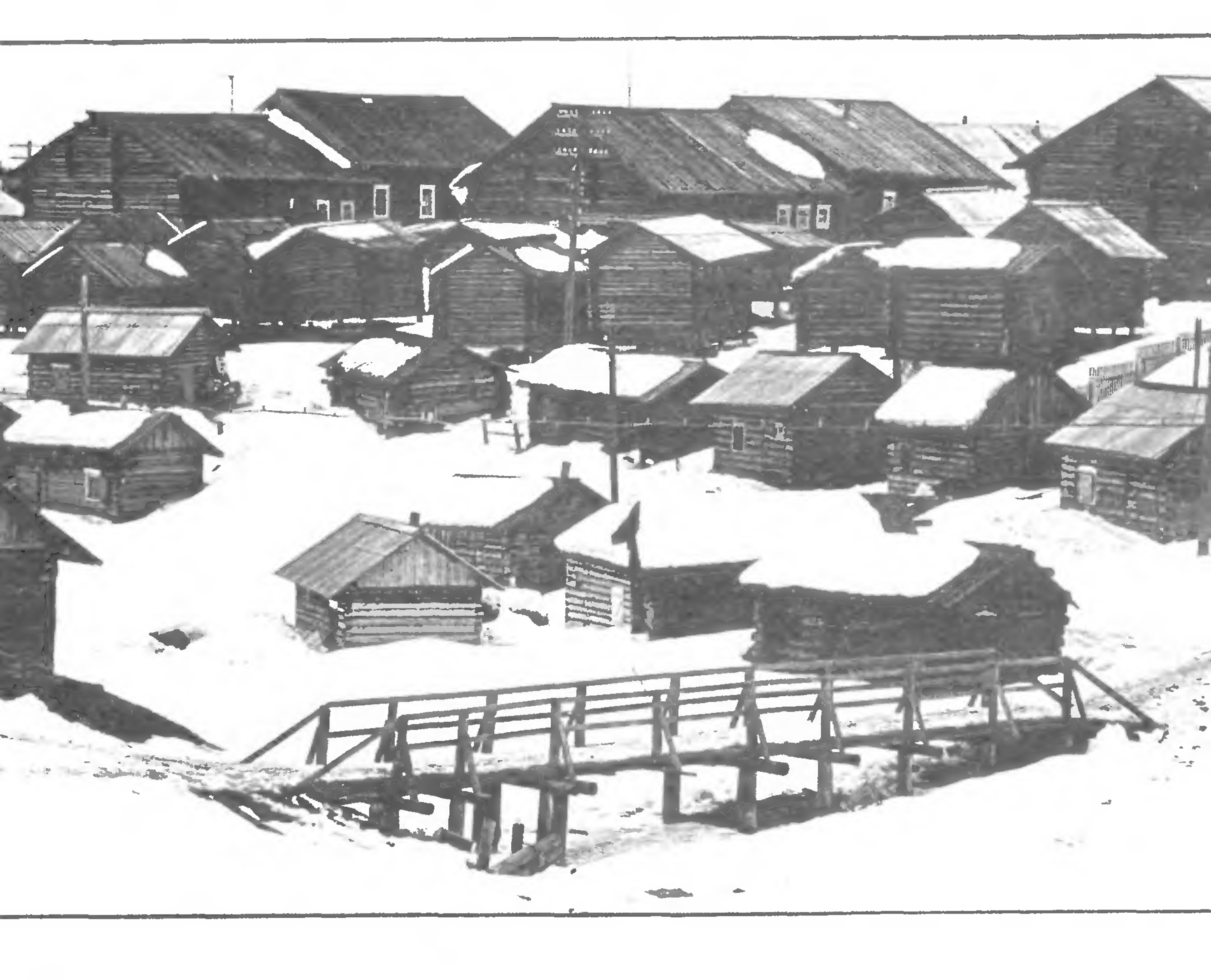
Отрадно, что наши друзья-подписчики проявляют большую заинтересованность в дальнейшем расширении аудитории «Слова». «Здесь, в городе Малмыже, раньше и не знали о существовании журнала. Недостаточно, вероятно, занимаетесь рекламой», — пишет нам И. Гущеваров (Кировская область). Мы разделяем его обеспокоенность и нам понятно столь ревностное отношение к популярности журнала — конечно же, хочется, чтобы «Слово», которому ты отдал предпочтение среди множества других периодических изданий, было в состоянии публично доказать свое право на достойное среди них место. Заверяем наших читателей, что будем и впредь продолжать расширение живых, непосредственных контактов, в том числе с помощью радио, телевидения, периодической печати. Но хочется сказать, что лучшая, как замечено, пропаганда — это благожелательная молва, передача из уст в уста знакомому, товарищу по работе своего мнения. Опираясь на ваши письма, дорогие читатели, мы с удовлетворением замечаем, что оно в большинстве своем одобрительное. Сильно надеемся, что почта редакции будет все увеличиваться, принесет с собой новые предложения, новые идеи, которые помогут коллективу редакции лучше удовлетворять ваши интересы.

Закончим же этот краткий обзор словами мудрого человека — писателя Михаила Пришвина, которые, по мнению П. А. Вересаева из карельского города Сегежа, можно сделать эпиграфом к каждому номеру «Слова»: «Слово ценится по силе, с которой говорит человек, у сильного слов меньше, но зато он сильней действует, у слабого больше слов и, чем больше слов у него, тем больше силы убывает».

Будем же вместе с вами стремиться к нужному, вовремя сказанному, образному слову, дорогие читатели!

Пишите нам, ваше слово для нас бесценно!

ЮРИЙ ЧЕРНЕЛЕВСКИЙ,
обозреватель.

НА КРАСЕ-ТО ОНА ДА ПОСТАВЛЕНА...

Деревянная графика

Фото
ПАВЛА КРИВЦОВА